

Г. Х. Шахназаров

КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Г.Х.Шахназаров

КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

(Критические очерки
немарксистских концепций
будущего)

Москва «Мысль»
1985

ББК 87.3в02
ШЗ1

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шахназаров Г. Х.

- ШЗ1   Куда идет человечество: (Критич. очерки не-
марксистских концепций будущего). — М.: Мысль,
1985. — 192 с.
70 к.

Работа посвящена критическому анализу буржуазных, реформи-
стских и леворадикальных концепций мирового общественного разви-
тия. В ней рассмотрены значительные по замыслу и исполнению про-
изведения утопического и футурологического толка О. Хаксли,
Д. Оруэлла, Э. Берджеса, Ж.-Ж. Серван-Шрайбера, Г. Кана и др.
Вскрывая несостоятельность указанных концепций, автор противопо-
ставляет им марксистское учение о перспективах развития общества.

Ш 0302030000-058
004(01)-85 57-85

ББК 87.3в02
1ФБ

Испокон веков одним из самых сильных и страстных желаний человека было постигнуть свою судьбу. В Древней Греции наибольшим почетом был окружен храм Аполлона в Дельфах: устами оракула всеведущий бог извещал царей и героев, какая участь уготована им олимпийскими небожителями. В их составе хитроумные создатели мифов специально выделили отряд богинь судьбы — мойр, функцией которых являлось раскрытие смертным ожидающих их сюрпризов. В средние века ни один уважающий себя монарх не обходился без придворного астролога. Прорицатели обслуживали не только знать, но и простой люд: на рынках и площадях каждый мог за грош вытянуть билетик с туманными намеками на удачу или подстерегающие опасности, цыганки предсказывали на картах, большой популярностью пользовалось гадание на кофейной гуще. Да и в наш просвещенный век нет недостатка в «бабках-угадках», способных за приличную мзду «раскрыть» завесу грядущего, идет ли речь об отдельных людях или человечестве в целом. Хватает и простодушных, готовых верить этим пророчествам.

Как ни живуч дедовский способ предвидения, основанный по преимуществу на интуиции, он представляет собой не более чем анахронизм. В отличие от наших пращуров мы располагаем теперь возможностями не гадать о завтрашнем дне, а систематически исследовать средствами современной науки. Одним из результатов гигантского прогресса в раскрытии тайн природы и общественной жизни стало выделение в самостоятельную отрасль знания *прогностики*, в арсенале которой экстраполяция и социологические опросы, моделирование и сценарная разработка экономических процессов, многие другие методы анализа перспективы. Решающее значение для ее успехов имело появление электронно-вычислительной техники, позволяющей в короткие сроки просчитывать огромное количество эмпирических

данных и делать на этой основе необходимые обобщения.

Замечено, что всякое новое направление в науке переживает три основные стадии. На первой наблюдаются повышенный общественный интерес, щедрые вложения и дотации, бурный приток кадров и непомерные надежды. На второй — разочарование, утрата популярности у публики и энтузиазма у самих специалистов, скудный паек, прозябание. На третьей — постепенное восстановление престижа, установление баланса между умеренными чаяниями и скромными результатами, финансирование по достоинству.

В соответствии с этой схемой первые опыты использования кибернетических устройств для прогнозирования произвели сенсацию. Казалось, человечество наконец получило в свое распоряжение «машину времени». Чего проще — собрал статистические сведения, вложил их в ЭВМ, задал ей задачу и получил ответ: какой будет цена на зерно, сахар и нефть в следующем году, кто победит на очередных президентских выборах в США, что случится в мире в последующие десять, пятьдесят и даже двести лет.

Как и полагается, на первых порах всякая удача прогностики встречалась овацией, а промахи снисходительно ей прощались. Но стадия эйфории прошла быстро. Один за другим стали обнаруживаться крупные просчеты в оценке перемен, которых следовало ожидать в рыночной конъюнктуре или денежном обращении, во внутренней или международной политике. Причем речь шла не о предсказаниях на десятилетия вперед, не подпадающих проверке, а о краткосрочных прогнозах — на год-два.

Наступила вторая стадия. Кое-кто, ударившись в крайность, объявил математические методы вообще непригодными для оценки и прогнозирования социальных процессов. Стали подвергать сомнению и эффективность методов анкетирования, социальных опросов совсем недавно представлявшегося волшебной лампой, с помощью которой социолог Аладдин брался открыть тайны общественной психики. Высказывалось, впрочем, и трезвое суждение, что в просчетах повинны не машины, а люди, увидевшие в кибернетике спасительное средство от всех социальных зол.

В чем же загвоздка? Ведь чуть ли не каждый год в распоряжение социологов и экономистов поступает все более совершенная вычислительная техника, изменяет-

ся — надо полагать, не в худшую сторону — методика исследований, обогащается подсобный статистический материал. Все, казалось бы, должно вести если не к стопроцентной гарантии, то по меньшей мере к устойчивому повышению достоверности прогнозов. А результаты обратные.

Этот парадокс имеет несколько объяснений. Прежде всего он связан с одной из особенностей познания, суть которой можно сформулировать примерно следующим образом: чем больше наша мысль проникает в механизм устройства тех или иных «узлов и деталей» природы и общества, тем больше перед ней возникает новых, неизвестных в прошлом проблем. Парадокс порожден не спекулятивной игрой ума, а диалектикой процесса познания. Раскрывая сущность какого-либо явления, мы обнаруживаем и такие его связи с другими явлениями, о которых до сих пор не догадывались. «Взятие следа» ведет к новым откровениям и новым загадкам, с расширением сферы знания расширяется, если можно так выразиться, сфера «осознанного невежества», которое уже есть полужнание.

В соответствии с этим применение более изощренной техники и методики исследований оказывается продуктивным далеко не сразу и не всегда. Порой оно ведет к просчетам, которых удавалось избежать, когда тот же исход выборов или экономическая конъюнктура определялись прикидкой «на глазок», при гораздо большем доверии к опыту и интуиции. Чем чувствительней инструмент, тем выше не только точность измерения, но и вероятность ошибки, возникающей под влиянием каких-либо малоизвестных либо вовсе не учтенных факторов.

Существует немало и других объективных причин, превращающих прогнозирование в исключительно трудное, а порой даже неблагоприятное занятие. Но самые серьезные ошибки и неудачи постигают тех исследователей, которые полагают возможным обойтись без целостной научной теории общественного развития, раскрывающей закономерности истории, причинно-следственные связи между прошлым, настоящим и будущим.

Невозможно предсказывать завтрашний день (если, конечно, речь идет не о гадании на кофейной гуще или на картах), не понимая характера современного общества. И существует только одна научная теория, сумевшая постигнуть этот характер во всей его сложности и многообразии, — марксистско-ленинская. Три ее великих

открытия составляют опорную базу и для подлинно научной философии истории, и для эффективной революционной программы преобразования современного общества, и для достоверного предвидения будущего. Это, во-первых, идея закономерности прогрессивного развития общества, происходящего в результате смены социально-экономических формаций. Во-вторых, тезис, что пружиной исторического процесса является развитие производительных сил, порождающее потребность в новых производственных отношениях или экономическом базисе общества и в соответствующей ему политико-идеологической надстройке. В-третьих, мысль о том, что движущей силой общественного развития является классовая борьба, которая в нашу эпоху с необходимостью ведет к преобразованию капиталистического общества в социалистическое.

Вот четкая формула закономерности, которая, можно сказать, лежит в основе подлинно научного предвидения. Каждая ступень истории «застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застает передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»¹.

Любая теория может быть сведена в конечном счете к предвидению. Более того, теория становится научной только тогда, когда высказанные на ее основе гипотетические предположения оправдываются на практике. Иначе говоря, подтверждение способности предвидеть — это своего рода сертификат научности. Именно на такой основе химия отделилась от алхимии, астрономия — от астрологии, медицина — от знахарства. Таким же образом социальная наука отделилась от преднауки — всего арсенала социальных и политических учений, которые не сводились к заблуждению, содержали элементы истины, но не давали цельного и системного представления об обществе и законах его развития.

В наше время истинность теории научного социализма, ее способность правильно предвидеть будущее дока-

заны всем ходом общественного развития. На глазах и при непосредственном участии живущих поколений под воздействием двух великих революций — социалистической и научно-технической — происходит радикальное преобразование всех сторон общественной жизни и международных отношений. Рушатся существовавшие веками и казавшиеся незыблемыми порядки угнетения человека человеком и нации нацией, рождаются новые формы общественного бытия и сознания, перед ошеломленным собственным могуществом человечества открываются необозримые горизонты прогресса. Эпоха больших перемен вызывает к жизни и большие ожидания, веру в возможность разума утвердить на Земле царство справедливости и всеобщего процветания.

Будущее неоднозначно, оно таит в себе немало угроз. Силы реакции, судорожно цепляясь за свои привилегии, грозят обратить против человека замечательные плоды науки и изобретательства. Освобожденная энергия атома для них — прежде всего средство массового истребления, электроника — инструмент манипулирования сознанием людей, генная инженерия — орудие направленного воздействия на человеческую натуру с целью формирования покорных живых роботов. К этой злой воле добавляются объективные трудности. Господствовавшие на Земле тысячелетиями уродливые общественные порядки эксплуатации человека человеком и нации нацией оставили в наследство живущим поколениям тяжелый груз: дикое неравенство в развитии отдельных стран и регионов, зоны массового голода, нищеты, неграмотности. Неконтролируемое использование природных ресурсов породило опасность их истощения. Инспирированная империализмом гонка вооружений поставила в повестку дня вопрос вопросов — спасение самого рода человеческого от ядерного апокалипсиса.

Не удивительно, что люди всматриваются в завтрашний день не только с надеждой, но и со страхом. Одни торопят ход событий, другие стремятся его придержать. Одни встречают новшества рукоплесканиями, другие — улюлюканьем. Такое многообразие, порой полярно противоположное отношение к будущему во многом объясняется гносеологическими и даже психологическими причинами. Исключительная сложность и запутанность связанных с ним общественных, групповых и личных проблем требуют для правильного их истолкования и достаточной образованности, и непредвзятости суждений, и способности преодолеть предрассудки, а порой

разрыва с традиционными взглядами, укоренившимися в той или иной социальной среде. Различная реакция на перемены, которую О. Тоффлер метко назвал «футурошоком», отражает и такие свойства человеческого характера, как оптимистическое либо, напротив, пессимистическое восприятие действительности.

Однако главный источник спора о будущем имеет, безусловно, классовое происхождение. По сути дела, это исторический спор между классами и социальными слоями — теми, кто, расправляя плечи, вступает во владение миром, и теми, кто пытается любой ценой сохранить выгодные для себя старые порядки, перенести их в ХХI век. Спор упорный, острый, бескомпромиссный, ибо речь идет о битве за миллионные массы, от ориентации которых зависит ход мировых событий.

Идейная полемика, отражающая интересы, цели и устремления борющихся классов, разворачивается ныне по широкому спектру экономических, социальных и политических проблем, стоящих перед отдельными народами и мировым сообществом в целом. Ее предметом является и настоящее, и прошлое. Но вполне понятно, что апелляция к истории и оценка современной действительности подчинены кардинальной задаче — борьбе за будущее. Вот почему можно без всякого преувеличения сказать, что вся сумма аргументов, используемых в схватке идей различными ее участниками, сводится в последнем счете к ответу на вопрос: *куда идет человечество?*

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте» научно доказали, что общество идет к коммунизму. Марксисты углубляли и совершенствовали свою концепцию будущего, обобщая итоги революционной деятельности рабочего класса и опыт строительства нового мира. Они учитывали достижения естественных наук, критически осмысливали все ценное, что выдвигалось общественной мыслью, и одновременно вели неутомимую полемику с различного рода буржуазными и мелкобуржуазными идейными течениями, пропагандирующими собственный «образ будущего». Такая работа приобретает особое значение в наше бурное, во многом переломное время, и она успешно выполняется коллективными усилиями советских и зарубежных марксистов.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, представляет собой критические очерки немарксистской социально-политической мысли о будущем. Из множества произведений, посвященных этой теме, выбрано несколько

значительных по замыслу и исполнению, позволяющих составить представление о футурологическом поиске разных идейных и политических течений: буржуазно-консервативного, либерального и социал-демократического, техницистского и антитехницистского, утопического и антиутопического, алармистского. При отборе учитывался и охват наиболее актуальных проблем — судьбы войны и мира, социального прогресса, общественных отношений, политической власти и др. Стоит, наконец, сказать, что критический разбор автор всякий раз стремился сопровождать изложением позитивного мнения по поводу тех или иных аспектов предвидимого будущего.

О. Хаксли и Д. Оруэлл: кошмары тоталитаризма

Среди различных методов «исследования будущего» заметное место занимает антиутопия. Смысл ее достаточно ясно выражен в самом термине: в отличие от утопии, рисующей идеальный образ (если речь идет о художественном произведении) или модель (если речь идет о научном труде) грядущего мироустройства, антиутопия предупреждает о таящихся в будущем угрозах. Отсюда другое распространенное ее наименование — «роман предупреждения». Классическим и непревзойденным его образцом является «Машина времени» Г. Уэллса.

Уже многие годы дебатруется вопрос, в какой мере авторы антиутопий предрекают человечеству те или иные беды как, по их убеждению, неизбежные, а в какой просто предостерегают о возможности опасного хода событий, если не будут приняты защитные меры. Думается, вопрос этот имеет чисто литературоведческий интерес. В конце концов для читателя не важно, что думал автор, а важно, что он написал. В этом смысле та же «Машина времени» представляет собой недвусмысленное осуждение системы социального неравенства и эксплуатации труда. Великий английский фантаст говорит, что, если эта система сохранится на длительную перспективу, она приведет к вырождению обоих основных классов буржуазного общества, к гибели цивилизации. Основная идея романа, таким образом, прогрессивна, и даже революционна, хотя она выражена с помощью своеобразного художественного приема — суждения «от обратного».

Прием этот пришелся по вкусу, и к настоящему времени созданы сотни антиутопий — хороших и плохих, написанных с гуманистических или, напротив, реакционных позиций, выражающих искреннюю озабоченность негативными тенденциями общественного развития либо рассчитанных на дешевую сенсацию¹. Но среди них есть несколько произведений, оказавших большое влияние

на формирование всей западной футурологической мысли. К их числу принадлежат романы Олдоса Хаксли «Этот прекрасный новый мир» и Джоржа Оруэлла «1984». Последний заслуживает особого внимания, поскольку 1984 год уже миновал в календарях и у нас есть редкая возможность проследить, в какой мере и где именно сбываются мрачные пророчества английского фантаста.

Переноса в будущее как негативные тенденции, связанные с техницизмом, так и страх буржуазного рассудка перед коллективизмом, антиутопии Хаксли и Оруэлла позволяют особенно отчетливо различить силу и слабость либеральной традиции политической мысли. Последняя проявляется в парадоксальном факте — английские романисты описали *не совсем то или совсем не то общество, какое они имели в виду*. Причины этого парадокса станут ясны, если выделить из «Прекрасного нового мира» и «1984» их идейную квинтэссенцию и сопоставить ее с действительностью.

Конечно, подобная операция не обойдется без известного упрощения, так как речь идет не о научных трактатах, а о художественных произведениях, в которых идеи облачены в образы, авторская мысль передается читателю не только прямыми высказываниями персонажей, но и всей атмосферой повествования. Нельзя сбрасывать со счетов и различия между двумя романами. Хотя авторы их происходят из одной социальной среды (состоятельная английская интеллигенция, чьи взгляды формируются в Оксфорде, Кембридже и Итоне), они существенно отличаются друг от друга. Хаксли представляет либерально-демократическое направление. Оруэлл по своим убеждениям может быть причислен к сторонникам правого социализма. Хаксли по преимуществу философ, в его даровании преобладает литературное начало, Оруэлл — политик и публицист.

К тому же надо иметь в виду, что «Этот прекрасный новый мир» был написан в 1932 г., до прихода Гитлера к власти, а «1984» вышел в 1949 г., после второй мировой войны, когда человечество получило уже исчерпывающее представление о фашизме. Нечего говорить, что одно это обстоятельство предопределило неодинаковую окраску будущего: у Хаксли оно выглядит радужно-розовым, у Оруэлла — траурно-черным.

Но в том-то и дело, что розовый цвет «прекрасного нового мира» — не более чем подкладка того же черного сюртука, который надет Оруэллом на общество 1984 г.

При разных замыслах и даже при значительной дистанции в «условном времени» (Хаксли отнес свою антиутопию приблизительно к 2500 г.) произошло совпадение в некоторых узловых точках, что и позволяет подвести оба романа под общий знаменатель.

Тотальная организация — вот его первый компонент. Не говоря уж о производстве и распределении материальных и духовных ценностей, наука, литература, искусство, быт, семья — практически все аспекты человеческой жизни и деятельности в обоих произведениях включены в единый механизм, действующий по раз заведенному порядку и направляемый некоей высшей волей. Границы между личным и общественным почти не существует: поскольку вездесущее государство организует индустрию развлечений, оно распоряжается по собственному усмотрению и свободным временем своих граждан или, вернее, подданных.

Главная черта всякой суперорганизации, по мнению авторов, заключается в том, что она становится самоцелью. Именно таково устройство «прекрасного нового мира» и общества 1984 г.: хотя официальной целью государства прокламируется всеобщее благоденствие и счастье, в действительности вся его деятельность подчинена задаче самосохранения. Это особенно наглядно проявляется в том, что даже правящая верхушка (десять «мировых контролеров» у Хаксли, таинственный «большой брат» и его ближайшие соратники у Оруэлла) вынуждена подчинять свою волю и страсти мистическому «общему интересу», который каким-то непостижимым образом не отвечает буквально ничьим реальным интересам. В отличие от обычных лидеров, будь то харизматический вождь или просто диктатор, эти люди не формулируют целей правления и не извлекают из своего положения никаких особых выгод.

Несмотря на кажущуюся бесконтрольность верховной власти, она представляет собой нечто вроде блока автоматического управления, встроенного в машину и составляющего в конечном счете одну из ее деталей. Все, от стоящих у подножия социальной пирамиды до правителей, — рабы этой государственной машины. Характерно, что отдельные представители правящей элиты (вроде Мустафы Монда в «Этом прекрасном новом мире» и О'Брайена в «1984») довольно здраво судят обо всем и понимают вопиющую несправедливость заведенных порядков, но у них даже не мелькает мысль предпринять что-либо для их изменения. Да и могут ли вин-

тики покушаться на механизм? А диктаторы в антиутопиях Хаксли и Оруэлла — те же винтики, разве что более крупного калибра.

Подчинение организации задачам сохранения статус-кво проявляется и в других чертах социальной структуры. «Антиутопические» общества разделены на классы или касты, причем деление это носит чрезвычайно жесткий характер, какая-либо социальная мобильность практически исключена². В «Этом прекрасном новом мире» насчитывается пять каст (альфа, бета, гамма, дельта, эпсилон), а общество «1984» состоит по существу из двух основных классов — управляющих и управляемых.

Эта социальная структура, с одной стороны, подобна феодально-капиталистической, а с другой — отличается от последней одним весьма существенным свойством. Дело в том, что ее верхушечные слои существуют отнюдь не для того, чтобы наслаждаться жизнью за счет эксплуатации труда рабочей массы. Хотя с их положением и связаны кое-какие преимущества (вроде ежедневной порции вонючего джина, о котором пролетарии «1984» не могут и мечтать), они по большому счету поставлены в одни и те же жизненные обстоятельства.

Другими словами, социальная иерархия здесь не влечет за собой практически никаких последствий, «белые» и «черные» воротнички отличаются друг от друга лишь характером исполняемых функций, лишь отведенным им местом у одного государственного конвейера. Те и другие обречены на роль пассивных исполнителей, одинаково отчуждены от своей человеческой сущности. Функциональное значение социальной стратификации подчеркивается вдобавок тем, что распределение по кастам производится не в силу происхождения или наследования, а по существу волей случая.

Наконец, тотальная организация имеет следствием полнейшую унификацию людей в рамках каждого социального слоя. За редкими исключениями, все они утрачивают отличительные черты личности и становятся похожими друг на друга, как гвозди. Понятно, что это как нельзя лучше соответствует оптимизации производственного процесса, организованного в виде конвейера. При этом никому не приходит в голову учесть потери, связанные с абсолютным подавлением творческого начала, с искусственным «усреднением» человека. Зачем? Ведь цель системы не в совершенствовании и переходе на более высокие ступени прогресса, а в цикличном воспроизведении условий своего существования. И те еди-

ницы, которые в результате некоего божественного озарения вдруг осознали истинный смысл жизни и предначертание человека, вынуждены под страхом смерти укрывать свою неортодоксальность.

Следующая черта антиутопических обществ Хаксли и Оруэлла, представляющая прямое продолжение или даже компонент тотальной организации, — это *тотальный контроль*. Жизнь людей независимо от того, к какой социальной среде их причислила судьба, регламентирована до мельчайших подробностей, каждый их шаг запланирован, и любое отклонение от этого порядка, сходного с бесконечным однообразным бегом часовых стрелок по окружности циферблата, решительно пресекается.

Контроль распространяется на все сферы бытия и сознания людей, поддающиеся контролю, и даже на те, какие ему на поверхностный взгляд не поддаются. В первую очередь это, естественно, трудовая деятельность, протекающая под бдительным оком надсмотрщиков, за которыми в свою очередь наблюдают надзиратели, за которыми... и т. д. Словом, никакой лазейки для уклонения от строгого исполнения предписаний.

Контролируется быт. В оруэллианском «1984» у каждого в жилье обеспечено постоянное присутствие соглядата. Это достигается посредством телевизора, который позволяет наблюдать извне за всеми занятиями хозяев. По телевизору же проводятся двухминутные кампании любви к «большому брату» и ненависти к его главному противнику (бог — дьявол), причем если кто-либо не выказывает в ходе процедуры должного рвения, то это не остается незамеченным для зоркого глаза, укрытого за телеэкраном.

Контролируется секс, правда различными методами, в зависимости от функционального назначения социальных групп. Классу управляющих надлежит сохранять идеологическую «чистоту» и нетерпимость ко всякому инакомыслию, а поскольку сексуальные влечения погружают в стихию низменных страстей, расслабляют волю и могут отвлекать от высоких помыслов, постольку они воспринимаются как нечто крайне нежелательное в этой среде. Соответственно к браку относятся как к неизбежному злу, внебрачная связь даже между одинокими мужчиной и женщиной рассматривается как тяжкий антиобщественный проступок, а половую энергию молодежи направляют в организованное русло путем поголовного вовлечения ее в «антисексуальную лигу».

Совершенно иное отношение к сексу в пролетарской среде. Здесь он расценивается не только как необходимое условие воспроизводства рабочей силы и пополнения непрерывно воюющей армии, но, что не менее важно, и как эффективное средство заполнения короткого досуга, сублимации всяких нежелательных раздумий. Поэтому принимаются все меры для поощрения сексуальной свободы, и даже специальный сектор в департаменте информации («рогносес») занят производством дешевеньких порнографических изданий.

Что касается «прекрасного нового мира», то в нем достигнуты ещё более впечатляющие «успехи» в установлении контроля над половой и семейной жизнью. Там попросту не существует больше таких понятий, как любовь, семья, отец, мать, брат, сестра. Они отмерли вместе с естественным деторождением в связи с переходом к массовому биологическому производству миллионов трафаретных «гамма» и «дельта».

Но пожалуй, особо тщательному контролю подвергается мысль. В обществе 1984 г. повсюду снуют агенты специальной «полиции по наблюдению за мыслями»: стоит кому-либо на секунду отвлечься от благочестивых размышлений о величии и праведности существующего общественного порядка, неосторожным словом или жестом выдать прокрававшуюся в мозг крамольную идею, как песенка его спета.

По-своему решается эта проблема в «прекрасном новом мире». Зачем, спрашивается, доводить дело до преступления и наказания, да вдобавок обременять общественный бюджет содержанием специальных полицейских сил, если есть возможность с помощью химии принять профилактические меры и заранее обезопасить мозги от проникновения чуждых мыслей? В колбы, где выращиваются зародыши низших каст, добавляют алкоголь. В итоге их мозг сокращается до размеров, достаточных для исполнения черной работы и исключаящих «никчемное умствование».

В обеих антиутопиях важным дополнением контроля над мыслями служит контроль над историей. Еще бы! Не дай бог какая-нибудь особь, у которой случайно прорежется любознательность, наткнется на правдивое описание прошлого их и революционная мысль, что жизнь может быть устроена иначе, начнет расползаться, как зараза! Во избежание такой опасности история практически изгоняется из убогого стандартного набора ду-

ховной жизни, а ее жалкие остатки искажаются на все лады в соответствии с потребностями момента.

Сразу после возникновения «прекрасного нового мира» было систематически истреблено все, что могло напоминать о прошлом, — закрыты музеи, взорваны памятники, запрещено чтение книг и само книгопечатание. Девизом его стало изречение американского автомобильного короля Генри Форда: «История — это вздор»³. Философия правителей оруэллианского общества выражена в следующем лозунге: «Кто контролирует прошлое — контролирует будущее, кто контролирует настоящее — контролирует прошлое».

Возникает вопрос, как, за счет чего могут существовать в полном смысле слова кошмарные миры, описанные Хаксли и Оруэллом? За счет *тотального обмана*.

В оруэллианском обществе «1984» буквально все перевернуто с ног на голову. Ведением перманентной войны занимается там «министерство мира», распределением скудного рациона — «министерство изобилия», распространением всевозможной дезинформации и лжи — «министерство правды», а «министерство любви» соединяет функции ФБР и ЦРУ. Точно так же нарочито абсурдный характер носят широко рекламируемые основные лозунги или постулаты господствующей идеологии (так называемая *ingsoc*): «свобода есть рабство», «мир есть война», «правда есть ложь», «невежество есть сила».

Однако этот абсурд, это жонглирование словами имеют, оказывается, существенный резон. И дело не сводится к упражнениям в софизме, как можно было бы предположить на первый взгляд. Намеренно разрушая традиционные представления, выворачивая наизнанку формулы разума, правители тем самым лишают массы каких-либо этических ориентиров, приучают воспринимать на веру любую бессмыслицу, какую верхушка сочтет необходимым им внушить. Подобно тому как христианин не имеет права усомниться в фантастических деяниях чудотворцев, никто в мире «1984» не смеет оспорить любое заявление властей вплоть до утверждения, что дважды два есть пять.

Впрочем, в этом мире уже не довольствуются обманом, а с помощью целого комплекса принудительных и поощрительных мер добиваются его трансформации *в самообман*. В результате «большого брата» давно уже нет в живых, но все свято веруют в продолжающееся вечно земное существование вождя, то же самое отно-

сится к его антиподу. Или: три оставшиеся в мире супердержавы заняты своими заботами и почти не соприкасаются друг с другом, но население каждой убеждено, что они находятся в состоянии нескончаемой войны, а чтобы такой самообман не рассеялся, время от времени правительство сбрасывает на собственные города бомбы «иностранного происхождения».

Если у Оруэлла самообман еще необходимо время от времени подкреплять обманом, то у Хаксли в этом давно нет нужды. Как уже говорилось, производство рода человеческого здесь переведено на индустриальную основу, что позволяет «выпускать» партии одноликих людей с заранее заданными свойствами. Кроме того, практикуется внушение «желательных истин» с помощью гипнопедии. Так, пока представители низших каст спят, им несчетное количество раз повторяют мысль о завидности их общественного положения; по мнению правителей, секрет счастья и заключается в том, чтобы заставить людей полюбить их социальное предназначение в жизни.

Итак, тотальная организация, тотальный контроль, тотальный обман и самообман — вот «три кита», на которых строятся общество 1984 г. и «прекрасный новый мир». Но здесь сходство двух романов кончается, и начинаются существенные различия между ними, прежде всего в самом важном — в вопросе о происхождении.

Перед Хаксли этот вопрос не встает вовсе. Поскольку его «новый мир» есть не что иное, как тысячекратная гиперболизация некоторых черт современной ему капиталистической действительности, постольку его генезис очевиден. Автор обращается к читателю примерно так, как это делается при постановке какой-нибудь математической задачи: предположим, что уродства общественного устройства, которые мы сейчас наблюдаем, будут беспрепятственно развиваться. Какой вид примет общество через 600 лет? И хотя ответ его по необходимости носит гипотетический характер, он в основе своей опирается на реальные жизненные тенденции.

Это не научный прогноз, ибо Хаксли сознательно (или бессознательно) отвлекается от всех факторов, которые способны помешать формированию «прекрасного нового мира». Но это и не фантазия. Это — «предупредительная» научная фантастика или антиутопия в классическом смысле такого понятия.

Оруэлл, напротив, устами главного своего персонажа задает вопрос: зачем и кому понадобилось создавать

кошмарное общество «1984»? А ответ таков: испокон веков человечество делилось на три слоя: верхний, средний, низший. Первый всегда стремился сохранить господствующее положение, второй — поменяться с ним местами, а третий в силу своей забитости не способен даже желать каких-либо перемен. И вот в середине XX в. появляется элита, открывшая способ увековечить свою власть. Оказывается, для этого надо искусственно сдерживать рост жизненного уровня, который стимулирует политическую активность, и вдобавок установить тот самый абсолютный тоталитаризм, о котором рассказывалось выше.

Иначе говоря, оруэллианское общество обязано своим происхождением не каким-то объективным обстоятельствам, корнящимся в условиях социально-экономического развития общества, а гипертрофированной жажде власти. При всем том, что страсти способны играть в истории важную роль, подобное обоснование будущего не может быть принято всерьез. Роман Оруэлла не только не имеет ничего общего с научным прогнозом, но и в очень малой степени может быть отнесен к разряду научной фантастики. Это острая сатира на бесчеловечные общественные порядки, которая по жанру ближе всего к произведениям Ф. Рабле и Д. Свифта. И антиутопией его, строго говоря, можно назвать с такой же натяжкой, с какой можно назвать утопией, скажем, иные забавные общественные миры, описанные Йоном Тихим.

Романы Хаксли и Оруэлла различаются не только философской глубиной, но и политической ориентацией. Первый по существу возлагает ответственность за изуродованное будущее на капиталистический строй. Тоталитаризм в «Этом прекрасном новом мире» есть нечто вроде неизбежной функции бездушного техницизма, без него попросту распалось бы доведенное до своего логического завершения «потребительское общество»⁴; у Оруэлла, наоборот, техницизм становится функцией тоталитаризма, именно последний, взращенный на наполеоновских страстях, служит истоком сдерживания технического прогресса или использования его во вред человеку.

А ответственность за все кошмарные последствия тоталитаризма в «1984» возлагается без обиняков как на фашизм, так и на коммунизм. Другими словами, Оруэлл фактически перенес в свой роман несостоятельную концепцию тех западных политологов, которые

игнорируют социальную природу власти, придают ей абстрактное самодовлеющее значение, из нее выводят общественные отношения, а не наоборот.

Почему же человек, который объявлял себя социалистом, написал произведение, ставшее одним из наиболее активно используемых орудий антикоммунистической пропаганды? Думается, в этом повинен страх буржуазного индивидуалиста перед обобществлением собственности, перед дисциплиной общественного труда и быта. Правда, Оруэлл назвал строй своего 1984 г. «олигархическим коллективизмом», но пороки его он разнес фактически поровну на обе составные части этой формулы.

Неприязненные чувства по отношению к «коллективизму» явственно дают о себе знать и в «Этом прекрасном новом мире». В сущности это та же казарма, что и в «1984», только ее основательно вымыли, поскребли, приукрасили, навели лоск. А если вдуматься, не сразу решишь, что хуже: быть полуголодным, придавленным работой или сытым и беспечным придурком с тщательно промытыми от рождения мозгами.

Так, после немалого расхождения антиутопии Хаксли и Оруэлла вновь сходятся. Оба неверно оценили социализм, его возможности и перспективы, приняли за проявления нового общественного строя отрывки и рецидивы прошлого, возложили на него едва ли не равную с эксплуататорским строем ответственность за изуродованное — пусть ради предупреждения современникам и потомкам! — будущее. С этим связано и наше замечание, что английские романисты описали не совсем то или совсем не то общество, какое имели в виду.

Своеобразным косвенным свидетельством в пользу такого вывода является то, что в противовес антикоммунистической пропаганде серьезные западные аналитики считают «1984» одним из тех произведений, с помощью которых, по выражению И. Ф. Кларка, западная цивилизация пыталась понять меняющийся мир. Р. Уильямс отмечает, что антиутопия Оруэлла отталкивалась от действительности фашистских государств. По мнению Д. Вудкока, она пародирует книгу Д. Бернхейма «Революция управляющих» и ни в коей мере не является антикоммунистической. Точно так же критик Дж. Фрейзер подчеркивает, что «1984» направлен не против коммунизма или христианства, а «против нашего собственного общества, которое является обществом антикоммунистическим и сохранило лишь рудименты христианства»⁵.

Эти оценки делают честь уму и проницательности их авторов. Но, приходя к правильным выводам *по существу*, они приписывают Оруэллу не те намерения, которыми он вдохновлялся. Ибо «1984» представляет собой конечно же и антикоммунистический памфлет. Здесь нет даже предмета для спора, поскольку в романе достаточно прозрачно повторяется избитый тезис о «родстве» коммунизма с фашизмом.

По словам социолога из ФРГ Ф. Шекка, главное для Хаксли и Оруэлла — избежать диктатуры, неважно какой, буржуазной или пролетарской, сохранить «золотую либеральную середину»; он считает, что антиутопии вообще являются продуктом мелкобуржуазного сознания⁶. Вероятно, это не совсем так: и «Этот прекрасный новый мир», и «1984» предостерегают против тоталитаризма, а не диктатуры, что далеко не одно и то же. Вместе с тем верно то, что, осуждая тоталитаризм и игнорируя при этом вопрос о его классовом происхождении, авторы утопических произведений, стоящие на позициях буржуазного либерализма или мелкобуржуазного радикализма⁷ (анархизма), сознательно или бессознательно бросают тень и на понятия диктатуры, организации, общественной дисциплины и контроля вообще.

Между тем *пролетарская диктатура и по происхождению, и по назначению своему анти тоталитарна и анти-элитарна*. Поскольку рабочий класс не ставит целью увековечить свое господствующее положение в обществе, постольку с его политическим возвышением не может быть связано ничто из набора кошмаров, нарисованных воображением Хаксли, Оруэлла, да и многих других антиутопистов меньшего калибра. Власть рабочих, трудящихся по необходимости принимает форму социалистической демократии, и все, что идет вразрез с этой закономерностью, лишь свидетельствует о сложности исторического процесса, о силе и живучести прошлого, упорно сопротивляющегося становлению нового мира.

Преодоление тяжелого наследия, оставляемого капитализмом, требует длительной и в полном смысле слова титанической работы, и такую работу приходилось до сих пор вести в условиях острой борьбы с международной реакцией, поиска, испытания на практике, закрепления и совершенствования новых форм общественной жизни, адекватных принципам социализма.

Социализм по самой этимологии этого понятия означает коллективизм, но в отличие от «олигархического коллективизма» Оруэлла — *коллективизм демократичес-*

кий, ставящий своей целью и равенство людей, и всестороннее свободное развитие личности. В утверждении гармоничного соотношения между личным и общественным заключена, можно сказать, сверхзадача переживаемой нами революционной эпохи.

Взять хотя бы сферу искусства. Здесь, как и во всем другом, социализм предполагает определенное обобщение. Искусство перестает быть делом одиноких энтузиастов, становится предметом общественной заботы, а в том, что касается его распространения, «донесения» до масс, — и организации. Это — огромное преимущество, позволяющее преодолеть изолированность художника, его замкнутость в себе и существование для себя, нередко вырождающееся в нарциссизм. Искусство, питаемое нескончаемыми родниками народного творчества, становится не просто наблюдателем жизни, помогающим людям понять самих себя и условия своего существования, но влиятельным участником всей работы по преобразованию общества в интересах человека.

Однако общественное воздействие на формирование искусства имеет свою границу, переход которой угрожает навязыванием художнику усредненного вкуса, сокращением его творческих возможностей, в особенности способности открывать. Истина, говорил Гегель, рождается как ересь и умирает как предрассудок. Всякое открытие (научное или художественное) — это отрицание утвердившихся трафаретов и обыденного рассудка; оно невозможно без раскованности самого творца и терпимости окружающих к тому, что может поначалу казаться неприемлемым, поскольку противоречит устоявшимся представлениям и привычкам.

И так обстоит дело практически во всех сферах человеческой деятельности. Повсюду необходима та единственная оптимальная мера, которая дает возможность эффективно организовывать общественный труд и поддерживать разумную дисциплину, не сковывая личной инициативы, обеспечивая самые благоприятные условия для свободного самовыражения людей в коллективе, для творчества. Необходима гармония между интересом человека как индивида и его же интересом как частицы общества; между интересом молодого человека и его же интересом на склоне лет; между великим многообразием общественных, групповых и индивидуальных интересов, составляющих «энергетический заряд» современного общества.

Само собой разумеется, что гармония в этих делах, подобно всякому единству противоположностей, возможна не как некое стабильное состояние, а скорее как *постоянное преследование ускользающей цели*, аналогичное стремлению Фауста остановить «прекрасное мгновенье». Иначе и быть не может, ибо сама мера гармоничного сочетания противоречивых интересов непостоянна, величина ее подвержена колебаниям в зависимости от изменения многочисленных факторов, и прежде всего уровня развития производительных сил, производственных отношений и общественного сознания.

Исторический процесс порой настолько сложен и запутан, что едва ли справедливо упрекать тех теоретиков, которые в тридцатые годы не сумели отделить семена будущего от плевел прошлого, понять истинное направление, придаваемое развитию общества социалистической революцией. Но ошибка, которая могла быть прощительна несколько десятилетий назад, не имеет никакого оправдания в наше время, когда со всей очевидностью выявились такие объективные закономерности новой общественной формации, как постоянное совершенствование социалистической демократии, углубление равенства, расширение прав и свобод личности.

Иначе говоря, *социализм развивается в направлении, прямо противоположном тому, какое могло бы привести к кошмарному обществу 1984 г. и «прекрасному новому миру».* Это не его будущее.

А как обстоит дело с капитализмом? Можно ли сказать, что капиталистическое общество, если даже не очень приблизилось к «1984», двигалось именно в этом направлении? Думается, ответ не должен быть однозначным.

Из всего, что испытало человечество на протяжении своей многотрудной истории, наиболее близки к кошмарам антиутопии были фашистские порядки. Впрочем, как уже отмечалось, «1984» во многом представляет собой не что иное, как перенесение этих порядков на сорок лет вперед. Вспоминая о газовых камерах Освенцима и Майданека, об участии Хатыни, Лидице и Орадура, приходишь к выводу, что фантазия Оруэлла ненамного опередила свое время; по сравнению с гитлеровским третьим рейхом его «Океания» выглядит, пожалуй, не столь уж отталкивающей.

Следовательно, история уже со всей определенностью показала, что капитализм способен порождать тот тоталитарный античеловечный строй, против которого пре-

дупреждают антиутописты. Та же история, однако, продемонстрировала, что эта способность не всегда реализуется на практике: фашистская чума, охватившая пол-Европы, не смогла взять верх в ряде развитых капиталистических государств с устойчивыми буржуазно-демократическими традициями, что, собственно говоря, определило возможность формирования антигитлеровской коалиции.

Чем же объясняется этот не очень понятный на первый взгляд феномен? Действием открытого В. И. Лениным закона неравномерности развития капитализма и вытекающей отсюда разновременностью вызревания революционной ситуации. Дело в том, что капитал прибегает к крайним средствам только тогда, когда возникает прямая угроза его господству. В межвоенный период такая угроза стала ощутимой в Италии, Испании, Германии. Монополии усадили Гитлера в кресло рейхсканцлера не потому, что им очень уж импонировал этот выскочка, а потому, что не видели другого способа расправиться с Тельманом и его партией.

Иначе говоря, тяготение капитала к тоталитарным методам представляет прямую *реакцию* на угрозу его власти, исходящую от революционного движения. Но такая реакция приобретает уже не спорадический, не разовый, а перманентный характер в эпоху революционного перехода от капитализма к социализму. В этом смысл ленинской характеристики политической надстройки империализма как *поворота к реакции*.

Таким образом: а) на последней стадии капитализма проявляется общая тенденция к использованию насильственных мер для сохранения господства монополистической буржуазии, а также самых изощренных средств обмана трудящихся, предоставляемых прогрессом науки и техники; б) в тех странах, где всего этого оказывается недостаточно, предпринимаются попытки разгромить революционное движение с помощью террористической диктатуры.

В наше время получили известность многочисленные факты, свидетельствующие о кризисе политической и идеологической надстройки современного капитализма, таких его проявлениях, как попрание буржуазно-демократической законности, эскалация насилия и коррупции, падение нравов и т. д. Тем не менее представляет интерес хотя бы кратко проследить, как, с какой интенсивностью дают о себе знать те самые черты бездушно-техницистской и тоталитаристской структуры, какие

были запечатлены Хаксли и Оруэллом. Оговоримся, что речь идет при этом не столько о самих фактах, сколько об их оценке западными теоретиками и пропагандистами, о том, как видится положение вещей «изнутри» капиталистической системы.

Одна из наиболее характерных черт современной политической жизни в капиталистических странах — постоянно усиливающееся *вмешательство государства в частную жизнь граждан* под предлогом прежде всего обеспечения «национальной безопасности». Американский публицист Дж. Рейнз пишет в этой связи: «То, чему надлежит быть частным делом, становится достоянием властей, а то, что должно быть предметом общественного интереса, погружается в атмосферу своекорыстной приватности и секретности. Это извращение в корне подрывает саму идею гражданства и превращает членов общества в «пассивных обитателей системы», в объекты бюрократических манипуляций»⁸.

По словам Рейнза, бюрократическая форма социальной организации, враждебная духу личной независимости, получила техническое оснащение в виде современных электронно-вычислительных устройств. «Компьютизированное общество», подчиненное антигуманным началам выгоды и эффективности, становится «прозрачным» для административной власти, «просматривается» по всем направлениям. Современные американцы — это своего рода «узники досье», обитатели «прочесанной социальной среды, в которой невозможно жить, не оставляя следов». Причем существовать во все более «прозрачном» обществе, быть запертым в «темнице досье» — значит находиться в поле обозрения, не будучи уверенным, что тебя наблюдают не с помощью кривых зеркал. «Наше личное пространство, — говорит Рейнз, — это нечто вроде колониальной территории в распоряжении внешней системы социальных внушений и подачек»⁹.

Нельзя не оценить ярких и метких определений, с помощью которых американский публицист помогает осветить значение проблемы, глубже осознать, как далеко зашло установление контроля над личностью. Что эти определения имеют под собой почву, свидетельствуют другие близкие к ним высказывания. Вот, например, извлечение из речи профессора Мичиганского университета А. Миллера, произнесенной на заседании сената в 1971 г.: «В прошлом диктатура обычно устанавливалась солдатскими сапогами, танками и пулеметами. Но

диктатура досье, диктатура личных дел может оказаться столь же гнетущей, столь же кошмарной»¹⁰.

Приведем некоторые факты. В настоящее время полицейский аппарат всех штатов США располагает автоматической информационной системой, подключенной к центральной системе Федерального бюро расследований. Последнее имеет возможность собирать, хранить и в нужный момент извлекать компрометирующие данные о гражданах в неограниченном количестве. По свидетельству американского социолога Ф. Петраса, одно только отделение ФБР в Вашингтоне составило более 300 тыс. досье на группы и отдельных лиц, вызвавших прямое или «смутное» подозрение у блюстителей порядка¹¹.

А вот авторитетное свидетельство члена Верховного суда США У. Дугласа. Выступая с особым мнением против санкционирования подслушивания телефонных разговоров, он предупреждал: «Агрессивные нарушения неприкосновенности частной жизни со стороны правительства возрастают в геометрической пропорции, ускользая от сколько-нибудь эффективного судебного или законодательного контроля... Так постепенно возникает общество совершенно нового образца, — общество, в котором правительство по собственному произволу может вторгаться в укромные уголки человеческой жизни»¹².

Разумеется, досье нужно полиции и властям не для того, чтобы посылать поздравительные открытки в связи с юбилейными датами американских граждан. Всякого рода документальные материалы, собранные путем подслушивания, подсматривания и главным образом доносов, эффективно используются в борьбе против анакомыслия.

При общем контроле, осуществляемом над всеми американцами, особенно бдительному наблюдению подвергаются те общественные слои (так называемые маргинальные), которые по разным причинам находятся в ущемленном положении. По словам профессора Нью-Йоркского университета Р. Пайеса, «в каждой нации есть победители и потерпевшие. Потерпевшие в Америке — негры, латиноамериканцы, бедняки, лишенные образования белые и другие, запертые в городских гетто или рассеянные в отсталых сельских местностях»¹³.

Не вдаваясь в подробности этой обширной и острой проблемы, ограничимся выдержкой из Манифеста американских индейцев, предпринявших длительный массовый поход в Вашингтон для защиты своих прав. «Сегод-

ня, — говорится в Манифесте, — условия жизни в Центральной и Южной Америке идентичны условиям жизни в этой стране в XIX в. Процесс уничтожения и разрушения ведется с помощью денег, современных видов оружия, миссионеров, широкой стерилизации, так называемых программ развития, подготовки террористов и провокаторов в ЦРУ и ФБР — и все это организуется и обеспечивается Соединенными Штатами. Мы не можем назвать эти действия иначе как убийством и терроризмом. Этот процесс скрывают от народов всего мира путем сознательного утаивания информации...»

Невольно приходит на память каста «эпсилон» в «прекрасном новом мире» О. Хаксли. Впрочем, если правящим кругам США удастся довести до конца геноцид в отношении индейцев и полностью ассимилировать остатки племен, некогда бывших свободными хозяевами американской земли, то буржуазные социологи и это ухитрятся записать в актив американской демократии.

В дополнение к контролю над мыслями у себя в стране ЦРУ осуществляет глобальные операции с целью экспорта таких же порядков в другие страны и районы мира. Проведенные за последнее время расследования показали, что за два десятилетия эта организация совершила около 900 вмешательств за границей, вела тайные войны во всем мире и, по словам Т. Бранча, «негласно доминировала над иностранными правительствами, превращая их в государства — клиенты США». Результатом «секретных интервенций» ЦРУ за границей, начиная с Лаоса и кончая Кубой и Конго, стала гибель десятков тысяч людей¹⁴.

Наиболее показательной с полицейской точки зрения явилась операция в Чили. Сейчас широко известны все ее подробности — от организации попытки не допустить прихода к власти правительства Альенде, саботажа его решений, подкупа целых профессиональных кланов (вроде водителей грузовиков) для подрывной деятельности, убийств отдельных видных деятелей до финала чилийской трагедии — военно-фашистского путча, закончившегося установлением одной из самых кровавых тоталитарных диктатур XX в. Вдохновленная этим опытом, американская разведка вынашивает теперь планы его распространения, или, по меткому выражению, проскользнувшему в печати, «цилизации» Латинской Америки.

Под давлением общественного мнения американские власти вынуждены были объявить о некоторых ограничениях подрывной деятельности ЦРУ, введении мер

контроля над его операциями и т. д. Однако под влиянием реакционных кругов в обстановке антикоммунистической истерии, все эти формальные ограничения были отброшены, ЦРУ получило полную свободу рук и официальное благословение применять любые методы против тех, кто негоден американским правителям.

Обратимся теперь к другому примеру попыток установить контроль над мыслями. Речь идет о пресловутом запрете на профессии. В соответствии с законом, принятым в ФРГ в январе 1972 г. (официальное его наименование — «Постановление о радикальных элементах»), власти получили право контролировать доступ граждан к тем или иным должностям на государственной службе с учетом их «отношения к конституции». На этой основе была развернута настоящая «охота на ведьм», причем преследования наряду с чиновниками государственного аппарата распространялись также на учителей, юристов, инженеров, преподавателей университетов и т. д.

Любопытно, как оценивают этот закон западногерманские знатоки права. По словам ганноверского профессора Г. Шнайдера, закона, который давал бы такие возможности для контроля над инакомыслящими, не было даже в распоряжении гестапо в 1933 г.¹⁵, а председатель СДПГ В. Брандт заявил: «Существует опасность, что ФРГ может стать страной, в которой отец не доверяет сыну, сосед подозревает соседа, органы государства ведут слежку за гражданами»¹⁶.

В результате приведения в действие «Постановления о радикальных элементах» под контролем оказались умонастроения нескольких миллионов людей. Дело дошло до того, что поводом для увольнения с государственной службы в ряде случаев считалась... поддержка программы правящей тогда социал-демократической партии. Основаниями для преследования признаются и выступления против распространения ядерного оружия, присутствия иностранных войск на территории ФРГ, организации школьного образования и т. д. Все это неизменно сопровождается разглазольствованиями об «интересах свободы и национальной безопасности». Как заметил один западно-германский писатель, «свободу и демократию постепенно душат во имя свободы и демократии»¹⁷.

Своеобразное направление приняли антидемократические тенденции в Англии. Здесь они приобрели преж-

де всего расистский характер. По словам Д. Брауна, отношения между полицией и «цветными» жителями смахивают на состояние войны¹⁸. При прямой поддержке полицейских властей расширяет масштабы своей деятельности так называемый Национальный фронт — союз расистов, провозгласивших своим лозунгом «Англия для англичан».

А как оценивают некоторые публицисты состояние дел во Франции? Приводя многочисленные примеры нарушения прав человека и гражданских свобод, М. Машино спрашивает: можно ли сказать, что в стране существует тоталитарная система? Отвечая отрицательно, он продолжает: «Но существует система, которая, в зависимости от конъюнктуры, проявляет терпимость или не проявляет, разрешает или запрещает, предоставляет или конфискует. Иначе говоря, наши свободы — во власти системы. Ведь она от своих царских щедрот не столько давала нам свободы, сколько предоставляла их во временное пользование».

Другой французский публицист, Л. Матарасо, комментируя закон о свободе печати, пишет: «Закон сформулирован в таких выражениях, что всему, могущему даже отдаленно показаться иностранным, грозит изъятие из обращения. Например, ничто не мешает министру внутренних дел запретить ввоз во Францию сочинений Шекспира или изъять из обращения Библию. Таким образом, создается опасная система, и, если придет к власти фашистский режим, ему не придется вносить большие изменения в законы, чтобы полностью ликвидировать свободу»¹⁹.

А ведь речь идет о капиталистических странах с наиболее устойчивыми демократическими традициями, за которыми стоят, можно сказать, столетия борьбы за гражданские права, развернутая структура специальных институтов по защите демократии. Не приходится говорить, что в слаборазвитых странах, находящихся в орбите империализма, ситуация немногим отличается от той, которую описывали антиутописты. Можно сказать, что «папа Док» и его наследник в Гаити, Пиночет в Чили и другие тираны, находящиеся под покровительством «величайшей демократии мира», как любят именовать США буржуазные пропагандисты, намного превзошли прогнозы Оруэлла и ввели в своих странах порядки «1984» задолго до наступления этой даты.

До сих пор мы говорили только о насилии, не затрагивая более широкого вопроса об условиях существова-

ния и социальных правах людей в капиталистическом обществе. Между тем связь здесь прямая. Ограничимся ссылкой на следующее признание лидера социалистической партии Австрии Б. Крайского: «Рискуя вызвать кое у кого озлобление, надо сказать, что права человека не соблюдаются и на Западе. Взять хотя бы 17 млн. безработных. Это нарушает, конечно, наш маленький интеллектуальный комфорт, однако является фактом: мы не можем обеспечить полную занятость. И это неопровержимый политический аргумент. Разве не показывает опыт прошлого, что безработица в конечном счете приводит к расцвету диктатур, уничтожающих те свободы, которые мы, как полагают, должны беречь?»²⁰

Обратите внимание: Крайский говорит о несоблюдении прав и на Западе. Иначе говоря, перед нами все та же попытка игнорировать качественное различие между капитализмом и социализмом как *новым* строем, призванным преодолеть и на практике преодолевающим органические пороки *старого* строя. В этом нежелании и, добавим, неумении отделить новое от старого — вся суть философии правого социализма.

Если буржуазные и примыкающие к ним социал-демократические идеологи стремятся уравнивать капитализм и социализм «в грехах» применительно к настоящему, то футурологи делают то же самое применительно к будущему. А коль скоро находят вирус тоталитаризма во всех современных обществах, невзирая на различие экономических и политических систем, постольку логично предположить, что в перспективе эта болезнь примет характер эпидемии и все сольется в тоталитарном кошмаре. Приблизительно таков смысл пророчеств западно-германского публициста Г. Грасса, который утверждает, будто все существующие и вновь возникающие структуры власти в конечном счете тяготеют к «олигархическому коллективизму», который был предсказан Оруэллом для общества 1984 г. и рекомендован А. Деблиным задолго до этого²¹.

Примерно такой же подход к вопросу можно найти в работе американского политолога К. Силверта. Давая довольно острую критику современного капитализма с позиций «классической» либеральной теории, он в то же время утверждает, что конфликт между псевдodemократией и истинной демократией — это «не столкновение между капиталистами и социалистами, между левыми и правыми в общепринятом смысле слова, а... столкновение между авторитаризмом и демократией,

рабством и свободой, между настоящими правыми и истинными левыми»²². Причем конфликт этот носит всемирный характер.

Может возникнуть вопрос: так ли уж велика поддержка, допускаемая Грассом, Силвертом и многими другими проповедниками грядущих бедствий и катастроф, в том числе в образе тотально-антигуманного общественного устройства? Ведь если даже тенденция к технотирании, если можно так выразиться, свойственна только капиталистической структуре, то разве это не угрожает опасностью всему человечеству? И если мир рухнет, то способна ли послужить утешением мысль, что землетрясение началось не на нашем участке и мы стали лишь жертвами докатившейся до нас сейсмической волны?

Свойственная капитализму тенденция к авторитарным методам власти, нашедшая дополнительный импульс в своекорыстном использовании достижений научно-технической революции, способна поставить под вопрос существование человечества. Опыт фашизма доказал это со всей очевидностью. И если бы фашизм или какая-то новая его модификация взяли верх в развитых капиталистических странах, то вопрос о будущем мирового сообщества решался бы уже совершенно на другой основе, чем сейчас.

Ясно видя реальность такой угрозы, надо в то же время иметь в виду следующий принципиальной важности факт: социализм, достигший определенной степени зрелости, не просто всем своим существом отрицает любые проявления авторитаристской тенденции, он является *единственным противовесом этой опасности как в мировом масштабе, так и в рамках отдельных стран.*

В международном масштабе именно социализм отбил фронтальную атаку тоталитаризма, представленного фашистскими государствами. (Речь при этом идет как о решающей роли Советского Союза в военных действиях против гитлеровских полчищ и японской Квантунской армии, так и о движении Сопротивления, в авангарде которого выступали коммунисты.) В рамках отдельных стран ту же задачу решало и решает рабочее движение, защищая демократические институты и тем самым препятствуя утверждению тоталитарных диктатур.

Исторической роли социализма как хранителя и продолжателя мировой цивилизации не хотят понять многие футурологи либерального и даже прогрессивного

направления. Типичной в этом смысле является работа Д. Синая. Он критически оценивает политику американских правящих кругов, которые, руководствуясь слепым антикоммунизмом, «пытаются принудительно реорганизовать мир в соответствии со своим пониманием образа жизни». Возражая апологетам капитализма, называющим его самой рациональной из всех социальных систем, Синай говорит, что этот строй порождает лишь «иррациональность и технологическое идиотство». «Некомпетентная и безответственная правящая верхушка, погрязшая в иллюзиях и бессмысленной риторике интеллигенция, средний класс, заглатывающий упакованные для него порционные удовольствия и еще не понимающий, что он одурачен, рабочие, зажатые в тисках сводящей с ума рутины и социального отчаяния, молодежь, отвергающая общество и не видящая никакой реальной ему альтернативы»²³ — так характеризует автор основные черты современного капитализма.

Но поскольку американский профессор не желает признавать в социализме силу обновления, то весь этот обличительный пафос сводится к банальной мысли о цикличности развития и очередной стадии упадка, якобы угрожающей человечеству. «Вся история человеческого рода, — утверждает Синай, — свидетельствует о несовершенстве и никчемности признаваемых человеком ценностей, доказывает, что напряженность, неустойчивость и противоречия являются главным условием существования всех цивилизаций и причиной неизбежного прохождения ими циклов зарождения, роста и падения»²⁴.

Посмотрим теперь, как представляет будущее О. Флехтхайм, введший термин «футурология». По его мнению, возможны три альтернативы грядущего: 1) падение в варварство вследствие тотальной ядерной катастрофы и в конечном счете гибель человечества; 2) создание неоцезаристской цивилизации в духе «прекрасного нового мира» О. Хаксли; 3) объединение человечества во всемирную федерацию, построенную на подлинно гуманистических началах²⁵. Каковы эти начала, капиталистические, социалистические или помесь того и другого, — остается по существу за скобками прогноза. Если, конечно, можно так назвать эти расплывчатые суждения: представьте гадалку, которая сообщает клиенту, что он либо помрет, либо будет благоденствовать.

И наконец, сошлемся на американского писателя и политического деятеля Д. Таккиля, который, описывая

будущее в розовом цвете, утверждал, что бурный взлет науки и техники в сочетании с частной инициативой создаст возможность для всеобщего процветания, а «пророческий 1984-й будет расцениваться как недалёковидная фантастика»²⁶. Таккиль не одинок. Среди западных теоретиков и публицистов немало таких, которые не разделяют точку зрения пророков технотирании, считающих, что мир неминуемо приближается к состоянию, описанному в романе «1984». Однако свои надежды на более или менее сносное будущее они связывают не с социализмом, тем более не с революционным его направлением, а все с той же НТР. Иначе говоря, пытаются спастись от яда с помощью противоядия, избавиться от техницистского кошмара путем рационального применения той же техники. Как обеспечить такой рационализм, не посягая на основы капиталистического общественного порядка, оставляя власть в руках монополий, сохраняя частную собственность и все ее атрибуты, — эти вопросы остаются без ответов.

Поскольку они не могут (или не хотят) указать на основное препятствие социальному прогрессу, постольку не могут (уже при всем желании) разработать сколько-нибудь реалистическую позитивную программу, которая отвечала бы возможностям и потребностям человечества на рубеже второго и третьего тысячелетий. Беспомощность в главном вопросе составляет общую черту всех направлений немарксистской общественной мысли — техницистов и антитехницистов, оптимистов и пессимистов, и в этом отношении она почти не продвинулась вперед по сравнению с Хаксли и Оруэллом.

Э. Берджес: анархо-синдикалистская угроза

За 1984 г. следует 1985-й. И он не остался без внимания пророков грядущего. Энтони Берджес, взявшийся изложить свою версию тоталитаризма в на шумевшей на Западе книге под названием «1985»¹, выбором даты подчеркивает прямую преемственную связь с Оруэллом. Причем связь двойную. С одной стороны, он как бы продолжает антиутопическое исследование своего предшественника, а с другой — вступает с ним в полемику, предлагая иной сценарий пресловутого «1984». Почему же в таком случае «1985»? Просто: чтобы не путать читателей. Иначе говоря, описанное в книге фантастическое видение перспективы не привязано ко времени, Берджес не берется предсказывать, когда именно оно случится, ограничиваясь утверждением, что дело идет к этому.

Несколько слов об авторе. Его перу принадлежит около двух десятков романов (в их числе такой боевик, как «Механический апельсин»), а также критических эссе, лингвистических исследований, переводов. Берджес подвизается и на музыкальном поприще: сочиненная им симфония исполнялась в США, его стихи были использованы в мюзикле «Сирано», шедшем на Бродвее. Словом, это разносторонний и плодовитый литератор, которого доброжелательный автор предисловия к книге «1985» называет «одним из ведущих романистов нашего времени». Книга делится на две части. Первая представляет собой развернутую трактовку «1984». Понять происхождение «черных» снов Оруэлла — так Берджес определяет свою задачу.

В последнее десятилетие на Западе появился ряд серьезных исследований, посвященных «1984». Очерк Берджеса уступает им по многим параметрам. В то же время в нем немало любопытных наблюдений. Дело в том, что отличительная его черта заключается в неприятии традиционного мнения, в стремлении всякий раз и по всякому поводу сказать нечто оригинальное. Не-

вольно приходит на ум сравнение с режиссерами, которые, ставя классику, стремятся вывернуть все наизнанку, сделать не так, как до сих пор. В результате Ричард III из злодея превращается в совестливого правдолюбца, Хлестаков из провинциального прощелыги в обличителя и т. д. Подобные эксперименты чаще всего оборачиваются творческими неудачами, но иногда, по крайней мере в частностях, могут приносить неожиданные и бесполезные находки.

Повторив вскользь традиционное истолкование «1984» как сатиры одновременно на нацизм и коммунизм, Берджес вслед за этим доказывает, что первоисточником романа Оруэлла послужила «сатирическая транскрипция» Лондона в конце второй мировой войны. Это мотивируется тем, что обстановка, в которой живет и действует герой повествования Уинстон Смит, отражает черты быта английской столицы того времени: очереди перед магазинами, периодическое прекращение подачи электроэнергии, использование телевизионных установок для контроля за рабочими (кстати, Берджес справедливо замечает, что эта деталь могла быть заимствована из чаплиновского фильма «Новые времена»). Еще более существенно наблюдение, что из окружающей его реальной жизни Оруэлл взял и практику «организованной ненависти». Берджес вспоминает, что как раз такую школу прошел и сам во время службы в армии. Обучавший новобранцев молодой полковник говорил им, показывая на чучело предполагаемого противника: «Ребята, ненавидьте, ради бога, это чудовище, плюньте в эту свинью, наступите на нее сапогом, перегрызьте ей горло!»

Любопытно, что даже символ большого брата, служащего олицетворением тоталитаризма, Берджес отыскал в довоенной английской прессе. Речь идет о коммерческой рекламе: со страниц журналов и газет симпатичный пожилой джентльмен обращался к публике со словами: «Позвольте мне быть вашим большим братом», настоятельно рекомендуя покупать мыло и зубную пасту только фирмы имярек. Приводя много других аналогичных сопоставлений, Берджес приходит к заключению, что под маркой так называемого *ingsoc* Оруэлл описал не что иное, как английский социализм или, точнее, вероятные результаты претворения соответствующей доктрины в жизнь.

При всей меткости эти наблюдения носят поверхностный характер. Верно, разумеется, что те или иные черты быта для антиутопии Оруэлл брал из окружаю-

щей его повседневной жизни. Иначе не могло и быть, ибо какие бы идеи ни вкладывал романист в произведение, материальная ткань его всегда складывается из тех зримых, осязаемых образов, с которыми он повседневно сталкивается. Но столь же очевидно, что взятый из жизни материал художник преобразует согласно своему замыслу. Тем более это относится к политическому писателю, каким был Оруэлл.

Именуя оруэлловскую утопию какотопией (от какофонии), Берджес признает, что она не сбылась, и в то же время подчеркивает, что ряд подмеченных в ней негативных тенденций общественного развития так или иначе проявляется в современном обществе. Причем иллюстрирует это он на примере США и других капиталистических стран.

Прежде всего английский романист обращает внимание на то, что американская экономика, подобно экономике нацистской Германии, характеризуется гигантскими военными расходами. Есть, конечно, существенная разница: нацисты действовали в соответствии с лозунгом «пушки вместо масла», а в современной Америке производство межконтинентальных ракет не мешает в достатке снабжать потребителей цветными телевизорами. Но разве не странно такое сочетание: сидя вечером у телеэкрана, американцы в качестве развлечения могут наблюдать эпизоды войны во Вьетнаме?

Есть нечто оруэллианское в американском империализме, пишет Берджес. Это создание своего рода Океании, империи с искусно скрытыми анонимными центрами власти. Это ЦРУ, выполняющее роль полиции мыслей. Это двойное лицо демократии, непостижимым образом примиряющей свободу слова и действия с насилием и жестокостью. Там кто-то требует свободной франкоязычной Канады? Не бывает тому, застрелите смутьяна, ибо слишком много американского капитала вложено в нашу «леди снегов»! Поговаривают о коммунистическом правительстве в Италии? Не смей и думать об этом!

Чего там, делится своей обидой Берджес, я сам, безвредный аполитичный английский литератор, живя в Риме, знал, что ЦРУ подслушивает мои телефонные разговоры. Странствующие агенты этого ведомства делали свое дело во имя «глобальной свободы». Впрочем, чему удивляться, ведь Америка усвоила высокомерное убеждение, что бог наградил ее моральным превосходством и она лучше всех знает, что кому надо.

Досталось и Англии, где, по свидетельству автора, государство требует от граждан исчерпывающей информации о самых различных сторонах жизни, государство отнимает у них деньги, чтобы истратить их на цели, чуждые налогоплательщикам, оно посылает молодых людей воевать, хотя это не нужно никому, кроме Пентагона и фабрикантов оружия. Уродливый характер государства особенно обнаруживается в том, что полиция становится все более автономной силой, прибегает к пыткам и присваивает себе право сначала стрелять, а потом уже задавать вопросы. Транснациональные корпорации, чье могущество позволяет им ставить и свергать правительство, плюют на искусство, чувства людей, их здоровье, мораль и традиции. Компании манипулируют общественным мнением и с помощью изощренных методов рекламы навязывают людям, что им следует потреблять. А уж сколько развелось банд грабителей и насильников! И как раз защитить граждан от анархистствующих элементов государство бессильно.

Негодую по поводу этих безобразий, Берджес тем не менее делает вывод: 1984 год в том виде, как он описан Оруэллом, не состоится. Почему? Потому, что новые факторы, которых Оруэлл не мог учесть, влекут общество к другому финалу, не менее кошмарному. Его описанию и посвящена вторая часть книги под названием «1985».

Она построена по той же схеме, что и «1984», а до него — роман Замятина «Мы» (сам Берджес, кстати, признает, что и Оруэлл, и он следовали именно этому образцу). В центре повествования история героя — бывшего преподавателя истории Джонса, который бросил школу и работает на кондитерской фабрике. С первых же страниц читатель попадает в атмосферу общественного хаоса, насилия, распада всех связей, деградации нравов. Возвращаясь домой, Джонс сталкивается с бандой тинэйджеров, которая жестоко его избивает. Затем он находит изнасилованного окровавленного мальчугана, а дома дочь-дебилку, мастурбирующую перед телевизором. Он звонит в больницу, чтобы справиться о здоровье жены, и узнает, что там был пожар и жена сгорела. Поджог был организован группой безответственных элементов, воспользовавшихся стачкой пожарных, а солдаты, которые должны были бы прийти на помощь, как раз в это время проводили забастовку солидарности с пожарными. Тетушка Джонса умерла таким же образом из-за забастовки электриков, поскольку находилась

на операционном столе в момент, когда был выключен свет.

Усмотрев причину своих бед в забастовках, Джонс отправляется к профбоссу Девлину, выкладывает ему свои претензии и выслушивает в ответ лекцию о благах, которые несет «священный синдикализм». Девлин с удовлетворением рассуждает о том, что в 1990 г. уже не отдельные стачки, а любая будет превращаться во всеобщую и если производители зубных щеток забастуют, то остановятся железные дороги, закроются школы, квартиры перестанут отапливаться и т. д. Сетования Джонса на личную судьбу профбосс объявляет гнилым проявлением буржуазности и призывает его одуматься, пока не поздно. Тем не менее герой стоит на своем. Он рвет удостоверение члена профсоюза, за что его выгоняют с работы с волчьим билетом. Джонс вынужден отдать дочь в приемный дом, а сам попадает в компанию бывших интеллектуалов, занимающихся воровством и живущих на закрытой фабрике матрасов. В свободное время они развлекаются исполнением произведений Баха, Брамса, Моцарта, чтением стихов, обсуждением латинских текстов и тому подобными упражнениями духа.

Из бесконечных словопрений вырисовывается между тем картина британского общества образца 1985 г. Внешне сохранилась вся традиционная политическая структура страны: избирается парламент, существует правительство, номинально исполняет обязанности глава государства — монарх. Однако все это превратилось в парадный фасад, за которым не стоит никакой практической государственной работы. В действительности во всех сферах жизни командуют профсоюзы, поэтому само общество сначала в шутку, а затем и всерьез стало принято называть Тюкландией (название происходит от английских слов tradeunion — профсоюз, land — земля и может быть переведено как Тред-юниония, или Профсоюзия). Хотя сохраняется частная собственность, капиталисты почти исчезли, большинство промышленных предприятий формально контролируется государством, а на деле — теми же профсоюзами. Берджес заключает, что в Тред-юнионии без революции стал править пролетариат.

Другая черта Британии 1985 г., по Берджесу, представляет собой засилье арабов, которые завладели основной массой банков, промышленных и страховых фирм, контролируют добычу нефти в Северном море и пытаются на свой страх и риск с помощью штрейк-

брехеров бороться против забастовок. Некий полковник Лоуренс, за которым стоит арабский капитал, организует армию так называемых свободных британцев для борьбы против засилья профсоюзов. Финансируется она нефтедолларами, и интеллектуалы считают ее фашистской.

Если засилье тред-юнионов и арабское влияние — это две основные черты будущего английского общества в антиутопии Берджеса, то третьей является постепенное исчезновение гуманистической культуры. Здесь автор просто повторяет многочисленные предсказания техницистских антиутопий, согласно которым университеты в перспективе будут превращены в центры передовой технологии, философия литература и искусство, лишенные финансовой поддержки, зачахнут, цивилизация в целом приобретет бездушный, машинный характер.

Вернемся к герою повествования. Пойманный при краже бутылки виски, Джонс предстает перед судьей, который пытается вернуть его в лоно официального общества, и прежде всего уговаривает восстановить свое членство в профсоюзе. Поскольку он наотрез отказывается, его направляют в так называемую исправительную колонию. Здесь опытные демагоги в течение шести месяцев вколачивают в мозги инакомыслящих правильное понимание существующей системы, всех преимуществ и благ, которые она несет трудящемуся человеку. К концу срока пребывания в колонии большинство смутьянов перевоспитываются, становясь послушными и рьяными сторонниками синдикализма. Джонс, однако, продолжает упорствовать в своем заблуждении, за что подвергается истязаниям. В конце концов его выпускают с предупреждением, что при первой малейшей провинности ему не избежать каторги, а то и смертной казни. Выйдя на волю, отчаявшийся Джонс не находит ничего лучшего, как завербоваться в армию полковника Лоуренса. Поскольку он обладает журналистскими способностями, его приближает к себе сам фашистский вожак, за которым стоят арабские шейхи.

Далее события развиваются стремительно. Синдикалисты вступают в прямую схватку с арабами и их вооруженной гвардией. Последняя защищает собственность с оружием в руках, выступая в качестве арьергардной силы капитала. На улицах начинаются вооруженные стычки, нарушаются коммуникации, подвергаются разграблению магазины, в стране воцаряется полный хаос.

Ситуация разрешается самым смехотворным образом: в обстановке, когда борющиеся лагеря не в состоянии одолеть друг друга, король выступает перед толпой на Трафальгар-сквере с речью, призывая навести порядок, после чего, как по мановению волшебной палочки, устанавливается относительное спокойствие, тред-юнионы вновь утверждают свою власть и изгоняют из страны арабский капитал. Арабские шейхи в отместку изымают свои валютные средства из американских банков, что вызывает мировой финансовый крах, гигантский рост инфляции, появление сотен миллионов безработных. Что касается героя, то Джонс попадает в концентрационный лагерь и кончает самоубийством, кинувшись на электрическую проволоку.

Роман завершается эпилогом, который построен в форме интервью, взятого автором у самого себя. Здесь мы находим и финальный вывод: Маркс якобы ошибался, и ответом на капиталистическое угнетение станет не революция, а тотальный синдикализм. Что касается коммунизма, то он возможен только в слаборазвитых странах.

Что же такое «1985»? Если говорить в самой общей форме, то это еще одна спекуляция на искажении социалистической идеи. Но спекуляция не примитивная, ибо она основана на вполне реальном жизненном материале, затрагивает одну из самых острых и болезненных проблем теории и практики рабочего движения. Именно поэтому она заслуживает пристального внимания.

Знакомясь с антиутопией Берджеса, с первых страниц ловишь себя на мысли, что нечто подобное уже приходилось слышать, притом совсем недавно. Чем дальше, тем очевиднее совпадение. Уж не Польша ли это 1981 г. и не похожа ли на Тред-юнионию как две капли воды «Солидария», в которую пытались превратить страну вожаки польской контрреволюции?

Стоит вспомнить. В августе 1980 г. оппозиционные социализму группировки КОС — КОР сумели воспользоваться ошибками в экономической и социальной политике тогдашнего руководства и спровоцировали длительную забастовку гданьских портовиков. Добившись регистрации нового профобъединения, они использовали его как таран, с помощью которого рассчитывали расшатать и разрушить всю систему социалистической государственности. А главным их методом стала эска-

ляция требований об увеличении заработной платы при одновременном сокращении рабочего времени (за счет свободных суббот) и сохранении стабильных низких цен на потребительские товары. В каждом отдельном случае эти требования подкреплялись прекращением работы или угрозой объявить забастовку.

Этот «забастовочный терроризм» носил хорошо продуманный, по существу плановый характер. Его организаторы ставили задачу не давать властям передышки: едва только в результате длительных и сложных переговоров намечалось решение одного трудового конфликта, как возникал следующий — в другом районе или отрасли народного хозяйства. Пожалуй, история не знает другого случая, когда забастовки принимали бы фактически перманентный характер, сливаясь в одну нескончаемую волну, методически гнавшую экономику под уклон.

К осени 1981 г. выпуск продукции в ведущих отраслях промышленности сократился примерно на четверть, а фонд заработной платы вырос на 26%. Добыча угля — основа энергетики ПНР — уменьшилась на 30 млн. т. Из-за нехватки энергии остановились десятки предприятий, другие работали на половину мощности. Почти замерла строительная индустрия. Национальный доход Польши снизился до уровня 1974 г., а экономика в целом — до уровня 1974—1976 гг. За полтора года народное хозяйство было отброшено на 7 лет назад.

Неизбежным следствием бесконечных забастовок или объявляемых «Солидарностью» периодов так называемой забастовочной готовности стало резкое падение дисциплины и производительности труда. Прививая людям пренебрежение к общественным интересам, антисоциалистические силы отучали их от добросовестной работы, способствовали распространению не просто потребительских, а иждивенческих настроений. Массовым явлением стали прогулы и хищения на производстве. Десятки тысяч людей, в основном молодых, вообще оставили работу. Постоянно увеличивающийся вследствие спада производства товарный дефицит создал предпосылки для расцвета спекуляции. Почти на треть возросло количество преступлений, и по этому показателю Польша оставила позади даже США.

Одним из самых болезненных следствий «забастовочного терроризма» стало резкое падение уровня жизни трудящихся. На первый взгляд парадоксальный, на деле же глубоко закономерный факт: чем больше

«Солидарность» добивалась резкого, экономически необоснованного и не подкрепленного реальными возможностями увеличения заработной платы для отдельных категорий работников, тем больше падал общий уровень жизни всего населения. Сокращение производства при одновременном форсированном росте фонда заработной платы привело к тому, что за год товарный дефицит увеличился в 3—4 раза, деньги обесценились. Чтобы обеспечить удовлетворение минимальных нужд трудящихся, правительство вынуждено было ввести карточную систему. Впервые появилась реальная угроза безработицы. Падение добычи угля осложнило отопление жилья, и пришлось даже разрабатывать план переселения миллионов людей в общественные здания и общежития, чтобы пережить зимние холода. Давала о себе знать нехватка медицинских средств, возникла опасность распространения эпидемических заболеваний.

Нетрудно представить, к каким катастрофическим последствиям для народа привело бы продолжение тактики «забастовочного терроризма», если бы ей не был положен конец введением военного положения 13 декабря 1981 г.

Следует обратить внимание на принципиальное различие в исходных установках организаторов забастовочной волны и вовлеченных в нее трудящихся. Контролирующая «Солидарность» контрреволюционная верхушка понимала, что эскалация требований, нарушение нормального трудового ритма обернутся расстройством экономики и, следовательно, ухудшением жизненных условий. Но именно этого она и добивалась, исходя из формулы «чем хуже, тем лучше». Еще осенью 1980 г. в «Информационном бюллетене» КОС—КОР откровенно излагается ее замысел: «Новые профсоюзы должны дезорганизовать и парализовать всю существующую систему ПНР, навязать всем звеньям ее управления такую автономию, в рамках которой партия и власть лишились бы возможности принимать решения». Иначе говоря, антисоциалистические силы с самого начала руководствовались не желанием улучшить положение рабочих, о чем они шумно распространялись, а сугубо политическими целями. В их намерения входило разрушение общественной системы социализма, или, как говорил в феврале 1982 г. на пленуме ЦК ПОРП В. Ярузельский, «организация антивласти, антигосударства», с тем чтобы потом самим захватить власть и покончить с социалистическими порядками.

Таких целей не было у большинства рядовых участников забастовок. Поддаваясь агитации вожakov «Солидарности», они были движимы непосредственным экономическим интересом и на первых порах, видимо, не очень задумывались над пагубными последствиями (в том числе для их собственного положения) «забастовочного терроризма». Когда эти последствия обнаружились достаточно явственно, когда обнажились истинные устремления и политические амбиции новых профбоссов, пелена с глаз людей стала спадать. Они все меньше изъявляли желание участвовать в очередных стачках и «акциях протеста», играть на руку далеко идущим планам антисоциалистических сил.

Насыщенные остройшей, временами драматической политической борьбой, польские события 1980—1981 гг. дают богатейший материал для раскрытия природы анархо-синдикализма как одной из форм мелкобуржуазной контрреволюции в современных условиях, может быть, самой опасной. Действительно, вдумаясь в само сочетание слов: анархия и синдикат. Анархизм есть отрицание всякой власти, всякого порядка. Синдикат есть форма организации; в данном случае речь идет о коллективе предприятия. Анархо-синдикализм, следовательно, это уже новое качество анархизма, а именно: отрицание центральной власти не отдельными лицами, а организованными группами людей.

Основной лозунг, которым оперируют сторонники этого течения, — рабочее самоуправление. Сам по себе он выглядит привлекательно. Идея рабочего самоуправления, безусловно, прогрессивна; она давно взята на вооружение коммунистическими и рабочими партиями, рассматривается как один из неперенных элементов социалистического общественного устройства, но только при том обязательном условии, что самоуправление отдельных трудовых коллективов вписывается в экономическую и политическую систему, выражающую и защищающую интересы всего рабочего класса, трудового народа. Анархо-синдикализм же противопоставляет идею самоуправления идее государственности. А с этим связаны самые различные последствия.

Если взглянуть на дело с экономической точки зрения, то речь идет о попытке противопоставить личные интересы отдельного рабочего общим интересам рабочего класса, частицей которого он является. Отсюда с неизбежностью следует раздробление классового интереса на индивидуальные и групповые. Результатом такой опе-

рации может быть только перенесение на рабочий класс чуждой социальной структуры, навязывание ему буржуазного образа мыслей. Протiwоестественность подобной операции очевидна. Буржуазия и мелкая буржуазия по природе своей раздроблены на частных предпринимателей. Это нормальный способ их существования. Частное предпринимательство жизнеспособно только благодаря тому, что каждый действует на свой страх и риск, конкурируя со всеми прочими. Это не мешает формированию трестов и монополий, поскольку концентрация капитала отнюдь не устраняет конкуренцию товаропроизводителей, а переносит ее на другой уровень.

Рабочий класс сложился в своем нынешнем качестве именно как «коллективный работник» с общим интересом. Отнимите у него это качество — и он перестанет быть рабочим, превратится в некое подобие «промышленного крестьянина» с психологией мелкого буржуа. Это понимает буржуазия — если не всегда теоретически, то нутром или инстинктом. Поэтому она постоянно стремится раздробить рабочий класс, противопоставить его национальные и профессиональные отряды, соблазнить крохами прибыли и сделать своим соучастником. В этом, между прочим, основное назначение концепции «народного капитализма», сводящейся на практике к распределению среди рабочих части акций, привязыванию их к фирме путем надбавок за выслугу лет, проповеди патриархально-семейных отношений на производстве и т. д.

Противопоставить частный интерес рабочих общему — значит одновременно противопоставить превратно понятый, сиюминутный экономический интерес политическому. Коль скоро каждый отдельный трудовой коллектив настраивается на защиту своих эгоистических групповых интересов, он поневоле становится придатком крупного капитала и втягивается в чуждую ему политическую игру. Вот почему буржуазия и ее идеологи, ведя непримиримую борьбу с научным социализмом, в то же время считали для себя полезным если не в открытую, то втихомолку поощрять различные анархистские течения, видели в них свою пятую колонну в рабочем движении. Этим объясняется и то, что основоположники марксизма решительно выступали против концепций Бакунина, Прудона и других сторонников анархизма, указывая, что они разлагают пролетариат, уводят его на опасный и бесперспективный путь.

Не только в теории, но и опытом истории доказано, что рабочий класс, подпавший под влияние анархо-синдикалистских идей, утрачивает способность играть ведущую роль в революционном процессе. Польский опыт доказал теперь и другое: распространение таких идей в условиях победившего социализма может привести только к постепенной сдаче власти противникам социализма. Именно к этому вели антисоциалистические силы, шаг за шагом отнимая у рабочего класса его завоевания.

Прежде всего они предприняли массированную попытку очернить все свершения социалистической Польши, перечеркнуть их в сознании народа. Разумеется, это была попытка с негодными средствами. Ведь только благодаря социализму всего лишь за три десятилетия Польша, относившаяся до второй мировой войны к числу самых отсталых в экономическом отношении стран Европы, превратилась в развитое государство с передовой экономикой и культурой. В 1980 г. на ее долю приходилось 2,5% мировой промышленной продукции, в то время как население страны составляло 0,8% мирового населения.

За годы народной власти была создана мощная отечественная индустрия. По таким показателям, как производство электроэнергии, стали, цемента, минеральных удобрений, Польская Народная Республика опередила многие экономически развитые страны капитализма. Национальный доход ее за 30 лет вырос в 4,5 раза. Было навсегда покончено с безработицей, хронической нищетой значительных слоев населения, обеспечено всеобщее образование, создана система здравоохранения, энергично развивалась самобытная национальная культура польского народа.

Вопреки клеветническим разглагольствованиям противников социализма народная власть существенно подняла жизненный уровень масс. По таким показателям, как качество питания и обеспеченность товарами народного потребления, Польша не уступала большинству европейских стран. А разве можно перечеркнуть тот факт, что социалистическое государство выделяло огромные средства для того, чтобы восстановить архитектурные памятники? Варшава, Гданьск и многие другие польские города были не просто подняты из руин, но и восстановлены в их первозданном облике.

Для самочувствия народа не меньшее значение, чем материальные условия его жизни, имеет национальное

достоинство, возможность гордиться за свою страну, за ее место среди других наций. И в этом отношении с социализмом связан коренной поворот в истории Польши. Впервые за два столетия она обрела прочную независимую государственность и, став равноправным членом социалистического содружества, играет важную роль в европейских и мировых делах.

Отрицая все эти исторические достижения, изображая дело так, будто весь послевоенный период развития страны был бесплодным и мрачным временем, цепью одних ошибок, лидеры «Солидарности» конечно же не были озабочены тем, чтобы улучшить существующую общественную систему. Домогаясь власти, они вынашивали план ее радикального преобразования в соответствии с социал-демократической моделью в ее анархо-синдикалистском варианте. Основным звеном этого плана являлась идея абсолютной независимости предприятий от государства и общества. Согласно формуле, записанной в постановлении съезда «Солидарности» «О рабочем самоуправлении», государственная администрация могла обязать предприятия выполнять те или иные задания только в случае стихийного бедствия или в интересах обороны.

Утверждение таких порядков означало бы превращение трудовых коллективов в «групповых капиталистов», возобновление конкуренции, ослабление центральной власти и, значит, ее возможности планировать производство, подчиняя его целям общенационального развития, развивать науку, технику, культуру и т. д. Анархо-синдикалистской корпоративизм (возможно, через какие-то промежуточные ступени) в конце концов не мог привести ни к чему иному, как к реставрации капитализма.

Бывали случаи, когда те или иные политические движения вдохновлялись ошибочными концепциями и заходили в тупик просто потому, что общественная практика не знала соответствующих прецедентов и им не у кого было брать уроки. Что касается анархо-синдикализма, то здесь дело обстояло иначе. В истории рабочего движения уже была попытка воплотить в жизнь эту опасную концепцию. Именно с такими лозунгами выступала в первые послеоктябрьские годы так называемая рабочая оппозиция в РКП (б). В преддверии X съезда партии и на самом съезде В. И. Ленин дал глубокую и сокрушительную критику этого течения, сохраняющую смысл и в наше время.

Сторонники «рабочей оппозиции» выдвигали лозунги, до крайности похожие на те, что спустя 60 лет стали знаменем «Солидарности». Они требовали передачи всего управления народным хозяйством «Всероссийскому съезду производителей», фактического отстранения Коммунистической партии от выработки стратегии экономического развития, сохранения за нею лишь сферы политики и идеологии. В. И. Ленин показал, что реализация этих идей сделает невозможным решение многообразных задач социалистического строительства. «Мы переживаем время, — говорил он, — когда перед нами встает серьезная угроза: мелкобуржуазная контрреволюция, как я уже сказал, более опасна, чем Деникин... Эта контрреволюция тем своеобразнее, что она — мелкобуржуазная, анархическая»².

Характеризуя опасность анархо-синдикализма, В. И. Ленин говорил, что представители рабочей оппозиции *не понимают* его опасности. Это крайне существенный момент, позволяющий увидеть качественную разницу между послереволюционной Россией и нынешней Польшей. Тогда анархо-синдикалистский уклон имел главным образом левое происхождение (В. И. Ленин так и называл его: «ревизионизм слева»). Он порождался определенным деклассированием пролетариата, гражданской войной, разрухой в народном хозяйстве, прекращением правильного обмена между городом и деревней³. Отсутствовал и опыт налаживания плановой, социалистической экономики.

Совсем иначе обстояло дело в Польше на рубеже 80-х годов. Здесь за плечами рабочего класса и его коммунистического авангарда был опыт 30-летнего руководства процессом социалистического строительства, была создана прошедшая испытание временем социалистическая государственность. При всей сложности проблем, возникших в экономике вследствие ошибочных решений прежнего руководства, страна, как уже подчеркивалось, располагала развитым народнохозяйственным механизмом.

В том-то и дело, что если «рабочая оппозиция» не понимала, куда могут завести ее требования, то вожаки «Солидарности» полностью отдавали себе в этом отчет. Это был уже *не левый, а правый ревизионизм*. Он был рожден не стихийным настроением рабочей среды, а искусственно привнесен в нее враждебными социализму силами, за которыми стояли подрывные центры империалистической реакции.

Не в Польше родилась идея «Солидарности»: о ней впервые заговорили враждебные социализму эмигрантские круги уже на одном из своих сборищ в Женеве в 1975 г. Имеется много свидетельств того, что каждый шаг контрреволюции тщательно планировался и организовывался из-за рубежа. Специально для того учрежденные «мозговые центры», ставившие конечной целью совершить в стране общественный переворот, вывести ее из Варшавского Договора и таким образом изменить в пользу империализма соотношение сил на мировой арене, доводили свои установки до внутренней оппозиции и вели интенсивную обработку населения с помощью радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», через каналы международных связей. Как признавался бывший шеф польской секции последней Новак-Езераньский, «без западных радиостанций, особенно «Свободной Европы», «Солидарность» никогда бы не возникла»⁴.

Таким образом, анархо-синдикалистская фразеология была всего лишь приманкой, с помощью которой противники социализма надеялись обмануть рабочий класс, вынудить его совершить по существу политическое самоубийство и сдать власть буржуазии. Но эта провалившаяся операция наглядно раскрыла смысл анархо-синдикализма, и из нее следуют важные выводы.

Во-первых, всякая попытка претворить эту концепцию в жизнь с неизбежностью ведет к развалу государственности, хаосу в экономике и деградации общественной морали.

Во-вторых, анархо-синдикализм может быть только промежуточным этапом в развитии классовой борьбы — мелкобуржуазная анархическая контрреволюция с неизбежностью ведет к контрреволюции буржуазной и реставрации капитализма.

Вот почему с полным основанием можно сказать: та картина анархо-синдикалистского разгула, которую описал в своей книге Берджес, не имеет ничего общего с идеями и практикой научного социализма. Это есть, как уже говорилось, извращение социалистической идеи. И если автор вдохновлялся намерением отпугнуть трудящихся от социализма, то он достиг обратного результата: сам того не желая, показал, что синдикалистская фразеология чревата трагическими последствиями и должна быть самым решительным образом отвергнута сторонниками социального прогресса.

Чем объяснить, однако, что Берджесу удалось в какой-то мере предвидеть угрозу анархо-синдикализма?

Тем ли, что он наделен особой творческой интуицией, способностями провидца? Думается, дело обстоит гораздо прозаичней. Суть в том, что в последние годы на Западе анархизм вошел в моду. Наряду со старыми его агентами, группирующимися вокруг троцкистского «IV Интернационала», появляется немало новых пророков, создающих современные версии этого учения. Они вербуют своих приверженцев из числа бунтарствующих интеллектуалов, которым претит партийная дисциплина, всякого рода деклассированных элементов, особенно молодых людей, жаждущих разрушить угнетательский строй, но не знающих, где его кашеева душа и как к ней подобраться.

Власть предрекшие имели все основания опасаться нового всплеска анархизма. Кому-кому, а им-то прекрасно было известно, что его сторонники отнюдь не ограничиваются безобидными словопрениями и что эта среда является одним из источников политического терроризма. Но весьма решительные, когда речь заходит о подавлении организованных выступлений рабочего класса, они предпочитали смотреть сквозь пальцы на возросшую активность анархистских сект, а некоторые из них взяли даже на свое содержание. И другая любопытная деталь: крупнейшие буржуазные издательства стали охотно публиковать массовыми тиражами произведения как «классиков» анархизма, так и современных его теоретиков. По подсчетам К. Вайхельда, только в ФРГ с 1966 г. по настоящее время опубликовано свыше 124 таких работ. Как отмечает этот автор из ГДР, расчет состоит в том, что часть потенциальных борцов против капитализма, увлекшись псевдореволюционными фразами и романтикой, примкнет к анархистам, ослабив тем самым антиимпериалистический фронт⁵.

Так вот, мы не ошибемся, предположив, что именно из этого литературного источника Берджес черпал свое вдохновение, именно откровения неоанархистов навели его на замысел «1985». И как раз в то время, когда польские контрреволюционеры и их наставники из подрывных империалистических служб⁶ разрабатывали план деформировать с помощью анархо-синдикалистских идей классовое сознание рабочих и лишить социалистическое государство его главной социальной опоры, Берджес засел за свой роман, чтобы живописать, как под ударами забастовочного террора рухнет буржуазное британское государство.

С этой точки зрения его антиутопия служит предос-

сережением прежде всего для тех империалистических идеологов, которые рассчитывают, поощряя анархо-синдикалистское течение, увести рабочий класс с магистральной дороги борьбы против капитализма, завлечь его в тупик. Хотел того сам Берджес или нет, но из его произведения вытекает для них своего рода поучение: не увлекайтесь, оружие, которое вы хотите применить, обоюдоострое, подобная операция грозит большим риском и для нас с вами.

Анархо-синдикализм разрушает любую государственность. И если бы он взял верх в капиталистических странах, то неизбежным результатом этого стало бы крушение всей существующей там ныне политической и экономической системы. В этом Берджес, безусловно, прав.

Казалось бы, сторонникам освобождения труда только радоваться, если придет конец власти капитала. Но беда в том, что при таком ходе событий вместе с политической системой разрушаются устои всякого общежития, а вместе с системой экономической — производительные силы. Анархия обрекает массы на невиданные лишения, она грозит пустить ко дну не столько государство, сколько само общество, не столько классовое господство, сколько цивилизацию.

И еще. Порождаемая анархо-синдикализмом обстановка экономического хаоса, упадка общественной дисциплины и деградации нравов создает идеальные предпосылки для утверждения фашистской диктатуры. Берджес, как мы видели, подметил и эту опасность, хотя связал ее с действиями не «отечественного», а иностранного капитала. Что касается Польши, то антисоциалистические силы, готовясь взять власть, приступили к формированию боевых отрядов, создавали на предприятиях обстановку террора, угрожали перевешать коммунистов, разжигали националистические страсти и т. д.

Особую опасность анархо-синдикалистским лозунгам придает сложная и напряженная обстановка на международной арене. В условиях, когда над человечеством нависла угроза ядерной войны, когда всякое сколько-нибудь серьезное нарушение сложившегося равновесия военных сил и механизма международного сотрудничества способно повлечь непредсказуемые последствия, ситуация «антивластия» в одной из стран (в первую очередь, разумеется, держав, входящих в военно-политические союзы) сыграла бы на руку агрессивным кругам империализма и могла бы подтолкнуть их к далеко идущим авантюрам

Все это ни в коей мере не свидетельствует в пользу тех буржуазных идеологов, которые, ссылаясь на ядерную опасность, требуют от рабочего и национально-освободительного движения отказаться от революционных программ, провозгласить едва ли не навечно социальное статус-кво. Независимо от того, исходят ли подобные требования от демагогов или пацифистов, они утопичны. Никто не властен остановить социальный прогресс, притом и в эволюционной, и в революционной его форме. Чего действительно следует добиваться — так это понимания всеми социальными движениями и политическими течениями своей ответственности за судьбы мира в ядерный век.

Именно это отличает позицию коммунистов. Вопреки наветам классовых противников марксистам-ленинцам органически чужд лозунг «цель оправдывает средства». Считая исторически неизбежным преобразование капиталистического общества в социалистическое, они придают первостепенное значение тому, чтобы переход власти в руки рабочего класса, широких народных масс осуществлялся с наименьшими издержками для дела всеобщего мира. И если сегодня международная обстановка отличается крайней напряженностью, то повинны в том не сторонники общественного прогресса, как тщится уверить реакционная пропаганда, а силы империализма, стремящиеся любыми средствами остановить закономерный процесс социальных перемен.

Итак, куда бы ни метил Берджес, его сатирические стрелы поразили не социализм, а мелкобуржуазную контрреволюцию, с которой коммунисты всегда вели и ведут непримиримую борьбу. Как, однако, обстоит дело с его прогнозом на 1985 г.? Не имеет ли анархо-синдикалистский угар шансы на распространение со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Такая опасность, безусловно, существует. И прежде всего потому, что буржуазия по-прежнему испытывает соблазн прибегнуть к этому оружию против организованного, марксистски ориентированного рабочего движения, не слишком задумываясь, какой ценой ей самой придется расплачиваться за попытку выпустить из бутылки джинна-анархиста. Нельзя исключать и того, что в острых кризисных ситуациях империалистическая реакция сочтет для себя выгодным создать обстановку хаоса, дав разгуляться анархистам, с тем чтобы потом навести порядок с помощью фашистов и установить свою террористическую диктатуру.

С точки зрения развития международной обстановки чрезвычайно опасны идеологические диверсии империализма, направленные на разжигание анархо-синдикалистских настроений в социалистических странах. Действуя в духе «психологической войны», попирая элементарные нормы международного права, подрывные империалистические радиостанции продолжают подстрекать польских трудящихся ко всеобщей забастовке и антиправительственным выступлениям.

Конечно, дело не только в кознях капиталистов. Нельзя забывать, что анархо-синдикализм возник первоначально как уклон в рабочем движении. Он может возрождаться повсюду, где появляется подходящая для него питательная среда: там, где рабочий класс не отличается достаточной политической зрелостью из-за отсутствия опыта и особенно в результате массового пополнения его рядов за счет мелкобуржуазных элементов города и деревни; там, где не удалось установить прочные связи между рабочими и их коммунистическим авангардом либо по тем или иным причинам такие связи серьезно ослабли; там, где не уделяется должного внимания идеологической работе, формированию у трудящихся научного, социалистического сознания.

Рецидивам анархо-синдикалистской болезни способствует также идейно-политическая активность «крайне левых». Под этим весьма размытым понятием подразумевается обычно конгломерат людей, составляющих обособленные фракции в рабочих партиях капиталистических стран или образующих самостоятельные радикальные группировки. Выступая с позиций мелкобуржуазного «ультрареволюционаризма», левяки (именно левяки, а не левые) не считаются с объективными условиями классовой борьбы, с необходимостью вести настойчивую работу по привлечению на сторону революционного дела широких народных масс, делают ставку на насильственные действия.

Впрочем, гораздо опасней «традиционного» левачества на манер народовольцев новая форма этого явления, нашедшая выражение в попытках некоторых теоретиков обосновать коренной пересмотр марксистско-ленинской концепции социализма. Ратуя против этатизма как источника бюрократии и не видя принципиальных различий между буржуазной и пролетарской, социалистической государственностью, они провозглашают самоуправление предприятий и территориальных общин магистральным путем создания нового общества. Иными

словами, «снимается» или в лучшем случае переносится на задний план главный элемент теории научного социализма — наличие сильной центральной власти; рабочий класс, трудящиеся лишаются рычага, без которого невозможно преобразование социальных структур и отношений. Это не что иное, как реакционная мелкобуржуазная утопия, шаг назад — к «общинному социализму». И хотя ее авторы отмежевываются от анархизма, это не меняет дела. Доведенный до своего логического завершения, синдикализм не может не приобретать анархистский характер.

Таким образом, опасность достаточно серьезна. И тем не менее она преодолима. В современном рабочем движении существуют мощные силы, которые не позволяют буржуазии обмануть себя и достаточно сознательны, чтобы не обмануться самим. Польский опыт показал и это. Как раз опасение остаться генералами без армии побудило антисоциалистические силы сделать расчет на внезапный захват власти. Как известно, эта авантюра планировавшаяся на 17 декабря 1981 г., была сорвана.

Размышляя над проблемами, затронутыми в «1985» мы вынуждены были обращаться к самым различным аспектам общественной теории и практики. Теперь предстоит переместиться из сферы политики в сферу социальной психики.

Дело в том, что если марксисты верят в политическую мудрость рабочего класса и не сомневаются в его способности одолеть анархо-синдикалистский уклон то Берджес, напротив, усматривает в этом классе слепую стихийную силу, которая может погубить цивилизацию⁷. Не видит он в обществе каких-либо социальных слоев, способных защитить его от новоявленных «профварваров». В отличие от многих своих западных коллег автор «1985» скептически оценивает возможности интеллигенции и молодежи: не случайно первая в его романе опустилась до уровня люмпен-пролетариата и находится на грани исчезновения, а вторая охотно интегрировалась в «Тред-юнионию», найдя в ней поле для реализации своих политических амбиций.

И вообще, по утверждению Берджеса, ориентация классов и социальных слоев не имеет особого значения поскольку образ мыслей и поступков людей определяется не их классовой принадлежностью, а общими для всех инстинктами, заложенными в человеческой природе. А посему кардинальное значение приобретает вопрос можно ли перестроить сознание, вытравив из него всяко-

го рода дикость, все, что относится к категории зла, и создав идеальную для общежития модель? Рассуждая на эту тему. Берджес в своей обычной залихватской манере разносит теоретиков, которые, по его мнению, предлагают негодные рецепты изменения к лучшему человеческой натуры.

Особенно досталось признанному лидеру так называемой бихевиористской школы американцу Б. Скиннеру, который рекомендует воспитывать людей только путем поощрения за хорошее поведение. Причем вот что любопытно: Скиннер высмеивается не за то, что его концепция «культурного проектирования» игнорирует реалии классово антагонистического общества, а за то, что она де противоречит принципу свободной воли. Берджес утверждает, что приучать к добру, обещая в награду кусочек сахара, столь же безнравственно, как отпугивать от зла угрозой наказания. Упоминает автор притом всуе, и учение И. П. Павлова. По тому, как излагается его содержание, видно, что Берджес ничего о нем, кроме двух общеизвестных слов — «условные рефлексy», знать не знает. Это не мешает ему утверждать, будто большевики именно на «рефлексах» строили свои планы перевоспитания человека и потерпели неудачу.

Ignoratio non est argumentum (невежество не есть довод), говаривали древние римляне. Марксисты связывают революцию в сознании людей прежде всего с переустройством общественных отношений на коммунистических началах. И хотя процесс этот далек от завершения, он уже принес замечательные результаты. Формирование нового, социалистического типа личности, отличительными чертами которого являются коллективизм и гуманизм, органическое сочетание патриотического и интернационального сознания, развитое чувство собственного достоинства и социальной ответственности, долга, давно уже стало общепризнанным фактом.

Пожалуй, единственный случай, когда с рассуждениями Берджеса на психологическую тему можно согласиться, — это критика методов физиологического воздействия на человека. К сожалению, об этом он говорит вскользь. А между тем имеются многочисленные свидетельства того, что в наше просвещенное время в закрытых клиниках, находящихся в ведении империалистических военных ведомств, ставятся опыты над людьми. Точно так же, как это делали гитлеровцы, «экспериментаторы» ищут средства, способные лишать человека воли и памяти, превращать его в подобие рабочего скота.

Поговаривают о возможности закреплять вновь приобретенные свойства подобного рода с помощью «генной инженерии». Прогрессивная печать Запада то и дело разоблачает опаснейшие планы разработки различных видов биологического оружия.

Итак, попытки переделать человеческую природу, по Берджесу, одновременно бесплодны и ведут к ограничению свободной воли. Не слишком задумываясь над тем, как совмещаются эти взаимоисключающие результаты, он делает вывод, что нам суждено остаться такими, какие мы есть, со всеми добродетелями и пороками. Главное — это сохранить в неприкосновенности свободу воли, куда бы она ни устремлялась. А поэтому надо быть готовыми к любым катаклизмам.

В соответствии с такой логикой Берджес предрекает человечеству все мыслимые и немыслимые испытания: здесь и мировая война, которая, правда, будет вестись без применения ядерного оружия, и «сексуальная война» между мужчинами и женщинами, и вооруженный бунт голодающих против сытых, и бог весть что еще. Давая волю разгулявшемуся воображению, автор «1985» не только не печалится подобными мрачными перспективами, но даже дает понять, что ему все это по душе — иначе, мол, не решить проблему перенаселенности. Пусть мир летит в тартарары, лишь бы жива была моя свободная воля!

Читая эти мальтузианские откровения (Берджес, кстати, прямо пишет, что он мечтал о мальтузианской мировой войне), пытаешься понять, с кем же все-таки имеешь дело. С таким отчаянным сорвиголовой, новейшим типом «интеллектуального сверхчеловека», которому море крови по колено, или с запуганным мещанином, укрывающим за напускной бравадой свою растерянность и страх перед будущим? И внезапно приходит разгадка: да ведь это герой «1985» Джонс собственной персоной. Он боится и профбоссов, и фашистов, и безумствующей разгульной молодежи, бунтует на коленях и не находит иного способа выразить свой протест, сохранить свою бессмертную свободную волю, как добровольно рассчитаться с жизнью.

И действительно, как бороться с угрозой анархии, если ты сам по существу законченный анархист? И буржуазный индивидуалист Джонс с его гипертрофированной эгоистической самовлюбленностью, и профбосс с чугунным подбородком Девлин — по духу своему кровные родственники. Разница между ними лишь в том, что за

Цевлином стоит группа, а за Джонсом — никто. Кажется бы, и он имеет шансы организовать свой синдикат из единомышленников-интеллектуалов. Но, увы, их способности к объединению не идут дальше того, чтобы делиться с товарищами ворованной колбасой и пить виски из одной бутылки. Каждый существует сам в себе, по себе и для себя. Из этого человеческого материала коллектива не сложишь.

Самозамкнутость и отчужденность от общества — вот суть мироощущения Оруэлла, Берджеса и многих других представителей буржуазного антиутопизма. Они могут поэтому только взывать к бдительности, предупреждать, бить в колокола, втайне надеясь, что реальное противодействие грозящим опасностям возьмут на себя другие. Что ж, и это само по себе немало.

Берджес, осуждая анархо-синдикалистский террор, бросает тень на современное рабочее движение. Но исторический опыт уже доказал неправедность подобного искажения и действительности, и перспективы. Поэтому и предсказания Оруэлла, Берджеса и прочих антиутопистов — это злопахательство, продиктованное классовым пристрастием. В то же время следует иметь в виду, что анархо-синдикалистская опасность существует, и необходима бдительность сознательных сил в рабочем и демократическом движении, чтобы успешно ее преодолеть.

**Ж.-Ж. Серван-Шрайбер:
гимн информатике**

Наряду со многими другими знамениями начало 80-х годов отмечено на Западе всплеском футурологических исканий и изысканий. Чуть ли не еженедельно, а то и чаще появляются сообщения о выходе в свет очередного опуса, посвященного будущему, — начиная с 2000 г., как недалекого приметного порога вечности, и далее без ограничений. Реклама, как и полагается, называет каждое из этих изданий эпохальным и уникальным, едва ли не все они объявляются бестселлерами, дабы обеспечить достойный сбыт. И уж непременно какой-нибудь именитый ученый или политический деятель, рангом не ниже лауреата Нобелевской премии, пишет в предисловии, что автору наконец-то удалось проникнуть в тайны Хроноса. Таков ритуал.

Читатели, интересующиеся этой материей, знают, что в начале 60-х годов подобное явление уже имело место и его окрестили «бумом прогнозов». Сейчас тоже налицо все признаки бума: и искусственно нагнетаемый шум со стороны производителей футуропродукции, и неподдельное любопытство, даже тяготение к ней со стороны потребителей. Но это не простое, а весьма своеобразное повторение. Тогда спрос на предвидение возник на фоне относительно благоприятной для капитализма конъюнктуры. Только-только его идеологи провозгласили пришествие эры «всеобщего благоденствия», экономика росла приличными темпами, виды на рынок были обнадеживающие. Проецируя на перспективу и эту благополучную ситуацию, и сопутствовавшее ей оптимистическое настроение, прогнозисты давали зеленый свет капиталовложениям, а футурологи, мыслящие историческими масштабами, открывали следующий этап процветания капиталистической системы: постиндустриальное общество (по Д. Беллу), технотронное общество (по З. Бжезинскому).

Теперешний бум в противоположность первому происходит в тревожной кризисной атмосфере. Над одними

капиталистическими странами и отраслями хозяйства гроза уже разразилась, других пока миновала, но раскаты ее ощутила вся мировая экономика. Останавливаются заводы, скачут валютные курсы, горят не какие-то там лавочки, фермеры или владельцы автоколонок, которые, бывало, разорялись и в обычные времена, а такие индустриальные гиганты, символизировавшие мощь и непоколебимость монополистического капитала, как «Крейслер». О том, чтобы обуздать инфляцию, уже не помышляют, ставя задачу хотя бы сократить темпы ее роста. Со страхом наблюдают, как ползет вверх на диаграммах кривая безработицы, предвещающая новые социальные волнения и политическую нестабильность.

Пожалуй, ясней всего показывает, как обстоят ныне дела, то, что многие западные экономисты и политики вспоминают 60-е годы с ностальгией, а иные даже заявляют, что тогда был звездный час капиталистической системы, которому не суждено повториться.

Когда людям (классам, партиям, политическим деятелям) хорошо, они ждут от науки заверений, что им будет еще лучше. Когда плохо, они надеются услышать, что им не станет еще хуже. А если взглянуть на прогноз с прагматической точки зрения, как и смотрит на него капиталист, то в 60-х годах он рассчитывал получить совет, как заработать больше, а в 80-х — как меньше потерять. Понятно, что эта существенная разница должна была как-то отразиться на футурологии. И отразилась, притом любопытным образом.

Возросло число сочинений, рисующих перспективу в мрачных тонах и предвещающих западным странам либо всему миру всяческие беды вплоть до апокалипсиса на библейский манер. Это по преимуществу голоса тех, кто умеет только экстраполировать, т. е. прочерчивать вперед линию развития, как она сложилась за исходный период. Если такая линия идет вверх, они без колебаний продолжают ее до самого неба, где, как и полагается, обнаружат свой рай в виде упоминавшегося постиндустриального общества. Если же она поползла вниз, то ее столь же решительно доведут до пропасти.

Иначе реагировало на кризисные явления другое направление западной политической мысли. Представители его кинулись искать новые точки опоры, чтобы не позволить системе опрокинуться, вернуть ей былую устойчивость. К этому направлению относятся теоретики широкого спектра: и отъявленные консерваторы, и либералы, и реформисты из лагеря социал-демократии. Соответ-

ственно разнятся их позиции. Одни рассчитывают главным образом на форсированное создание преобладающей военной мощи и насильственное подавление всяких революционных движений; другие видят единственный шанс в приспособлении к условиям эпохи, в более или менее серьезной перестройке экономического механизма и общественных отношений. Одни упирают на национализм по принципу «спасайся, кто может!», другие, напротив, доказывают, что мир стал предельно взаимозависим, все плывут в одной лодке и выбраться из пучины в одиночку невозможно.

Словом, было бы непростительным упрощением свалить сочинения этих авторов в одну кучу. Но у них есть нечто общее, а именно стремление не просто пророчествовать по примеру бесстрастного Дельфийского оракула, а активно воздействовать на формирование будущего. Поэтому сегодня правильнее вести речь уже не о «буме прогнозов», а о «буме проектов», или, как принято теперь говорить, сценариев и моделей. Различие достаточно серьезно: в первом случае главное — констатация (следует ожидать того и того-то), во втором — предложение (если мы хотим того-то или, напротив, не хотим, чтобы случилось то-то, надо сделать следующее).

Как раз этот вид футурологического творчества представляет наибольший интерес. Возможность познакомиться с его сильными и слабыми сторонами дает книга Ж.-Ж. Серван-Шрайбера «Всемирный вызов», опубликованная в конце 1980 г. и привлекавшая на Западе широкое внимание¹.

Наш выбор объясняется следующими соображениями. Серван-Шрайбер — известный французский журналист и политический деятель, в прошлом директор еженедельника «Экспресс», лидер партии радикалов и радикал-социалистов, автор нашумевшей в свое время книги «Американский вызов»². В новой работе он претендует ни много ни мало как на открытие, которое должно положить конец предыстории человеческого общества и стать началом подлинной его истории.

Далее, «Всемирный вызов» не просто авторское произведение, книга служит своего рода манифестом так называемой Парижской группы. Она, как сообщается в послесловии, была создана летом 1979 г., чтобы «найти пути достижения новой динамики экономического развития» и создать «концепцию мультимира». В нее входят бывший министр хозяйства ФРГ К. Шиллер, американский юрист С. Пайсар, руководитель национальной фе-

дерации японской промышленности Т. Доко, министр нефти Саудовской Аравии шейх З. Ямани, ряд лиц из их окружения.

Серван-Шрайбер и его коллеги берут на вооружение идею так называемого информатизированного общества (или, проще, информатики), связанную с важным и многообещающим этапом научно-технического прогресса. Здесь они не являются пионерами, поскольку уже появилось немало публикаций на эту тему³. Но вероятно, никто еще не брался с такой определенностью судить о социальных последствиях «информатики», а главное — никто не пытался столь настойчиво и, можно сказать, азартно рекламировать ее в качестве спасительного ключа к достойному человека будущему.

В какой же мере обоснованы эти смелые утверждения? «Всемирный вызов» — довольно объемистое произведение, написанное в стиле научно-политической публицистики и изобилующее отступлениями, очерковыми зарисовками, авторскими реминисценциями, экскурсами в историю. Но основное его содержание сводится к трем вопросам: что угрожает человечеству? В чем его спасение? Как этого достигнуть? Последуем и мы логике автора.

В наше время каждый имеет представление о том, какие сложные проблемы стоят перед мировым сообществом в преддверии третьего тысячелетия. В первую очередь необходимо сохранить и упрочить мир, предотвратить ядерное побоище, остановить расточительную и опасную гонку вооружений. С высвобождением человечества из тисков милитаризма в немалой степени связана возможность создания нормальных жизненных условий растущему населению Земли — ликвидации голода, нищеты, эпидемических заболеваний, неграмотности. В широком смысле речь идет о преодолении слаборазвитости в масштабе как целых стран, даже континентов, так и отдельных районов или (если взять другой разрез) социальных слоев. Это потребует и радикальных общественных преобразований, и освоения новых энергетических и продовольственных ресурсов на основе целеустремленного использования достижений научно-технической революции. Одновременно следует защитить природу от шлаков цивилизации, угрожающих забить ее кровеносные сосуды и ослабить животворную силу.

Все эти проблемы получили название глобальных, о них много писалось и пишется, в том числе в нашей печати⁴. Серван-Шрайбер — и в этом он не оригинален — объединяет задачи жизнеобеспечения, преодоления от-

сталости, разрыва между экономически развитыми и слаборазвитыми странами, сохранения среды обитания человека в одну комплексную задачу — развитие. Он убежденно доказывает, что задача эта приобрела в наше время небывалую остроту и отказ от ее решения повлечет за собой непредсказуемые последствия.

Почти миллиард людей на Земле находится на грани голода. Только в 1979 г., объявленном годом ребенка, от недоедания умерли 12 млн. детей моложе пяти лет; 500 млн. азиатов, 140 млн. африканцев, 90 млн. латиноамериканцев и жителей Карибских островов лишены доступа к годной для питья воде. Две трети человечества постоянно подвергаются опасности заражения болезнями, превращающими людей в калек, одним лишь бильгарциозом вызывающим слепоту, болеют 250 млн. человек. 400 млн. человек живут в бидонвиях. Гигантские чудовища — мегаполисы (Мехико — 9 млн. жителей, Калькутта — 9 млн., Каир — 8,2 млн., Джакарта — 6 млн. и т. д.) продолжают непрерывно разбухать, пожирая сельскохозяйственные окрестности, плодя скудность, грязь, преступность, алкоголизм⁵.

Эти цифры в общем известны. Они вопиют. И весь вопрос в том, как их комментируют, где прежде всего усматривают причину слаборазвитости и сопутствующих ей бед. Нельзя сказать, чтобы Серван-Шрайбер вовсе уклонился от ответа на этот острейший политический вопрос. Он признает, что конец колониальных империй не привел к обеднению стран-колонизаторов, а, напротив, обогатил их. «Индустриальный мир» не только не возвратил бывшим колониям то, что было у них отнято, но и добился за последние 30 лет беспрецедентного подъема, систематически эксплуатируя ресурсы «третьего мира» — Юга — и продавая свою продукцию на собственных, единственно расширяющихся рынках — рынках Севера⁶.

При этом ножицы цен постоянно раздвигались в ущерб Югу. Так, в 1960 г. Малайзия могла купить джип за 4 т каучука, а в 1970 г. — за 10 т. В 1954 г. страны — производители кофе должны были отдать за тот же джип 14 мешков кофе, а через 8 лет — 32 мешка. Таков «мировой порядок», заключает Серван-Шрайбер, и он еще долго будет таким. Бедные страны истощаются, поставляя сырье, чтобы по все более высоким ценам покупать промышленные изделия и даже основные продукты питания, культуры которых были заменены у них экспортной продукцией⁷.

Здесь со всем можно было бы согласиться, если б не одно существенное обстоятельство. Вслед за многими другими политологами Серван-Шрайбер, как мы видели, активно использует географические понятия в качестве политико-экономических символов. Дело это не новое, и все уже привыкли к тому, что словом «Запад» обозначают капитализм, а «Восток» — социализм. Конечно, это не точно, условно, но поскольку отдается отчет в условности подобного словоупотребления, то ничего предосудительного в нем нет.

Казалось бы, те же рассуждения можно по аналогии приложить и к другому выражению: «Север — Юг». Но в данном случае это выглядит не столь безобидно. Разумеется, ничего страшного, если имеется в виду тот очевидный факт, что большинство экономически развитых стран расположено в северном полушарии, а большинство развивающихся — в южном. А вот когда заявляют, что богатый Север (или «индустриальный мир») эксплуатирует бедный, слаборазвитый Юг, тогда символика превращается в политику и возникает необходимость сказать: «Не пытайтесь, господа, перекладывать свои грехи на чужие плечи, социалистические страны не несут ответственности ни за безобразия колонизаторов, ни за неокOLONиальное ограбление развивающихся стран».

Впрочем, может быть, за подобным «неточным» употреблением геопонятий не стоит злого умысла и автор просто оговорился? Увы, есть доказательство обратного. Серван-Шрайбер вообще избегает употреблять слово «социализм», а заодно и «капитализм». Таким образом, в его книге обе общественные системы блистательно отсутствуют вместе с присущими им идеологиями и политическими принципами. Поскольку же нет общественных систем, нет, естественно, и противоречий между ними, все растворилось в дихотомии «Север — Юг».

Так случилось, что почти вслед за «Всемирным вызовом» вышла в свет новая работа итальянского общественного деятеля А. Печчеи — «Сто страниц для будущего». По проблематике она близка к книге Серван-Шрайбера, и поэтому имеет смысл сравнить позиции авторов. Печчеи не сбрасывает со счета главной реальности современного мира — борьбы двух общественных систем. Но поскольку и у него они зашифрованы в туманных понятиях геополитики, то результат примерно тот же: социализм и капитализм трактуются как две силы, одинаково повинные в бедах и заботах эпохи⁸. Иначе говоря, и здесь искусственная раскладка грехов «на двоих».

Разобравшись с частями света, признаем, что единожды Серван-Шрайбер использует геопонятия вполне корректно: при представлении одного из главных «героев» его эмоционального повествования — нефти. На протяжении 50 лет (с 1920 по 1970 г.), пишет он, Запад строил на нефти, основным источником которой стала земля Ближнего Востока, свою цивилизацию и процветание, развивая различные отрасли промышленности, транспорт, города, университеты и лаборатории. При этом Запад никогда не помышлял о большом вознаграждении стран-производителей, словно речь шла о естественном законе, действительно на веки вечные⁹.

Несколько глав книги содержат панегирик нефти. К концу 70-х годов за счет «черного чуда» покрывалось более половины экономических потребностей человечества. Она стала кровью современных видов транспорта — 35% всей нефти сгорает в моторах легковых автомобилей, в двигателях самолетов, судов, ракет. Другая треть служит одновременно горючим для промышленной техники и сырьем для нефтехимической индустрии. Сейчас насчитывается свыше 80 тыс. различных видов ее продукции: среди них пластмассы, синтетические ткани и резина, инсектициды, удобрения, красители, медикаменты, моющие средства, пленки. Нефть питает еще два ведущих сектора современной экономики — топливную промышленность и производство электроэнергии. Расширяется ее применение в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Наконец, стратегическое значение нефти, замечает автор, возросло настолько, что без предварительного создания огромных ее запасов немыслима никакая война в современном мире¹⁰.

В книге приводится любопытная оценка значения нефти, данная американским профессором К. Солбергом: «Сегодня нам представляется очевидным, что демократия целиком зависит от нефти. Без нефти нет свободного предпринимательства. Дешевая нефть, миллиарды баррелей, добытых и приобретенных по ценам, которые фактически снизились между 50-ми и 70-ми годами, полностью субсидировали подъем промышленных обществ Европы и Америки»¹¹.

Поразительное по своей откровенности признание того, что не только экономическое развитие капиталистических стран основывается на присвоении даровых ресурсов, на нем держится сегодня сама система капитализма, включая столь высокочтимую и ревностно оберегаемую буржуазную демократию. Почему? Очевидно,

потому, что лишь благодаря неэквивалентному обмену с развивающимися странами империалистический Запад имеет возможность обеспечивать относительно высокий уровень жизни у себя дома, избегать (или по крайней мере понижать накал) классовых битв и, следовательно, продлевать жизнь системе частного предпринимательства вкупе с ее политической надстройкой.

Чем меньше дарового «черного чуда» (и, разумеется, другого сырья, достаемого по дешевке благодаря ограблению развивающихся стран), тем быстрее растут безработица и инфляция. Чем выше цены и больше безработных, тем энергичнее рабочий класс, трудящиеся поднимаются на борьбу за свои интересы, тем громче звучит «песнь буревестника». Вот такая цепочка тянется от нефти. Точнее, не от самой нефти, а от растущей решимости народов покончить с беззастенчивым империалистическим грабежом своих природных богатств. Одним из поворотных пунктов в этом отношении стало требование революционной Ливии (осенью 1970 г.) повысить цены на добываемую в ее недрах нефть. Нефтяной пул Запада во главе с могущественными «семью сестрами» вынужден был на сей раз капитулировать. Примеру Ливии не замедлили последовать другие нефтедобывающие страны, объединенные в ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти), и плотина рухнула.

В начале 50-х годов 70% дохода от каждого добытого барреля нефти шли западным компаниям и 30% — странам-производителям; с 1960 г. доходы делились поровну; в 1970—1971 гг. — соответственно 30 и 70%; годом позже было установлено, что компании получают 5%, а страны-производители — 95%. Одновременно начиная с 1971 г. несколько раз повышались цены на нефть.

Не приходится говорить, что монополии просто так, из «джентльменских» побуждений от прибыли — смысла своего существования — не привыкли отказываться. Как же получилось, что им пришлось на сей раз смириться? Серван-Шрайбер не уходит от ответа на этот вопрос. Он начинает издали, описывая, как бывшие колониальные и зависимые страны, разочаровавшись в способности Запада понять нужды и чаяния обездоленного большинства человечества, решили объединиться для завоевания экономической независимости, рассказывает, как сложилось движение неприсоединения, у истоков которого стояли Неру, Тито, Сукарно, Насер, формировались ОПЕК и другие ей подобные организации, упоминает, наконец, наиболее драматические

эпизоды борьбы национально-освободительного движения против империализма: национализацию Суэцкого канала и тройственную агрессию против Египта, колониальные войны Франции в Алжире и Вьетнаме, американскую агрессию против ДРВ.

Словом, экскурс в послевоенную историю можно было бы признать близким к истине, если б у автора хватило мужества и честности объективно оценить роль США и СССР во всех этих событиях. Увы, не хватило.

Сначала Серван-Шрайбер заявляет, что-де «опьяненные дуэлью два гиганта» не захотели прислушаться к прорезавшемуся голосу «третьего мира»¹². А затем тшится как-то подкрепить это фантастическое по нелепости утверждение. В самом деле, если уж называть противоборство социализма с капитализмом дуэлью, то надо по крайней мере признать, что одной из главных ее причин явилась решимость СССР и его союзников помешать подавлению борьбы народов развивающихся стран Соединенными Штатами и другими империалистическими державами. И можно не сомневаться, что без такой поддержки были бы невозможны победы освободительного движения, в том числе перераспределение доходов от добычи полезных ископаемых в пользу развивающихся стран.

Последний факт служит отправной точкой дальнейших рассуждений Серван-Шрайбера. Выше говорилось, что один из «героев» его книги — нефть. На самом деле надо было сказать: *нефтедоллары*. В результате перераспределения доходов и повышения цен на «черное чудо» у правителей нефтедобывающих стран, в первую очередь Саудовской Аравии, Ирана и Кувейта, стали скапливаться колоссальные средства. Помимо контроля над энергией, замечает автор, это дает им также контроль над капиталовложениями. К 1980 г. инвестиционные возможности стран ОПЕК оценивались в 120—150 млрд. долл.; ожидается, что к 1985 г. они возрастут до 500—800 млрд. долл.

Там, где золото, там, как известно, правят бал. Серван-Шрайбер с придыханием рассказывает, как в столицу Саудовской Аравии Эр-Рияд стекаются хозяева транснациональных корпораций, финансисты из лондонского Сити и Цюриха, посланцы американского президента, дельцы и вкладчики капиталов, агенты по продаже ценных бумаг, посредники, клиенты и торговцы желтым металлом. У всех свои расчеты, связанные с нефтедолларами.

Свой план есть и у Парижской группы. Если верить Серван-Шрайберу, он отвечает намерениям самих владельцев нефтяного богатства. А суть его сводится к простой формуле: *обменять нефть на развитие*. Целесообразность и необходимость такой сделки доказываются следующими доводами. «Третий мир» находится в исключительно тяжелом положении. Несмотря на солидную помощь, оказываемую ему в рамках различных программ по линии ООН и отдельных государств, разрыв в уровне развития между Севером и Югом продолжает увеличиваться. Дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными странами ведет к накоплению взрывчатого материала, который угрожает в перспективе невиданными катаклизмами или даже гибелью цивилизации¹³.

Запад также переживает нелегкие времена, отмечает Серван-Шрайбер. Повышение цен на нефть подстегнуло инфляцию, растет безработица, а главное — практически исчерпана емкость рынка, что с неизбежностью влечет нарастание кризисных явлений. Чем больше отстает «третий мир», тем меньше он способен поглощать продукцию индустриально развитых стран, тем сильнее закупориваются сосуды мировой экономики и вероятней угроза ее коллапса. Отсюда вывод: люди в развитых и развивающихся странах должны осознать, что их судьбы неразрывно связаны друг с другом, либо они вместе погибнут, либо сообща спасутся, выживут и добьются расцвета.

Каков же путь спасения? Необходимо массированное вложение капиталов в развитие «третьего мира», чтобы он встал на ноги и в короткие исторические сроки преодолел свое отставание. Одновременно это откроет новые просторные рынки для Запада, позволит ему уйти от кризиса. Вот куда надо направить нефтедоллары!

Что касается исходных рассуждений Серван-Шрайбера, то они просто фиксируют реальную ситуацию, сложившуюся в мире в результате империалистической политики колониализма и неоколониализма. Бесспорен и вывод. Кстати, в докладах Тинбергена, Месаровича, Эрреры и в других материалах Римского клуба вот уже несколько лет повторяется мысль о том, что жители развитых капиталистических стран должны преодолеть националистический эгоизм и «европоцентризм» (или изоляционизм, когда речь идет о США), проникнуться сознанием «глобальной солидарности».

Знаменательно, что сама жизнь, логика общественно-го развития вынуждают буржуазную науку осознавать (пусть в ограниченном и приблизительном виде) те фундаментальные истины, на которые основоположники марксизма указали почти полтора века назад и которые были развиты В. И. Лениным и положены в основу международной политики КПСС, Советского государства, а именно объективный характер процесса интернационализации мирового хозяйства и всей общественной жизни, необходимость интернационалистического сознания для совместного решения возникающих перед человечеством проблем.

Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Пусть вывод Серван-Шрайбера неоригинален, важно, что он правилен. А вот с идеей финансировать развитие посредством нефтедолларов дело обстоит сложнее. Во-первых, если бы действительно удалось обеспечить целенаправленное и разумное вложение несколько сот миллиардов долларов в развитие «третьего мира», это еще не гарантировало бы резкого поворота к лучшему. В последнее время большинство западных специалистов признают, что решение такой задачи требует прежде всего установления справедливых условий международного экономического обмена и радикальных общественных преобразований в самих развивающихся странах. В противном случае операция с инвестициями сведется к швырянию денег в бездонную бочку: они будут возвращаться на банковские счета транснациональных корпораций либо присваиваться местной элитой.

Далее, попытка помочь «третьему миру» посредством вложения нефтедолларов отражает известное преувеличение финансовой мощи стран ОПЕК. Как свидетельствует сам Серван-Шрайбер, их валютные запасы обесцениваются в результате инфляции (на 2—5% в год), реальная цена на экспортируемую нефть снизилась из-за систематического падения курса доллара, а цены на импортируемые ими товары и продукты питания резко увеличились. А ведь запасы нефти, по оценкам специалистов, иссякнут через 30 лет или даже раньше¹⁴.

Наконец, что самое существенное, вероятность разумного использования нефтедолларов предельно ограничивают и национальные потребности нефтедобывающих стран, и корыстные интересы правящих слоев, и весь существующий в капиталистическом мире экономический и финансовый порядок. Об этом стоит сказать подробнее.

Национальные потребности. Серван-Шрайбер исходит из посылки, что страны ОПЕК инвестируют свои нефтедоллары в развитие *всего* «третьего мира». Но, поскольку сами они относятся в большинстве своем к числу слаборазвитых, понятно и оправданно их стремление в первую очередь использовать доходы от нефти на нужды собственного развития. Конечно, они оказывают определенную помощь развивающимся странам, которых, на их несчастье, природа обделила нефтью и другим ценным сырьем. Но приоритет все-таки отдается национальным потребностям. И в ответ на призывы Парижской группы к солидарности они вправе, видимо, сказать: а почему такой действенной солидарности не проявляет империалистический Запад, разбогатевший на нашей крови и поте, почему он не желает внести по-настоящему серьезный вклад в финансирование развития, а сваливает это бремя на сами развивающиеся страны (все или часть из них, неважно)?

Корыстные интересы. Выражение «богатые страны ОПЕК», столь часто употребляемое в обиходной речи, носит весьма условный характер. Поступавшие в иранскую казну миллиардные платежи за нефть шли главным образом на роскошную жизнь шаха, его семейства и верхушечного правящего слоя, а также на закупку невообразимого количества оружия у американцев. Крохи, перепавшие трудящемуся люду, не делали его существование более завидным, чем рядом — в Турции или в Пакистане.

Впрочем, сошлемся на самого Серван-Шрайбера: «В течение полных восьми лет — от первого нефтяного шока в 1970 г. до кануна падения шаха — большинство стран ОПЕК практически ничего не сумели сделать, кроме того, что прибыльно вкладывали свои доходы в банки и сейфы Запада, где они выгодно использовались. Это то, что стыдливо называли «системой рециклирования нефтедолларов»¹⁵.

Здесь правильно делается оговорка: «большинство». Известно, что такие нефтедобывающие страны, как Алжир, Ливия, Мексика и некоторые другие, смогли довольно эффективно использовать свои доходы для создания экономической инфраструктуры, основ национальной индустрии. Почему же другие «не сумели»? Оказывается, все дело в том, что им мешает всеобщая неграмотность. Почему же, скажем, Куба или Южный Йемен без всяких доходов от нефти ликвидировали неграмот-

ность в один-два года, а султанаты не могут? Ответ очевиден.

Тем не менее Серван-Шрайбер уверяет, что люди, распоряжающиеся финансами богатейшей из нефтедобывающих стран — Саудовской Аравии, готовы вложить капиталы в развитие всего «третьего мира». Сделаем такое допущение....

Финансовый порядок. И посмотрим, могут ли владельцы нефтедолларов использовать их как заблагорассудится. Что за вопрос, скажет читатель, конечно же могут. Захотят — приобретут виллы в Ницце, или сверхзвуковой «Конкорд», или остров в Эгейском море, или очередную разорившуюся английскую газету, или контрольный пакет акций той самой автомобильной компании «Крейслер», которая уже с 1978 г. подала сигнал бедствия.

Эта реальная покупательная сила нефтедолларов способствовала возникновению вокруг них своеобразного теоретического мифа. В начале 70-х годов, когда слои их из тоненьких пачек на дне сейфов стал превращаться в гору, досужие финансисты подсчитали, что, если бы саудийцы захотели, они могли бы в один миг стать хозяевами всей французской индустрии. Делались даже предположения, что Эр-Рияд вскоре станет главным финансовым центром и будет диктовать свою волю западному миру.

Шутить по этому поводу нет оснований. Даже серьезные ученые проявляют порой наивность, сталкиваясь с новыми для них феноменами. Но я убежден, что воротилы империализма — политики и коммерсанты — только ухмылялись себе в усы, слушая подобные фантазии. И лучше всего это доказывается тем, что они охотно продавали нефтяным набобам все, что те могли пожелать. И даже стали заманивать. Не случайно Серван-Шрайбер, как он сам говорит, видел в шикарном эрриядовском отеле целое собрание ходатаев, включая посланцев американского президента.

Почему же американская администрация, истерически призывающая западноевропейские страны не заключать соглашения о поставках сибирского газа, чтобы упаси бог не впасть в ужасную зависимость от Советов, ничуть не боится «экспансии» саудовского или кувейтского капитала? Потому что и Рейган, и до него Картер, и тот, кто придет потом, с материнским молоком усвоили великую истину империализма: деньги — это все и од-

новременно ничто. Все, если за ними стоит сила, ничто, если такой силы не имеется.

Впрочем, это знал еще Юлий Цезарь. Рассказывают, что он ухитрился задолжать 40 млн. сестерций, и кредиторы ему основательно досаждали. Но Цезарь рассудил правильно, потому что не мелочился и делал большую игру. Занятые денежки он щедро раздавал своим клиентам и легионерам, с их помощью стал «первым среди равных», а уж власть списала все его долги.

Иначе говоря, на деньги покупается сила, а она привлекает к себе деньги, охраняет их и придает им устойчивость. Вот почему бывший шах Реза Пехлеви так упорно закупал оружие и всерьез лелеял мечту возродить воинственную славу империи Кира и Дария. Но по иронии судьбы именно иранский пример показал, как мало стоят деньги, когда за ними не стоит сила. Когда шах был изгнан из страны революцией, США, трижды наплевав на священный принцип частной собственности, использовали иранские авуары в американских банках для политического давления и шантажа. То, что, казалось бы, должно было составить силу Ирана, стало его ахиллесовой пятой.

Так обстоит дело и с другими. Правители Саудовской Аравии вкладывают свои «сбережения» в американские или швейцарские банки либо скупают акции промышленных и иных фирм. Поэтому они кровно заинтересованы поддерживать доллар, не позволить ему упасть слишком низко, вынуждены скупать американские государственные бонны и т. д. — словом, становятся интегральной частью мировой капиталистической экономической системы, всецело от нее зависящей.

Но США, помня об Иране, отнюдь не довольствуются экономическими цепями. Ссылаясь на мифическую советскую угрозу свободе морских коммуникаций, президент Картер заявил, что американцы всеми средствами, включая военную силу, отразят любую попытку установить контроль над Персидским заливом, а Пентагон добавил, что пустит в ход и тактическое ядерное оружие. Продолжая линию своего предшественника, президент Рейган распорядился усилить корпус так называемого быстрого развертывания, предназначенный для подавления освободительных движений, в первую очередь в нефтеносных странах Ближнего Востока.

Таким образом, и контроль большинства стран ОПЕК над нефтяными ресурсами, и их возможность разумно

распорядиться своими валютными накоплениями во многом ограничены.

Но предположим, что Парижской группе удалось вслед за хозяевами нефтедолларов «угговорить» заправил империализма дружно взяться за немедленное возрождение «третьего мира», т. е., по упоминавшейся формуле, обменять нефть на развитие. Что в таком случае следует делать, куда направить инвестиции? Ответ таков: поскольку модель индустриализации по примеру развитых стран не сработала, надо вообще отказаться от индустриализации освободившихся стран и сразу внедрять в них «информатизированное общество».

Воздержимся пока от комментариев и познакомимся, хотя бы бегло, с *информатикой* — другим главным «героем» книги Серван-Шрайбера. Разумеется, наш читатель, особенно имеющий отношение к современной технике, достаточно осведомлен о той роли, какую играют в современном производстве, связи, управлении и во многих других сферах деятельности электронные счетные машины, пришедшие им на смену миникомпьютеры и получившие бурное распространение в последнее время микропроцессоры. Именно в этом замечательном достижении НТР, которое принято относить к сфере информации, человечество, по мысли Серван-Шрайбера, как и некоторых других западных авторов, найдет рычаг, который позволит ему перевернуть мир.

Термин «информация» в данном случае далеко выходит за пределы того, что подразумевается под ним в обыденной жизни. Это не известия, сообщаемые «средствами массовой информации» — газетами, радио, телевидением, а один из главных компонентов, на которых основываются трудовая деятельность и само существование человека. Такие компоненты — материя, энергия и информация. Чтобы понять последнюю в таком вселенско-философском смысле, надо отрешиться от узкого привычного значения этого термина. Информация — это все, что составляет какое-то *сообщение*. Зажигающийся красный сигнал, крик или запах животного, мерцание звезды, электрическая искра — это молекулы информации, информатические элементы¹⁶.

Добавим к этому поэтическому описанию, что в данном качестве информацию следует рассматривать не просто как сообщение, но и как само *знание*, а процесс информатизации — как накопление знаний, их распространение и использование. Он начался вместе со становлением человека как мыслящего существа, и качествен-

ная особенность нынешнего этапа, связанного с НТР, заключается в том, что впервые производство знаний (информации), их передача и употребление механизмируются и автоматизируются. В этой связи заметим, что соответствующую отрасль техники и технологии именуют иногда электроникой. Термин отражает скорее ее материальную основу, нежели место и назначение в системе взаимодействия человека с природой. Понятие информатики, несомненно, богаче и точнее передает суть дела.

Но вернемся к книге. По мере повышения производительности вычислительных машин их размеры и стоимость непрерывно уменьшаются. Благодаря созданию интегральных схем, объединяющих на одной пластинке 40 тыс. транзисторов, этих электронных ячеек информации, удастся создать карманные миникомпьютеры. А за ними следует четвертое поколение ЭВМ, их основу составляют кремниевые пластинки, в которые впечатано уже 100 тыс. транзисторов (на площади размером менее 1 кв. мм).

Человеческий мозг состоит из нейронов, бинарных клеток, число которых достигает более 10 млрд. Чтобы иметь аналогичное количество функциональных ячеек, ламповая ЭВМ 50-х годов должна была бы быть равной Парижу. В 60-х годах «мозг» такого компьютера приближался бы по габаритам к зданию Парижской оперы. При интегральных схемах 70-х годов он уменьшается до размеров автобуса, а затем телевизора. В 1978 г. его величина не превышала бы величины пишущей машинки. А в 80-х годах (с использованием микропроцессоров) он станет меньше человеческого мозга.

Разумеется, никакая машина не способна соревноваться с мозгом, ее «творческие возможности» и «воображение» по неизбежности находятся в рамках заложенной в нее информации. Но «трудящиеся» в ней электроны, которые перемещаются со скоростью, близкой к световой (300 тыс. км/с), способны выполнять для человека гигантскую вспомогательную работу. Если же их соединяют с производственными механизмами, то созданные таким образом роботы способны трудиться уже и за человека.

Увлеченный открывающейся перспективой, Серван-Шрайбер пишет, что, умножая число взаимодействующих микропроцессоров, можно создавать такие роботы, какие только потребуются для исполнения функций, возлагавшихся до сих пор на рабочих. Мы покидаем эру

«линейного роста» ЭВМ (т. е. увеличения их в простой прогрессии) и вступаем в эру их «экспоненциального роста» (т. е. в сложной прогрессии). А замена рабочей силы микропроцессорами, пишет он, означает *изменение существующего экономического и социального порядка*¹⁷.

В чем суть этих изменений? Введение микропроцессоров в любую производственную технику, т. е. превращение ее в робототехнику, позволяет производить продукцию быстрее, лучшего качества и дешевле. Так, производительность и рентабельность японского автозавода компании «Тоёта», оснащенного роботами, во много раз выше, чем других автозаводов. Это верно и в отношении других секторов промышленности.

Внедрение микропроцессоров завершит переворот в конторской и управленческой технике: уже появляются самокорректирующиеся пишущие машинки без клавиатуры, аппараты с программным управлением, способные размножать тексты, миниатюрные ЭВМ для хранения текущей информации, телефонные аппараты с телеэкраном для автоматической передачи и приема сообщений и т. д. Компьютеры и взаимодействующие с ними механизмы (кстати, соединение различного оборудования с миникомпьютерами получило уже и свое название — «мекатроника») найдут широкое применение в быту и будут использоваться каждой семьей. Роботы избавят женщину от тяжелой и неблагодарной работы, помогут образцовому ведению домашнего хозяйства.

Соединение информатики со средствами дальней связи позволит снять или по меньшей мере свести к минимуму проблемы, связанные с необходимостью преодолевать расстояние. Энергия, затрачиваемая на транспортировку людей, а во многих случаях и имущества, в значительной мере будет сэкономлена передачей сообщений. Сегодня в Токио, пишет Серван-Шрайбер, часто на конференции собирают не самих людей, а их «образы» и «голоса». Сидя по домам, специалисты ведут между собой коллективные дискуссии¹⁸.

А какие чудеса по части удобств, самообразования и даже политического участия обещает внедрение информатики в быт! Ваш телевизор подключен к всеведущему электронному мозгу и имеет с ним обратную связь. Захотелось вам посмотреть какой-то фильм или театральную постановку — только передайте послушному ящику это пожелание. Решили обновить свои познания в математике — пожалуйста, на экране поползли формулы. Поспо-

рили с домашними на предмет, когда пала Восточная Римская империя — милости просим, в 1453 г. Потом вас пригласили поучаствовать в собрании общины, затем высказать свое мнение по актуальным проблемам, не выходя из дома проголосовать на выборах...

Обучение на всех стадиях — дошкольной, школьной, институтской — модифицируется радикально. Классическая система, основанная на занятиях в учебном помещении и с личным участием преподавателя, будет заменена программированным обучением, проводимым с помощью целиком информатизированной системы и принимающим все более индивидуальный характер. Нечто подобное произойдет и в медицине: врачи смогут осматривать заболевших и ставить диагнозы на расстоянии, будут переадресовывать инструкции по лечению специально запрограммированным для этой цели компьютерам; сами эскулапы смогут «появляться на сцене» только в исключительных случаях¹⁹.

Здесь Серван-Шрайбер, как бы предупреждая возникшее у читателя чувство беспокойства, задает сам себе «единственный вопрос, действительно имеющий значение»: что же будет с человеком, не случится ли так, что информатика сведет его роль к нулю? Все за него станут делать роботы, он окажется бесполезным и даже вредным²⁰.

Вопрос о созданном разумом Големе, который убьет своего творца, не нов. Можно сказать, что ему посвящена добрая половина всей научной фантастики. И не только фантастики. Взаимоотношения человека с машиной, как и с природой, относятся к числу фундаментальных мировоззренческих проблем, и философия серьезно занимается ими по меньшей мере два столетия.

Как же отвечает на этот вопрос Серван-Шрайбер? Он категорически отвергает страх перед машиной, утверждая, что, чем больше будет микропроцессоров и средств дальней связи, тем более необходимым станет «человеческий вклад». Ни одна самая маленькая ячейка, ни одно ядрышко во всей этой системе, которой суждено стать универсальной, не сможет функционировать без множества людей. Они будут «составлять, формулировать, выдумывать, чертить, распределять между собой обязанности «программируемой» окружающей среды, которая сама может укорениться только во все более развитом, мыслящем, творчески одаренном социальном организме»²¹. Ну и, возвращаясь к исходной теме «Север—Юг», информатизация приведет к тому, что уро-

женцы того и другого будут выполнять однотипную работу, уровни жизни разных народов постепенно станут сопоставимыми. Что и требовалось доказать.

Настала пора поразмыслить над той «информатической перспективой», которую столь красочно живописует Серван-Шрайбер. Прежде всего следует отделить содержащиеся в его повествовании здравые суждения от заблуждений, истину, продиктованную человеческим чувством, от подлога, подсказанного классовым чутьем.

Автор прав, подчеркивая эпохальное значение создания информационной техники — ЭВМ, микропроцессоров и т. п. Хвала тем, кто их придумал! Пусть они творят новые, еще более расторопные поколения роботов, способных стать верными помощниками и друзьями человека на его тернистом пути к самовыражению и всестороннему развитию.

В принципе Серван-Шрайбер прав и тогда, когда призывает не бояться машин. Но здесь уже не обойтись без оговорок. Во-первых, не фетишизируя технику и не «робея» перед роботами, следует все-таки сохранять в отношениях с ними необходимую бдительность. Уже не только сочинения фантастов (особенно так называемые романы-предупреждения или антиутопии), но и практика НТР показала, что слишком поспешное, непродуманное внедрение тех или иных технических нововведений способно обернуться ущербом для физического и нравственного здоровья человека. Поэтому важно, чтобы процесс этот, в целом положительный, был поставлен под должный общественный контроль, чтобы решения принимались с учетом всех вероятных последствий и «факторов риска».

Можно не сомневаться, например, что читателей покоробит мысль о возможности для больного обходиться без непосредственной встречи с врачом. Не потому, что мы обскуранты и не хотим приобрести удобного домашнего санитара в лице робота с «медицинским образованием». А потому, что никакой робот не заменит психотерапии, являющейся одним из важнейших компонентов медицины.

Кажутся неумеренными восторги Серван-Шрайбера по поводу «информатизированной системы образования». Получить знания от электронного мозга можно, кичиться здесь нечего. Но вот можно ли с его помощью и без постоянного общения с учителем стать человеком — это сомнительно. А разве развитие индивидуального обучения при всех его вероятных плюсах не влечет за собой

ощутимых потерь, и прежде всего хилость коллективистского сознания, которое возникает и крепнет как раз в ученические или студенческие годы.

Не следует думать, что мы против новейших методов обучения, лечения и т. п. Просто речь идет о разумной мере введения техники в очень деликатные и легкоранимые ткани человеческого бытия²².

Теперь о социальной стороне дела. Роботы не угрожают благополучию людей, если они не вытесняют человека из процесса производства, лишая его тем самым главного условия жизнедеятельности — возможности трудиться. До сих пор в условиях капитализма всякий крупный этап в развитии машинной техники углублял и обострял проблему трудоустройства. С этим явлением по-своему боролись еще луддиты, с ним то и дело вынужден вступать в борьбу современный рабочий класс несоциалистической части мира. Где гарантии, что информатизация не повлечет за собой катастрофических последствий по этой части? Ведь если даже «информатизированное общество» сумеет щедро обеспечить людей всем, кроме работы, то человеку будет угрожать гибель от сытого безделья.

Тут Серван-Шрайбер вправе нас остановить. Действительно, как уже отмечалось, он утверждает, что распространение микропроцессоров будет сопровождаться гигантским ростом потребности в рабочей силе. Эта мысль составляет, можно сказать, его козырную карту, он возвращается к ней вновь и вновь в разных разделах своей книги, так что приходится немало потрудиться, чтобы собрать приводимые аргументы «до кучи».

Представим, что у нас есть возможность обменяться с автором своими сомнениями.

Вопрос. Почему информатика потребует все больше людей?

Ответ (со ссылкой на заключение группы японских экспертов). «Широкое использование микропроцессоров не отражается сколько-нибудь отрицательным образом на положении с занятостью... Напротив, мы являемся свидетелями все более быстрого роста числа новых должностей и предложений работы, обусловленных присущим микропроцессорам свойством умножать количество потребных для них людей»²³.

Вопрос. Нельзя ли пояснить конкретней?

Ответ (со ссылкой на президента «Европейского научно-исследовательского комитета» А. Данзена). Технология информатики имеет способность вызывать пре-

образования в области сельского хозяйства, использующего под ее влиянием более рациональные методы агротехники; в области промышленности, возможности которой она значительно повышает; в области услуг, развитие и умножение которых она ускоряет²⁴.

Вопрос. Если так, почему США и другие развитые капиталистические страны не покончили с безработицей?

Ответа нет.

Вопрос. Каким образом будет распределяться вызываемая информатикой дополнительная потребность в рабочей силе?

Ответ (со ссылкой на А. Данзена). Она сказывается во всех сферах, например делает необходимым увеличение услуг административного, коммерческого, финансового, технического порядка... В период с 1970 по 1980 г. общее число людей, работающих в области информации, превысило число тех, кто занят на чисто сельскохозяйственных работах, в промышленности или в сфере услуг²⁵.

Вопрос. Не отождествляете ли вы область информации со сферой науки и техники или даже вообще интеллектуального труда? Если сюда добавить еще и отрасли промышленности, так или иначе связанные с электроникой, получится и вовсе преобладающий перевес.

Молчание.

Вопрос. А какова, по вашему мнению, перспектива?

Ответ (со ссылкой на рабочий документ, принятый в Японии). «Возникла категорическая необходимость перейти от общества индустриального, соответствовавшего старым способам развития, к информатизированному обществу во всем механизме производства материальных благ»²⁶.

Вопрос. Как бы вы лаконично определили этот процесс?

Ответ. Деиндустриализация²⁷.

Вопрос. Следует ли понимать это так, что промышленные предприятия, шахты, рудники, электростанции и т. д. будут ликвидироваться?

Недоумение. Молчание.

Вопрос. Конечно, трудно предположить, чтобы всерьез вынашивалась подобная абсурдная мысль. Значит, правильней было бы говорить не о деиндустриализации, а об интеллектуализации производства и труда, т. е. переходе на следующую, более высокую стадию НТР, не отрицающую достижений предыдущей стадии, но преодо-

левающую ее негативные моменты. Ну а как с «третьим миром»?

Ответ (со ссылкой на японский документ). «Настоятельная необходимость перейти от индустриальной фазы общественного развития к фазе информатической отныне заявляет о себе повсюду, независимо от уровня индустриализации, от степени развития и от богатства того или иного общества, той или иной нации. Переход от старого способа развития и производства к новому необходим повсюду и в одно и то же время»²⁸.

Вопрос. Но если «третий мир», махнув рукой на индустриализацию, немедленно сосредоточит все свои усилия и ресурсы на внедрении микропроцессоров, кто будет снабжать его металлом, углем, цементом, не говоря уж о продовольствии, для производства которого нужны удобрения, тракторы, инсектициды и т. д.? Из микропроцессоров, как они ни всемогущи, дома ведь не сложишь, да и в пищу они не годятся.

Ответ нет.

Вопрос. К тому же, если немедленно начать повсеместный переход к деиндустриализации, кто будет добывать нефть и откуда возьмутся нефтедоллары, чтобы заплатить за развитие «третьего мира», т. е. начать деиндустриализацию?

Ответ нет.

Вопрос. А какими будут общественные отношения в информатизированном обществе?

Ответ. Об этом уже говорилось: все люди получают возможность раскрыть свои способности.

Вопрос. Сохранится ли частная собственность?

Прямого ответа нет. Есть косвенный намек: требуется более широкое вмешательство государства, поскольку одни частные компании собственными средствами не смогут обеспечить развитие новой технологии²⁹.

Вопрос. Кто будет проводить в жизнь эти мероприятия?

Ответ нет.

Поистине, если бы существовала небесная канцелярия по рассмотрению проектов будущего и Серван-Шрайбер представил туда свой «Всемирный вызов», ответственный за это дело архангел начертал бы в углу резолюцию: «Вернуть на доработку».

Основываясь на ответах и на «умолчаниях», можно сделать некоторые выводы. Схема будущего, которую наш автор пытается выдать за оригинальную, представляет собой прямое повторение концепции постиндустри-

ального общества Д. Белла, о которой у нас много писалось. А если вспомнить еще «технотронную эру» З. Бжезинского, то и вовсе ничего нового не останется. Причем дело не только в совпадении названий: проект Серван-Шрайбера по всем параметрам повторяет предрассудки и заблуждения, заложенные в буржуазных техноидиллиях 15-летней давности.

Больше того, в некоторых отношениях французский футуролог пошел даже вспять. Белл хотя бы не игнорировал полностью реальную расстановку классовых сил в современном обществе, пытался сконструировать некую причудливую общественную форму, способную совместить социальный интерес с частной собственностью, гармоничный порядок с господством денежного мешка. А Серван-Шрайбер делает вид, якобы этой проблемы вовсе не существует. Вдобавок он всерьез пытается уверить читателей, будто монархи иных нефтедобывающих стран и японские монополии (об этом речь пойдет ниже) являются чуть ли не основной движущей силой революционного преобразования общества.

Уступает «информатизированное общество» «постиндустриальному» и в чисто техническом плане. Создание вычислительной техники, бесспорно, великий, но далеко не единственный подвиг НТР. Разве менее замечательны и многообещающи в смысле вероятных социальных последствий такие ее направления, как ядерная энергетика, генная инженерия, искусственные материалы? С не меньшим основанием можно объявить будущее общество «генетизированным» или «химизированным». И конечно, подход Белла отличался большей широтой: он принимал за рычаг преобразования общества не какую-то одну сферу науки и техники, а всю их совокупность как интеллектуальную деятельность человека.

Справедливости ради надо сказать, что есть одно преимущество и у Серван-Шрайбера: более острая постановка проблемы слаборазвитости, призыв к объединению сил для ее решения. И только. Метод, который предлагается во «Всемирном вызове», нельзя назвать иначе как утопическим.

Серван-Шрайбер объявляет, что переход к информатизированному обществу — это и есть социальная революция³⁰. Действительно, если принять за аксиому социальные последствия информатизации, как они описаны в книге, получается картина, близкая к идеалу. Она... «позволит развернуться способностям индивида во всех его естественных проявлениях... Сама природа

информатизированного общества покоится на полном использовании способностей каждого в соответствии с его собственными склонностями»³¹.

Серван-Шрайбер отсчитывает историю информатики от Паскаля и Лейбница, которые могут считаться родоначальниками вычислительной техники. Если б он удосужился прочитать К. Маркса, то мог бы сослаться и на его авторитет. Именно основоположнику марксизма принадлежит мысль о неизбежной в будущем механизации и автоматизации производства, которая позволит высвободить творческую энергию человека, создать оптимальные условия для всестороннего развития и приложения его способностей. Эта идея получила глубокую разработку в документах КПСС, в марксистской научной литературе; она положена в основу планов развития СССР и других социалистических государств и последовательно реализуется на практике.

Но использование щедрот научно-технической революции в интересах всех людей и народов требует в качестве обязательной предпосылки революционное преобразование капитализма в социализм. А Серван-Шрайбер рассчитывает возвести новое общество на старом основании. Это нонсенс. Здесь, однако, еще рано ставить точку.

Мы рассмотрели лишь экономическую и социологическую стороны проекта Парижской группы в изложении Серван-Шрайбера. Между тем у него есть и политический или, скорее, внешнеполитический, международный аспект. Суть его в том, что заглавную роль в распространении информатики и, следовательно, становлении нового международного экономического и социального порядка призвана сыграть Япония.

В 1945 г. национальный доход на душу населения в Японии, лежавшей в развалинах, составлял 20 долл. К 1956 г. он вырос до 300 долл., к 1967 г. — до 1000, а в настоящее время достиг 12 000 долл., уступая лишь национальному доходу Швейцарии и Кувейта. Причем такой внушительный рост достигнут несмотря на то, что страна небогата природными ресурсами и вынуждена ввозить почти всю потребляемую ею нефть и другое сырье. По словам Серван-Шрайбера, европейские и американские экономисты пытаются объяснить «японский феномен» низким уровнем зарплаты трудящихся, отсутствием социального обеспечения, суровостью мер по борьбе с прогулами, умением быстро использовать то, что изобрели другие, и т. д. Он отвергает эти доводы

и заявляет, что в основе всех японских достижений лежит способность к творческому мышлению. А поскольку такая способность не составляет некоего исключительного качества, присущего только одной нации, надо пробудить ее повсюду — и дело с концом³².

Япония в последние годы занимает ведущее место в капиталистическом мире по внедрению микропроцессоров и робототехники. Из 60 тыс. роботов, насчитывающихся в мире, 47 тыс. действуют на японских предприятиях. В 1980 г. она вытеснила США с первого места по производству автомобилей и экспортирует половину их. Японские компании по производству часов вытесняют с мировых рынков продукцию Швейцарии, которая не знала конкурентов на этом поприще испокон веков. «Сони», «Саньо» и другие фирмы, производящие телевизоры, магнитофоны, различную электронную технику, берут верх над могущественной американской компанией ИБМ и прочими капиталистическими конкурентами.

Торговая экспансия Японии вызывает растущее противодействие США и других крупных империалистических государств. Хозяев ее промышленности, пишет Серван-Шрайбер, начинает пугать узость международного рынка: зачем производить товары, если их некуда будет девать? И вслед за западногерманским экономистом Г. Гиршем ратует за то, чтобы Япония инвестировала накопленные за счет экспорта валютные запасы в создание предприятий в других странах, получала новые прибыли и вновь их реинвестировала и т. д. Цель — осуществить «глобальный подъем мировой экономики посредством создания новых видов экономической деятельности»³³.

И последний момент. Выше мы выразили сомнение в том, что информатика сама по себе обеспечит полную занятость. А вот в Японии, с торжеством сообщает Серван-Шрайбер, нет безработицы. Многие ее заводы (например, «Хондю» и «Тоёта») переводятся на автоматику, а рабочие тем временем переучиваются, и спрос на них даже растет³⁴.

Пожалуй, этот факт и должен послужить отправной точкой для нашего комментария. Одна из своеобразных особенностей Серван-Шрайбера как политического писателя заключается в том, что, увлекшись каким-нибудь поразившим его воображение фактом, он не только упускает из виду общий фон событий, но и забывает, что утверждал несколькими страницами выше. В самом

деле, как можно было не заметить бросающуюся в глаза связь между победоносным наступлением Японии на своих империалистических конкурентов и спросом на рабочую силу? Разве не очевидно, что если б ей не удалось более или менее успешно сбывать свою промышленную продукцию, то неизбежным следствием стали бы спад производства, закрытие предприятий, увольнения — словом, то, что как раз происходит сейчас едва ли не во всем остальном капиталистическом мире.

Отсюда простой вывод, что нынешняя занятость не следствие внедрения микропроцессоров, а результат благоприятной для Японии экономической конъюнктуры.

Конечно, Серван-Шрайбер мог бы возразить, что сама эта конъюнктура не есть дело рук божьих, она подготовлена тем, что благодаря внедрению тех же микропроцессоров и других технических новшеств японская продукция лучше и дешевле, чем товары других капиталистических стран. Но все это не постоянная величина, ибо, сталкиваясь с превосходящим соперником, монополии США, ФРГ и других стран будут стремиться модернизировать свое производство, и в конечном счете кто-то из них преуспеет. Таков закон конкуренции, и автору, право, не мешало бы знать азбучные истины экономической теории и практики.

Продолжая рассуждение, нетрудно прийти к выводу, что тезис об универсальном значении японского опыта и, следовательно, возможности его повсеместного распространения повисает в воздухе. Не могут все страны сразу стать Япониями, ибо для этого каждой надо не только обзавестись микропроцессорами, но и суметь потеснить на мировом рынке своих конкурентов. Изменить такое положение можно только одним путем — преобразовав капитализм в социализм, утвердив социалистические принципы в международных отношениях.

Кстати, 15 лет назад в книге «Американский вызов» Серван-Шрайбер совершил ту же ошибку: он утверждал, что Америка показывает пример всему миру и стоит только перенять американскую систему энергичного менеджеризма, чтобы достигнуть благоденствия. Любопытно, что американский пример рекламировался тогда почти в тех же выражениях, что сегодня японский. Автор утверждал: США побеждают Западную Европу, ибо «ведут с ней войну не с помощью ударов долларами, нефтью, тоннами стали, не даже современными машинами, а ударами творческого воображения и организаторского таланта»³⁵.

Вроде бы придаться не к чему: американская деловитость — качество весьма положительное. За освоение системы Тейлора, очищенной от негативных аспектов, выступал в свое время В. И. Ленин. Но понятно, что никакой менеджериизм сам по себе не может поднять все страны на уровень США, ибо этот уровень основан на постоянном ограблении ресурсов многих других стран. Американец сегодня потребляет энергии в 6 раз больше, чем средний житель остальной части мира. Если б все стали потреблять столько, разразилась бы неминуемая экологическая катастрофа ³⁶.

Создается впечатление, что Серван-Шрайбер привык «равняться на лидера» капиталистического мира, на самого в данный момент преуспевающего. Вчера это были США, сегодня — Япония. Чей «вызов» будет объявлен универсальным средством спасения завтра?

Все это ни в коей мере не означает принижения приметных инженерно-технических и производственно-организаторских достижений японского народа. В его опыте многое заслуживает внимательного изучения и заимствования. Что касается причин, позволивших японским монополиям вырваться вперед и оспаривать у США ведущую роль в капиталистической экономике, то это вопрос особый. Ограничимся замечанием, что следует не сбрасывать со счетов тех объяснений, которые Серван-Шрайбер отменяет как штампы, и добавить к ним такой фактор: отсутствие у Японии (по крайней мере до последнего времени) больших военных расходов. Кроме того, первенство на мировых рынках и высокий национальный доход отнюдь не гарантируют социальной гармонии. Об этом свидетельствует борьба трудящихся Японии за свои жизненные права и интересы, не уступающая по накалу классовым битвам в других странах капитала. Причем среди основных целей этой борьбы значится и право на труд.

Да, да, вопреки утверждениям Серван-Шрайбера количество безработных в Японии достигло в 1981 г. рекордной цифры — 1 260 тыс. человек. Конечно, это не так много, если сравнить с 8 млн. безработных американцев. Но вполне достаточно, чтобы признать битым главный «козырь» автора. У японских рабочих свое, весьма далекое от панегирика мнение о микропроцессорах. Вот как оно выражено в резолюции съезда профсоюзов электротехнической промышленности Японии: «Мы призываем всех быть готовыми к новым условиям борьбы за свои жизненные интересы перед лицом надви-

гающейся опасности — дальнейшей роботизации производства»³⁷.

Лаконично выразить смысл сочинения Серван Шрайбера можно так: это очередная попытка найти силу, которая могла бы сохранить освободившиеся страны в орбите капитализма, помешать их переходу на путь социалистического развития, — попытка, заранее обреченная на неудачу, ибо автор намеренно закрывает глаза на реалии эпохи. Он игнорирует не только социальный аспект пути в будущее, но и острейшую проблему войны и мира, без учета которой любые проекты (прогрессивные ли, реакционные — неважно) превращаются в утопию.

«Всемирный вызов» явно рассчитан на сенсацию. Но с таким манифестом Парижская группа не может отобрать аудиторию у гораздо более солидного в научном и политическом отношении Римского клуба. И уж наверняка не откликнется на «вызов Серван-Шрайбера» то самое обездоленное большинство человечества, которое он обещает осчастливить с помощью нефтедолларов и информатики. Да он ведь к нему и не обращается, возлагая свои упования на королей и миллиардеров.

При всем том книга позволяет засвидетельствовать, что буржуазно-либеральная мысль по-прежнему не в состоянии вырваться из круга техноидиллий, распрощаться с надеждой обмануть историю, подменив назревшие социальные преобразования научно-техническим прогрессом. И пожалуй, самое в ней любопытное — признаки смены вех в капиталистическом мире. США еще далеко не утратили своего могущества, а прозорливые конформисты уже начинают покидать бывшего идола и преклонять колено перед новым.

...Серван-Шрайбер взял эпиграфом к книге «Американский вызов» поучение из китайского эпоса «Гуань-цзы»:

Если ты дашь человеку рыбу,
Он насытится один раз.
Если ты научишь его удить,
Он будет сыт всю жизнь.

Что ж, древняя мудрость вполне применима и к сегодняшнему дню, только вот ждать, пока американский, или японский, или какой-нибудь еще империализм подарит страждущему человечеству искомую «удочку», — дело безнадежное. Тут ему надо рассчитывать на собственные руки и воображение.

**К. Жюльен и С. Ниригг:
голоса тревоги**

В то время как буржуазная пропаганда изо всех сил тщится изобразить политическую и экономическую систему капитализма «венцом» демократии и прогресса, а заодно представить социализм «средоточием зла», непредвзято мыслящие западные ученые и публицисты подвергают беспощадной критике современное буржуазное общество и бьют тревогу по поводу опасностей, ожидающих его в будущем. Эта критика страдает существенным недостатком — отсутствием конечных выводов, представляет собой обвинительное заключение без приговора, обличение порока без четкого указания на способ борьбы с ним. Но при всем этом значения ее невозможно переоценить. Не будучи марксистами, прогрессивные теоретики своими наблюдениями и аргументами подводят к идее о неизбежности падения капитализма под грузом терзающих его противоречий.

Одним из наиболее заметных произведений этого направления явилась книга французского журналиста, редактора парижской газеты «Монд дипломатик» Клода Жюльена «Самоубийство демократии»¹. Автора ее отнюдь нельзя заподозрить в безразличии к судьбе капитализма. Напротив, книга написана с позиций человека, заинтересованного в спасении системы, пороки которой он обличает. Но может быть, именно поэтому его свидетельство приобретает особую ценность: оно весьма предметно обнаруживает, насколько искусственны попытки апологетов буржуазной демократии, с одной стороны, укрыть от общественного мнения ее глубоко кризисное состояние, а с другой — приписать капитализму те реальные достижения, которые по праву могут и должны быть отнесены к результатам творчества народных масс, их борьбы за свои насущные права.

Может быть, самая примечательная особенность книги Жюльена, как и всего представляемого им направления, заключается в самом подходе к проблемам демократии. В отличие от огромного потока теоретической, псев-

дотеоретической и просто примитивно пропагандистской западной литературы, в которой тема демократии сводится к плюрализму, всеобщему избирательному праву, организации парламентских учреждений и другим политическим институтам, редактор газеты «Монд» сосредоточивает внимание прежде всего на том, что составляет фундамент реальной демократии, — на вопросах социального равенства, справедливого распределения национального дохода, меры участия различных классов и слоев населения в решении государственных дел, определения целей экономического и социального развития, междоусобиц и междоусобиц отношений и т. д.

И в объемных монографических трудах, и в многочисленных журнальных статьях, выступлениях западных радиокомментаторов и обозревателей можно найти немало критических высказываний по тем или иным сторонам жизни современного капиталистического общества. В книге Жюльена весь этот критический материал собран воедино и приведен в систему. Именно поэтому автор уже не мог ставить диагноз относительно частных недугов капитализма, поддающихся лечению с помощью сильнодействующих социальных медикаментов, на худой конец — хирургического вмешательства. Его диагноз, вынесенный в заглавие, проникнут ощущением безысходности: самоубийство буржуазных демократий.

Чем обосновывается этот вывод? Значительная часть книги посвящена показу несовместимости понятия «демократия» с вопиющим социальным неравенством, существующим в современном капиталистическом мире. Причем разрыв между массой людей, занятых в сфере наемного труда, и монополиями, крупными частными собственниками, всеми, кто прямо или косвенно участвует в дележе прибылей, извлекаемых за счет эксплуатации трудящихся, не только не обнаруживает тенденции к сокращению, но, напротив, постоянно растет.

Известно, что буржуазная пропаганда использует в качестве своей козырной карты относительно высокий уровень жизни основной массы населения в развитых капиталистических странах. Не говоря уж о том, что это благосостояние в значительной мере достигается путем неокOLONиального грабежа развивающихся стран и сочетается с нищетой и голодом на периферии империализма, оно ни в коей мере не снимает проблемы социального неравенства. Ссылаясь на известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, автор подчеркивает, что люди бедны и в том случае, если их доход, обеспечивая воз-

мжность выживания, существенно ниже дохода их сограждан и не позволяет иметь того, что рассматривается в данном обществе как достаточный прожиточный минимум².

Характерно и распределение бедности в соответствии с расовой и национальной принадлежностью. Так, в США в 1969 г. официально отнесенных к бедным белых было 10% белого населения. В то же время негры, индейцы, пуэрториканцы, включенные в эту категорию, составляли 31% всего небелого населения богатейшей страны капиталистического мира. По сравнению с данными, которыми располагал Жюльен, положение почти не изменилось за истекшие полтора десятилетия. В 1982 г., согласно американской статистике, ниже черты бедности живут все те же 25 млн. человек. Подавляющее большинство их приходится на национальные меньшинства. В стране было 30 млн. полностью или частично безработных, в том числе 75% молодых американцев африканского, мексиканского и пуэрто-риканского происхождения 4 млн. людей не имели крова.

Много места отводится в книге анализу неизбежных «попутчиков» бедности — ограниченных возможностей получить образование, необходимости заниматься наиболее тяжелыми видами трудовой деятельности, приниженого положения в обществе, неуверенности в завтрашнем дне. На слое неимущих и малоимущих особенно тяжело сказываются последствия кризисных явлений, принявших в последнее время хронический характер (спады производства, безработица, инфляция). Им, понятно, грозит не разорение, а пауперизация.

Могут ли система и режим, спрашивает Жюльен, называться демократическими, когда они терпят такое вопиющее неравенство, такую бедность, соседствующую с роскошью³.

Следующая группа вопросов, рассматриваемая в книге, связана с отрицательными последствиями бесплановой, анархической организации производства и потребления. Хотя автор и не прибегает к марксистским характеристикам капиталистической экономики, он ведет речь по существу именно об этом, толкуя, например, об уродствах бесконтрольного скопления людей в гигантских мегаполисах, снижающего качество жизни, порождающего катаклизмы в экономическом развитии и парализующего политическую жизнь⁴.

Урбанизация по-капиталистически является еще одним источником социального неравенства. Даже в на-

ибо более «благоустроенной» в этом отношении стране — Соединенных Штатах насчитывалось 4 128 тыс. жилищ без водопровода, 1 млн. — без отопления, почти 7 млн. — без ванны или душа⁵. И все это в городской зоне, в основном в районах проживания социальных низов или сегрегированных национальных меньшинств⁶.

Кто виновник бедствий, порождаемых подобной урбанизацией, равно как и расточительного отношения к человеческим и природным ресурсам? Это — частные фирмы, находящие нормальным извлекать прибыль из индустриального процесса, игнорируя общие интересы, отравляя реки, озера и моря⁷. Профсоюзы, отмечает Жюльен, длительное время боровшиеся за более высокий уровень жизни, по необходимости пришли к пониманию той истины, что одного повышения заработка недостаточно. Они требуют теперь также улучшения качества жизни, которое может быть достигнуто только путем уменьшения интенсивности труда, более гуманных условий работы, сокращения рабочего времени и увеличения досуга, улучшения бытовых условий и транспортных услуг⁸.

Не меньший интерес представляют страницы книги, где дается развернутая критика политической системы современного капитализма. В противовес буржуазной пропаганде, выдающей избирательную систему буржуазно-демократических государств за образцовый механизм выражения народной воли, автор показывает, что принцип народного представительства подрывается и в значительной мере сводится на нет пассивностью значительной части граждан. В 1968 г. в США из 120 млн. избирателей немногим более 73 млн. голосовали на президентских выборах — иными словами, 47 млн. американцев, или 39% избирательного корпуса, молчаливо отреклись от своих гражданских прав. В западноевропейских странах число воздерживающихся от голосования составляет около 20%⁹.

В результате, например, Р. Никсон вошел в Белый дом, собрав 43,4% всех голосов (т. е. при поддержке 26% граждан избирательного возраста), а исход референдума 1972 г. о вступлении Великобритании в «Общий рынок», во время которого «за» было подано 67,7% голосов, завершился волеизъявлением всего лишь 36,11% зарегистрированных избирателей¹⁰.

В чем причина абсентеизма? Граждане не питают надежд на выполнение будущими депутатами парламентов своих предвыборных обязательств, да и выбирать

им приходится из того, что навязывают партии. «Процесс выборов не является актом, с помощью которого граждане выражают свою волю и дают своим представителям императивный мандат. По существу это негативный акт, посредством которого избиратели, вместо того чтобы поддерживать конструктивную программу, выбирают меньшее зло; он становится средством остановить силы консерватизма, или прогресса, или коммунизма»¹¹.

По выражению Жюльена, «развод» между народом и политическими институтами проявляется не только в равнодушии либо молчаливом протесте тех секторов общества, которые знают заранее, что у них нет шансов повлиять на механизм власти. Он проявляется также в разгуле экстремизма, похищениях политических деятелей, убийствах (Джон и Роберт Кеннеди, Мартин Лютер Кинг и профсоюзные лидеры в Соединенных Штатах, Пьер Лапорт в Канаде и т. д.), провокациях и угрозах, сопровождаемых взрывами бомб в Италии, Англии, Ирландии, Франции, Западной Германии¹².

«Можно иронизировать, — пишет он, — относительно стран, где всеобщие выборы дают правительству большинство в пределах 99%. С другой стороны, утверждать, будто демократия уважаема в странах, где выборы приводят к небольшому перевесу, более или менее необходимому для управления. Но в таких странах давно нашли методы использовать всеобщее избирательное право, не предоставляя избирателям шанса сделать действительно выбор»¹³. Далее приводятся многочисленные примеры того, как ловкая постановка вопроса, выносимого на референдум, или, напротив, замалчивание существа дела позволяют буржуазным политикам получить «согласие» на проведение политического курса, о котором избиратель не имел и понятия. К этому добавляется завоевание голосов с помощью различных махинаций вплоть до прямого подкупа. Подсчитав, сколько миллионов долларов было истрачено отдельными политическими деятелями, чтобы занять пост губернатора или конгрессмена в Соединенных Штатах, автор заключает: «Смешно говорить о демократии, когда деньги открывают двери к власти, которая, в свою очередь, дает шанс делать еще большие деньги»¹⁴.

Рассматривая различные стороны политической системы капитализма, Жюльен обращает внимание на то, что за антидемократическими проявлениями стоит в конечном счете корыстный расчет частных собственников,

делающих свой бизнес вопреки принципам справедливости, интересам общества и своих сограждан. Гигантско-монополии диктуют направление инвестиций, озабоченные прежде всего извлечением прибыли, игнорируя то, что результатом нерационального приложения капиталов становятся увеличение несправедливости, неравенства, дегуманизация труда, растущая социальная напряженность.

От этой ненасытной жажды наживы рождаются и такие опасные антиобщественные явления, как свободная торговля, даже навязывание потребителю оружия. Между 1960 и 1969 гг. количество ручного оружия, проданного на американском рынке, увеличилось с 2 163 тыс. в год до 6 180 тыс. Производители и торговцы оружием получили гигантские доходы, вооружив почти 45 млн. американцев. Результат — все больший рост преступности.

Впрочем, насилие имеет источником не только, так сказать, «частную инициативу». Оно порождается прежде всего стремлением власть и деньги имущих сохранить и защитить свои привилегии. Это делается с помощью обмана общественности безответственной прессой, которая выдает публике ежедневно дозу антикоммунизма, приобрела репутацию «охотника за ведьмами», создает климат подозрительности и страха.

Рука об руку с желтой прессой работает карательный аппарат буржуазного государства, причем каждый его шаг формально обосновывается необходимостью борьбы против подрывной деятельности. С помощью искусно состряпанных дел возбуждается антикоммунистическая истерия, имеющая целью укрепление позиций реакции. Автор напоминает об американцах, которые выступали за мир и были обвинены в намерении... взорвать Пентагон; о том, что народное волнение в мае 1968 г. французские власти пытались объяснить подстрекательством юных парижан на ведение партизанской и гражданской войны со стороны... Кубы; о том, как реакционная пресса оправдывала фашиствующих убийц в Италии, относя их жертвы на счет «смутьянов» из числа левых. Он приводит заявление министра внутренних дел Западной Германии, призывающего бороться во всех сферах общественной жизни, включая образование, против присутствия коммунистов. «По всему Западу, — подчеркивается в книге, — любой человек, выражающий недовольство, немедленно объявляется потенциальным преступником или иностранным агентом»¹⁵.

Читатель, очевидно, заметил, что большинство примеров, приводимых Жюльеном, относится к Соединенным Штатам Америки. И это не случайно, ибо «наиболее серьезные нарушения демократии совершаются именно здесь»¹⁶, — пишет он. Этот вывод опровергает тех апологетов капитализма, которые утверждают, что якобы дальнейшее развитие буржуазного строя приведет если не к исчезновению, то по крайней мере к смягчению его пороков.

Действительно, США — самая экономически развитая капиталистическая страна, во многом опередившая другие страны Запада. Буржуазная политология почти единодушна: то, что уже есть в США, хорошее и дурное, через какой-то промежуток времени станет нормой и для других буржуазных демократий, идущих по стопам своего лидера. И вот как относится к этой перспективе французский автор: «Если в Соединенных Штатах с годовым доходом на душу населения в 3 раза большим, чем в Европе, развитие ликвидировало бы бедность, социальную несправедливость и эксплуатацию определенных категорий рабочих, то был бы велик соблазн следовать их примеру. Но опыт этой страны, вступившей в век технологии и потребления раньше Европы, разрушает все иллюзии: развитие не позволило избавиться от бедности; скорее был поднят уровень жизни, чем улучшено ее качество; увеличилось количество видов труда, которые теряют всякий человеческий интерес; гигантским образом расширилась необитаемая сфера окружения городов; наконец, Соединенные Штаты побили все рекорды отравления среды. Чтобы достичь всего этого, они должны были мобилизовать все ресурсы своей безграничной империи, направить вовнутрь гигантские средства, извлекаемые извне. И Европа сейчас находится в процессе совершения того же»¹⁷.

Таковы вкратце многочисленные симптомы болезни западного общества, на которые указано в книге. Эти симптомы нуждаются, естественно, в обобщении, которое позволило бы найти болезнетворный микроб, который занес инфекцию и продолжает методически разрушать общественный организм. Что же на этот счет думает Жюльен? Главная причина болезни «западных демократий» заключается, по его мнению, в том, что они поставили экономические цели впереди целей социальных и политических¹⁸, что ради экономического роста были преданы забвению принципы справедливости, свободы, равенства, братства¹⁹. Между тем рост демократических

институтов является несравненно более важным, нежели рост экономических. Всякое нарушение баланса между ними способно лишь обратить то и другое в руины²⁰.

В этих суждениях есть доля истины. Но они нуждаются в серьезных поправках. Во-первых, капитализм как экономическая система никогда не ставил целью удовлетворение потребностей людей во всем их многообразии. Он производит товары, чтобы получать прибыль. Когда капиталист видит, что товар не идет, ему приходится пускаться на всяческие ухищрения. Что такое так называемое потребительское общество, сложившееся в соответствии с теорией Кейнса и методами государственно-монополистического регулирования? Это по сути дела способ поддержать капиталистические порядки путем искусственного подогревания рыночной конъюнктуры. Система функционирует не ради удовлетворения человеческих потребностей, а ради бесперебойного обращения и накопления капитала, в конечном счете — ради функционирования системы.

В последнее время состоялось множество совещаний на уровне экспертов или правительств западных стран, посвященных проблемам острого экономического кризиса, инфляции, нарушения валютной системы и т. д. О чем шла речь на этих совещаниях? Ставят ли они цель избавить безработных от безработицы, бедных от бедности? Нет. Если эти задачи в какой-то мере и затрагиваются, то лишь в качестве побочной темы. А главные усилия, расчет и воображение, мудрость и хитрость — все направлено на то, чтобы не дать колоссу пошатнуться, чтобы спасти систему частного предпринимательства.

Наш оппонент из числа апологетов капитализма мог бы возразить: какое значение имеют мотивы, разве не важнее тот факт, что в «потребительском обществе» экономика повернута лицом к людям? Но в том-то и дело, что мотив — это не приставка, ибо бездушность экономической системы неизбежно накладывает пагубный отпечаток на все стороны жизни общества, что, кстати сказать, достаточно хорошо показал в своей книге Клод Жюльен. Погоня за потреблением, которая подчинена извлечению прибыли, может быть доведена и доводится на практике до самопотребления человека.

Справедливо отмечая, что углубление социального неравенства несовместимо с демократическими принципами, Жюльен видит истоки беды в том, что западные страны «отвернулись от своих целей». Но понятие «Запад» вносит лишь путаницу, ибо за ним не стоит единой

социальной силы. Что касается капитализма, то он никогда не ставил своей целью подлинное равенство. Исключая, разумеется, ту общую форму, в какой вопрос был поставлен буржуазной революцией: равноправие всех перед законом, за которым скрывалась лишь неограниченная свобода частной инициативы и возможность свободно приобретать на рынке рабочую силу как товар. Этот лозунг был словесным выражением главной задачи буржуазной революции — привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Все, что было дальше, шло вразрез с идеей равенства.

Иначе говоря, капитализм не мог отвернуться от проблемы социального равенства, ибо всегда стоял к ней спиной. Конечно, в капиталистическом мире происходят некоторые объективные процессы, побочным продуктом которых является известное уравнивание условий жизни для ряда категорий населения. К этому ведет и искусственно созданная вакханалия потребления. Уравнивается беднота, смятая катком капиталистического гнета, уравнивается средний слой, получающий свою долю отходов от пиршества монополий. Но все эти виды уравнивания не решают главной задачи — преодоления разрыва между бедными и богатыми, между средними и богатыми, между бедными и средними. Напротив, он возрастает. И это тем более верно в отношении капиталистической системы в целом, пропасти между развитыми и слаборазвитыми ее звеньями.

Неточность причин в диагнозе болезни неизбежно приводит к неточности и в рецептах ее лечения. Жюльен прав, и надо отдать должное его острому критицизму, его, можно сказать, политическому мужеству, когда он заявляет: наши общества менее демократичны сегодня, чем они были вчера, и есть опасность, что они будут еще менее демократичны завтра²¹. Называя равенство «преданной мечтой»²², он с горькой иронией говорит, что вопрос, нуждается ли демократия в том, чтобы быть изобретенной заново, естественно предполагает следующий вопрос: а существовала ли она когда-нибудь вообще²³?

Нельзя не согласиться с мыслью автора: «Чистая риторика, когда западные демократии очищают свою совесть и придают себе видимость либерализма. Они терпимы — как у себя, так и за границей — к взрывам недовольства и проявлениям нонконформизма, но лишь до той поры, пока не затрагиваются их существенные привилегии. Они с величайшей охотой предоставляют

народам независимость, но лишь тогда, когда эта независимость уже завоевана силой, или признают свободу, но лишь тогда, когда уже не в силах в ней отказать»²⁴.

Жюльен прав и тогда, когда заявляет: «Общества Запада больны не только потому, что человеческие устремления они принесли в жертву погоне за властью и чисто материальными ценностями, но также потому, что те группы (включая церковь), которые претендуют на ведущую роль в защите прав человека, не способны выполнять эту миссию»²⁵.

Верно и его утверждение, что если Запад хочет придать жизни новый смысл, то он должен пожертвовать всеми привилегиями ради большего равенства, справедливости, ради истинной демократии, чьей главной целью в экономике являются гуманизация труда, подчинение производства не максимуму прибыли и власти, а созданию средств для удовлетворения нужд человека²⁶. Однако, если не считать прекрасно сформулированных общих лозунгов и предостережений (сама книга объявляется «предупреждением»), у автора нет четкого и ясного ответа на вопрос: где именно, на каких путях, какими средствами может быть достигнут выход из кризиса, сделан решающий поворот?

Нет такого рецепта, ибо, повторяем, неверен диагноз. Все, что описано в книге, — это не самоубийство «западных демократий», а закономерный и неизбежный процесс *умирания капиталистического строя*, — процесс, который был предсказан научно основоположниками марксизма-ленинизма, который постоянно и неуклонно ведет к сужению сферы капитализма, к расширению и развитию нового, социалистического мира.

В своей работе К. Жюльен не упоминает о другой системе, уже прочно утвердившейся на Земле. Он лишь дает понять, что его целью было не сопоставление систем, а сравнение реальной действительности западного мира с его «идеалами». Разумеется, такая точка отсчета возможна. Но она неизбежно сужает поле зрения, не позволяет увидеть те реальные перспективы, которые открываются перед народами. Ибо жизнь человечества не кончается на капитализме. Напротив, только с социализма начинается, говоря словами Энгельса, его истинная история.

«Если западные демократии не будут действовать быстро, — пишет Жюльен, — они рискуют пасть при первом же кризисе. К несчастью, кажется, что и избиратели и избираемые своей пассивностью уже приняли

такую форму самоубийства»²⁷. Предупреждение звучит апокалипсически. Но право же, для этого нет оснований, ибо неизбежная гибель капиталистических порядков, экономической и политической системы, основанной на угнетении человека человеком и нации нацией, неравнозначна гибели цивилизации. Закат капитализма означает лишь начало новой эры, на протяжении которой шаг за шагом будут все более полно утверждаться идеалы справедливости, равенства, свободы, преданные буржуазией и написанные ныне на знамени рабочего класса, людей труда.

Здесь следует обратить внимание на один принципиальный момент. Великие лозунги демократии — свободу, равенство, братство следует рассматривать не только как цель, но и как средство ее достижения. По меткому выражению Э. д'Астье де ля Вижери, борьбу за братство между людьми невозможно вести без братства между людьми. Диалектическое противоречие между целью и средством находит разрешение в учении и практике социализма. Освобождая труд от эксплуатации, социалистическая революция тем самым создает возможность свободным людям пробивать путь к новым ступеням свободы, вершиной которой является всестороннее развитие личности. Точно так же ликвидация вопиющего классового неравенства становится отправной точкой для продвижения к мыслимому апофеозу равенства — полному уничтожению классов и классовых различий.

Но решение всякой сложной социальной проблемы зависит от того, как к ней подходят. Критическое направление западной политической мысли, видящей пороки буржуазного общества, задается вопросом: какова ценность свободы вообще, способна ли она служить делу прогресса либо, наоборот, угрожает стать разрушительной силой? Вопрос этот не случаен. Он имеет под собой объективные основания и отражает то смятение умов, которое свойственно нашей бурной революционной эпохе. В пору столкновения общественных сил, научных открытий и технических достижений, ломающих веками складывающийся образ жизни, у людей появляется настоятельная потребность в переосмыслении многих вечных истин, все становится предметом переоценки, подвергается сомнению.

Как, однако, ни плодотворен подобный критицизм в целом, его не следует доводить до «зряшного» отрицания подлинных ценностей человеческого бытия. Особен-

но досадно, когда этим грешат искренние сторонники прогресса, как, например, американский философ-гуманист Скотт Ниринг в книге «Свобода: обещание и угроза. Критика культа свободы»²⁸. Представляя собой оригинальное исследование, эта книга при самых добрых намерениях ее автора способна привести к ложным выводам. Стоит поэтому рассмотреть поставленный выше вопрос о роли свободы в современном мире на материале работы этого философа.

Рассматривая под углом зрения избранной темы едва ли не все стороны жизни общества и отдельного человека, С. Ниринг подвергает идею свободы различным логическим операциям: расчленяет на части и соединяет их на новый манер, обнаруживает в ней скрытые противоречия, сочетает с другими понятиями и противопоставляет им. Свобода предстает перед нами во всех мыслимых превращениях: как мера индивидуализма и как взаимоотношение, как причина и следствие, цель и средство, возможность выбора и проявление необходимости, требование прогресса и жертва конформизма. Суть концепции автора выражена в словах «угроза свободы». Допустимо ли вообще такое словосочетание применительно к одной из величайших ценностей человечества? Ведь речь идет об идее, которая была на протяжении всей истории и остается сегодня знаменем борьбы за избавление людей от социального и национального гнета, за справедливый общественный строй и создание условий для всестороннего развития личности каждого человека.

С. Ниринг утверждает, что такое словосочетание правомерно. Ибо свобода — обоюдоострое оружие, которое может быть использовано как на благо, так и во зло. «Подобно тому как любовь быстро превращается в ненависть и наоборот, так и свобода, сулящая надежду, легко оборачивается своей угрожающей стороной. Поэтому адвокаты свободы, прописывая ее в качестве лекарства от всех зол — социальных и частных, — не должны ограничиваться общими декларациями. Что они имеют в виду, говоря о свободе вообще? Свобода для кого? Что делать? Когда? Где? Как? Пока эти вопросы остаются без ответа, свобода, даже в увеличенных дозах, может еще более ухудшить те неблагоприятные условия, которые она была призвана изменить в лучшую сторону»²⁹.

Угроза свободы — это частное владение средствами производства, которое дает возможность «ловким, зу-

бастым и беспринципным» умножать свои богатства и контролировать государственную власть. Это — господствующая в капиталистическом обществе эксплуатация, которая позволяет паразитам жить за счет тружеников. Страницы книги, посвященные критике социальных пороков современного капиталистического общества, проникнуты гневом и сарказмом. Ниригг беспощадно высмеивает претензии апологетов капитализма, объявивших в интересах саморекламы свой мир «свободным». Его критика «свободного мира» особенно ценна тем, что она исходит от человека, которого невозможно обвинить в плохом знании предмета. Она представляет взгляд «изнутри», опирается не на теоретические схемы, а на собственные наблюдения, на личный опыт.

Итак, свобода способна быть не только обещанием, но и угрозой. У нее два противоположных полюса. А раз так, то каждой свободе должно сопутствовать разумное ограничение. Воздав хвалу свободе, Ниригг на многочисленных примерах показывает необходимость и благотворность ее ограничения в различных формах. Здесь и самоконтроль человека, который должен воздерживаться от слов и поступков, наносящих вред ближним, умирять свои страсти и управлять ими. Здесь и социальная дисциплина, регулируемая законом и поддерживаемая, когда надо, принуждением. Здесь международные договоры и организации, ставящие целью коллективное поддержание мира и международной безопасности.

Словом, если человечество хочет жить и развиваться по пути прогресса, оно обязано ограничить свободу всех, кто ему угрожает. Это и есть квинтэссенция той критики «культы свободы», ради которой Ниригг написал книгу. «Успех или крушение, само существование современного человека и его дальнейшая судьба будут зависеть от того, насколько умело управляет он силами, составляющими уравнение: свобода — ограничение»³⁰. Это уравнение не вызывает возражений: предыдущее изложение было подчинено его решению или поиску того критерия, который позволил бы определить действительно разумную и необходимую меру ограничения свободы.

На первый взгляд может показаться, что Ниригг дает этот критерий — мера свободы и ограничения должна определяться интересами человека, его благом. Но увы, этот критерий носит слишком общий характер. В понимании философа-гуманиста Ниригга благо человека — это избавление от эксплуатации, установление полного равенства людей и народов, создание условий

для их безбедной жизни, прочный и длительный мир. За эти цели борются все истинные сторонники прогресса. У реакционеров противоположное понимание о благе и несчастье, о добре и зле. В уравнении «свобода— ограничение» они видят только последнее, что не мешает им лицемерно апеллировать к первой.

В Южной Африке расисты сгоняют сотни тысяч людей в резервации и ссылаются при этом на необходимость защитить честь и достоинство свободных поселенцев. В Западной Германии преследуют коммунистов под предлогом защиты общественного порядка от «подрывных элементов». Ведя разбойничью войну против вьетнамского народа, американские империалисты утверждали, что они, видите ли, «обороняют дальние рубежи свободы». В Чили фашисты свергают избранное народом правительство и устанавливают террористический режим, заявляя, что только таким путем нация может быть спасена от угрозы «коммунистического порабощения». То и дело диктаторы разных рангов вводят чрезвычайное положение, громят демократов, разгоняют забастовщиков, затыкают рот прессе. И у всех них при этом на устах слова «благо сограждан» и «интересы прогресса», все щедро сулят народам золотые горы и океаны свободы.

Но беда не только в том, что планета наша еще не очищена от открытых и скрытых реакционеров. В бурную эпоху социальных и национально-освободительных революций, эпоху противостояния двух общественных систем (Ниринг называет наш век «веком силы») даже в среде сторонников прогресса возрастает соблазн опираться в большей мере на ограничение, чем на свободу. Он нередко порождается благими намерениями: поскорее обеспечить людям достойные условия существования. За ним скрывается не столько злой умысел в отношении свободы, сколько неверие в нее как в инструмент социального развития.

Такова позиция и самого Ниринга. По его словам, XVIII и XIX вв. были эпохой всепоглощающей веры в свободу, а наш век стремительно капитулирует перед ее угрозами. И это, оказывается, не так уж плохо, ибо «согласно требованиям века силы, провозглашающего превосходство «мы» над «я», люди должны быть готовы к тому, чтобы жить и работать тесно спаянными коллективами, как слаженные спортивные команды... В этих условиях общественное и его потребности самовыражения должны взять верх над личным с его потребностями

личного самовыражения. Главным достижением века силы является то, что подавляемая свобода уступает место все возрастающему принуждению»³¹. Классифицируя потребности общества по степени их важности, Ниринг ставит свободу на четвертое место — после справедливости (в том числе экономической), порядка и устойчивости, мира.

Особенно четко и недвусмысленно эта концепция выражена на тех страницах книги, которые посвящены революциям нашей эпохи. Говоря о национально-освободительных движениях, Ниринг замечает, что, завоевав самостоятельность в борьбе против иностранного владычества, многие народы бывших колоний в Азии и Африке «убедились, что истинные их проблемы зависят не от свободы, а от решительных преобразований того социального порядка, который увековечивает их зависимость и рабство»³². С искренней симпатией описывая цели социализма и высоко оценивая советский опыт преобразования общества на началах разума и справедливости, американский философ связывает уже достигнутый нами и намечаемый на будущее прогресс прежде всего с общественной дисциплиной, с умением сосредоточить все силы на задаче построения нового социального строя, «не рассматривая свободу как самоцель».

Здесь-то и наступает момент, когда с автором необходимо спорить, и спорить всерьез. Нельзя согласиться с тем, что XVIII и XIX вв. были эпохой веры в свободу, а наш век является эпохой благотворных ограничений. Наоборот, именно наше столетие, на протяжении которого совершается переход от капитализма к социализму и коммунизму, знаменует раскрепощение человечества, его «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Нельзя согласиться с тем, что решение проблем бывших колониальных народов зависит не от свободы, а от социальных преобразований. Такое противопоставление имеет искусственный характер. Без политической свободы не может быть и речи о социальных преобразованиях. Она является первым шагом и служит мощным орудием для решения экономических и прочих проблем освободившихся стран.

Нельзя согласиться с тем, что успехи социализма связаны только с общественной дисциплиной, ибо сама она является следствием освобождения творческих сил масс, роста политической сознательности. Всем, чего достигла наша страна, мы обязаны прежде всего тому

гигантскому заряду энергии, который породила в народе Октябрьская революция, раскрепостив человека труда, разбудив его инициативу, приобщив к участию в решении государственных и общественных дел. И опыт показывает: чем более зрелый характер принимает социалистическое общество, тем больше его потребность в развитии демократии, расширении отношений свободы в экономической, политической и всех других сферах общественной жизни. Дело здесь не только в том, что свобода сама по себе является одной из главных целей коммунизма (именно целью, а не самоцелью). Задвинуть свободу на задворки значило бы, грубо говоря, поставить телегу впереди лошади, лишиться такого мощного инструмента прогресса, каковым является созидательная сила народной инициативы.

Где причина той ошибки, которую допускает Нириг? На наш взгляд, она объясняется недостатком конкретного классового подхода к проблеме свободы. Разоблачая свободу частного предпринимательства и империалистического разбоя, высмеивая «культ свободы», за которым стоит претензия буржуазного индивидуалиста беситься как ему вздумается, американский философ, сам того не замечая, переносит свой праведный гнев на свободу вообще. При этом он невольно задевает своим разящим пером совсем другую, не буржуазную, а подлинно народную свободу, которая родилась в огне революций, зреет и мужает, несмотря на все препятствия.

Если вдуматься в те перспективы, которые предрекает человечеству Нириг на обозримое будущее, то нельзя не поежиться. Речь идет по сути дела о жизни в условиях абсолютного тоталитаризма, когда отношения между обществом или социальной группой, с одной стороны, и личностью — с другой, строятся по формуле «господин — раб». Причем — что самое худшее — раб доволен своим положением, ибо ему вполне достаточно тех благ, какие он получает в обмен за образцовую службу и безропотное подчинение. И такой порядок вещей представляется автору не только неизбежным, но даже в какой-то мере оправданным, если человечество хочет выжить. «Свобода, — пишет он, — сама по себе недостаточна. Век силы испытывает острую нужду не столько в свободных мужчинах и женщинах, сколько в дисциплинированных, преданных интересам общества гражданах, обладающих высокоразвитым чувством ответственности. Интересы будущего, более того, интересы самого выживания требуют не свободных наций, но наций и народов,

которые хотят и могут подчинить защиту интересов отечества интересам мира, справедливости и общего благосостояния»³³.

Такие противопоставления глубоко ошибочны. На самом деле только свободные люди, которые судят обо всем сознательно и чувствуют себя хозяевами жизни, могут поддерживать ответственную и разумную дисциплину. Только свободные народы могут совместными усилиями обеспечить мир. Хочет того Ниринг или нет, его выводы звучат как отходная свободе. Но похоронить свободу значило бы похоронить и справедливость, и мир, и всеобщее благосостояние, похоронить всякую надежду.

...Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

В этих словах Гёте с предельным лаконизмом выражены две главные мысли о свободе. Первая: свобода — это единственная ценность, которая может быть приравнена к самой жизни. Вторая: свобода ни при каких обстоятельствах не достается даром, и тем более раз и навсегда. Ее мало завоевать, ее надо постоянно отстаивать. Здесь, между прочим, ключ к пониманию свободы как синтеза одной из целей бытия и одного из наиболее универсальных средств достижения всех других его целей. Какие бы препятствия ни приходилось преодолевать человечеству, оно уверенно прокладывает себе дорогу к светлому коммунистическому будущему, на знамени которого рядом с другими ценностями начертано слово «свобода».

Г. Кан: мир по-американски в XXII в.

В предыдущих очерках мы имели дело с произведениями западной социально-политической мысли, принадлежащими перу писателей, философов и публицистов. Теперь познакомимся с тем, как оценивают нынешнее состояние общества и перспективы его развития профессиональные футурологи. Лучше всего служит этой цели книга «Следующие двести лет»¹, написанная Германом Каном в соавторстве с В. Брауном и Л. Мартеллом.

Г. Кан — признанный апостол буржуазной прогнозистики. Будучи создателем Гудзоновского института, он одним из первых вступил на путь составления средне- и долгосрочных прогнозов и, как бывает в таких случаях, сумел пожать лавры, достающиеся пионерам. Вдобавок, отличаясь большой трудоспособностью, этот теоретик на протяжении десятилетий стремился поддержать свою репутацию и выпускал книгу за книгой, ставя свое факсимиле едва ли не на всех участках карты будущего.

Книга Кана представляет собой самую дерзновенную из всех его попыток постигнуть будущее, заглянуть ни много ни мало как на два столетия вперед. В то же время в самой работе есть несколько «слоев». Кан и его сотрудники не только пытаются предсказать, что будет в 2176 г., но и повторяют свои предположения, касающиеся более близкого к нам периода, в первую очередь рубежа двух тысячелетий. Здесь фактически пересказывается содержание другой работы, которая была написана Каном в соавторстве с А. Винером и пользовалась в свое время популярностью бестселлера, — «Двухтысячный год»².

Еще один момент: данная работа воплощает в себе по сути дела все основные направления футурологического поиска. Кан не скрывает, что в качестве теоретической «парадигмы» им взята идея «постиндустриального общества» в том виде, как она описана известным американским теоретиком Д. Беллом. Вдобавок в его прогнозе легко обнаруживается влияние различных техно-

кратических идей, концепций менеджеризма, социальной инженерии, «народного капитализма» и т. д. Иными словами, недостаток оригинального теоретического мышления обернулся в данном случае достоинством книги: представляя собой своего рода корзину, куда сброшены, хорошо перемешаны и в определенной мере интегрированы самые разнообразные немарксистские доктрины будущего, она служит идеальным объектом для оценки рисуемого в них образа грядущего.

Наконец, следует указать еще на один мотив. Работа Кана исходит из установок наиболее рационального (относительно других, разумеется) направления немарксистской прогностики, которое отрицает теории «судного дня», делает ставку на социальный и научно-технический прогресс, избегает вульгарного антикоммунизма.

Начнем с выбора времени. Почему Кан рискнул отправиться в столь дальнее путешествие в будущее, где любые предположения принимают поневоле иллюзорный, умозрительный характер? Ответ прост: книга увидела свет в 1976 г., когда отмечалось двухсотлетие Соединенных Штатов Америки, и ее замысел продиктован амбициозным намерением продемонстрировать, какие успехи сулят США следующие два века их существования.

На первый взгляд такой замах может показаться не столь уж предосудительным. Правда, серьезные прогнозы составляются с учетом реальных возможностей предвидения и, уж конечно, приурочиваются не к произвольно избранным датам. Но ведь и набрасывать узду на воображение не разумно. В конце концов никому не возбраняется выбирать для прогноза любую точку на координате времени, и не было бы нужды рассуждать на сей счет, если б не одно обстоятельство.

Дело в том, что Г. Кан и его соавторы далеко не случайно принимают за точку отсчета провозглашение независимости США. Тем самым они без обиняков дают понять, что современная история человечества начинается тогда, когда американские колонии бросили вызов английскому владычеству. Не утруждая себя аргументами, авторы прогноза по сути дела именно с этим событием связывают начало промышленной революции, преобразившей лицо мира. Отсюда и вывод, что четырехсотлетний период (т. е. двести лет существования США и двести лет вперед) «окажется таким же драматичным и важным в истории человечества, какими были пред-

шествовавшие десять тысяч лет»³. Подобная мера отсчета в самом зародыше содержит претензию на то, что все дальнейшее развитие человечества будет рассматриваться с точки зрения американской и под углом зрения американизации мира. Так оно и есть.

«Первые двести лет существования Соединенных Штатов Америки, — читаем в книге, — явились и отражением и двигателем века индустриализации. 1776 год, когда было положено начало независимости США, был также годом выхода в свет «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Поэтому указанный год служит удобной вехой для обозначения начала промышленной революции, а два отмеченных события символизируют наступление уникальной эры в мировой истории: именно промышленная революция стимулировала беспрецедентную производительность труда и экономический рост; именно США были призваны сыграть ведущую роль в этом развитии»⁴.

Вот поистине пример националистического самоослепления. Надо уж очень хотеть доказать недоказуемое, чтобы прибегать к столь надуманным доводам! При всем уважении к одному из классиков политической экономики, публикация его произведений не может, конечно, приниматься за революционную веху в развитии производительных сил.

Еще более любопытны последующие рассуждения Кана и его коллег. Знаменательно, пишут они, что «двухсотлетие США должно почти совпасть с поворотным пунктом истории; такой поворотный пункт означает, возможно, начало великого перехода человечества в мир, который, не будучи утопией, будет в состоянии создать как возможность, так и основу для относительного покоя и процветания почти каждого, даст надежду на радость и осуществление чаяний»⁵. Иными словами, не следует сомневаться, что если рай все-таки существует, то путь туда проложат Соединенные Штаты.

Оставим пока сомнения, которые внушают заявления об особой роли США, и рассмотрим сценарий американских авторов самым беспристрастным образом. Мы менее всего склонны занимать позицию зряшного, огульного отрицания, а тем более зубоскалить по поводу неудачных выражений. По собственному опыту каждый, кто отваживается исследовать будущее, знает, что критиковать всегда легче, чем высказывать суждения по существу. К тому же марксистская традиция предполагает внимательное, вдумчивое отношение к любым тео-

риям, с тем чтобы извлечь из них «рациональное зерно».

С этой точки зрения надо указать прежде всего на то, что Кан отрицает неомальтузианский тезис «пределов роста». Центральная мысль его «геоцентрического» сценария состоит в том, что темпы прироста мирового населения и экономики приближаются в наше время к своей исторической кульминации; вскоре они начнут замедляться, примерно через сто — двести лет выравниваются и будут более или менее соответствовать друг другу. Главной причиной такого благоприятного хода событий явится растущее процветание, которое, как уже показал опыт экономически развитых стран, влечет за собой сокращение рождаемости. Отсюда проблема экспоненциального роста населения решится сама собой.

В трех предлагаемых авторами вариантах темпов роста населения за шестидесятилетний период (1950—2010 гг.) апогей достигается в течение ближайших нескольких лет, после чего кривая должна пойти вниз. Исходя из этого, предполагается, что через двести лет на Земле будут проживать от 15 до 30 млрд. человек. По существу три четверти остального изложения занимает доказательство тезиса о том, что наша планета располагает всеми необходимыми ресурсами, чтобы обеспечить в изобилии средства, необходимые для существования этого количества людей. Реальность такой перспективы подчеркивается ссылкой на прядущие достижения науки и техники, которые позволят полностью освоить океан (в частности, создать опромные плавучие и подводные индустриальные комплексы), а также осуществить более или менее широкую миграцию в космос.

Последнее, по словам Кана, предполагает уже не геоцентрический, а так называемый космический вариант сценария. Едва ли вообще правомерно разделять (и тем самым фактически противопоставлять) основные направления развития; логично предположить, что выход в космос явится, как и до сих пор, составной частью усилий по преобразованию и благоустройству земного общества, а не дорогой бегства от перенаселенности, массовой эмиграции в поисках нового пристанища.

Вернемся, однако, к главной теме. Не приходится говорить, что сама по себе вера в возможность преодоления нынешних кризисных ситуаций, а в более широком смысле — в неодолимость общественного прогресса не принадлежит к числу открытий Кана и его сотрудников. Именно эта идея, причем научно доказанная, лежит в

основе теории научного коммунизма, она приобрела в марксистском учении по существу характер аксиомы. Больше того, тезис Медоуза и Форрестера о «пределах роста» вызвал серьезные возражения и у большинства буржуазных теоретиков, он был пересмотрен практически во всех последующих докладах Римскому клубу. Кстати, выдвигая свои оптимистические варианты будущего, Кан опирается на выводы демографических и экологических прогнозов оптимистического характера, появившиеся в первой половине 70-х годов.

В то же время было бы неверно недооценивать самого факта, что апостол буржуазной футурологии, отражающий в своем творчестве не периферийные, случайные, а генеральные, доминирующие ее тенденции, решительно высказался против концепции о неизбежности апокалипсиса. Этим объясняется не только благосклонное отношение к книге Кана многих его коллег-футурологов в западном мире, но также позитивные ее оценки в целом в прогрессивном лагере.

Между тем оптимизм Кана нуждается в проверке. Более того, именно эта тема заслуживает главного внимания, позволяет кратчайшим способом прийти к пониманию сути буржуазного сценария будущего. Начнем с того, что оптимизм Кана имеет *заданный* характер, основан по преимуществу не на научном расчете (хотя различные калькуляции, в том числе сделанные специалистами Гудзоновского института, в изобилии приводятся в книге), а на постулировании благоприятного исхода мирового развития как желательной цели. Напомнив, что в наше время приобрели популярность различные прогнозы, предрекающие человечеству крайне мрачное будущее, авторы сообщают о своем намерении «разработать прямо противоположный сценарий», который-де будет ближе к действительности и даст относительно верное представление о том, что происходит⁶. Другими словами, они рассуждают не по принципу науки: «так будет, потому что в пользу этого свидетельствуют тенденции развития», а по логике своеволия: «так может быть, потому что нам этого хочется».

Возникает вопрос: а почему именно так, только ли из-за того, что в отличие от Медоуза Кан, скажем, обладает более здоровым нравом и жизнелюбием, которое избавляет от мрачного взгляда на завтрашний день? Разумеется, не только. Главная причина оптимизма Кана заключается в самом характере прогноза и дате, к которой он приурочен. В самом деле, ведь речь идет о

двухсотлетию США, которое было пышно отпраздновано в капиталистическом мире и сопровождалось безудержными восхвалениями по поводу успехов этой страны во всех сферах человеческой деятельности. Причем эти успехи приписывались в первую очередь экономической и политической системе капитализма в ее американском варианте. Спрашивается, можно ли было братья за составление юбилейного прогноза, настроившись на похоронный лад?

Надо учитывать и другой тесно связанный с этим мотив, побуждавший ориентироваться только на благоприятную перспективу. Лучше всего его поясняет тезис З. Бжезинского о «разочаровании в прогрессе». «Самый популярный политический манифест, появившийся много десятилетий спустя после Коммунистического манифеста, — писал он еще до своего вступления на поприще практической политики, — это необычайно пессимистический манифест «Пределы роста», рисующий апокалипсическую перспективу как следствие безудержного развития». Утрата веры в прогресс привела к тому, что в «задающих тон» кругах Запада распространяются настроения пессимизма и неверия в возможность позитивных перемен. Такой пессимизм, подчеркивает Бжезинский, очень опасен, поскольку он парализует активность, необходимую для приспособления системы к требованиям века⁷.

Можно не сомневаться, что идеологическая сторона дела, стремление взбодрить правящий класс буржуазного мира, равно как подкинуть «утешительные» доводы массовой пропаганде, явились если не единственным, то весьма важным стимулом для кановского оптимизма. Но в конце концов влияние идеологии еще не обязательно свидетельствует о неполноценности тех или иных планов и прогнозов. Пусть это продиктовано какими-то корыстными классовыми соображениями и расчетами, но разве не самое важное, что в сценарии намечена перспектива прогресса? Нет, не самое важное, потому что (и это хочется подчеркнуть особо) оптимизм Кана — это не только заданный, но еще и *казенный оптимизм*. Впрочем, видимо, вторая черта есть неизбежная спутница первой.

Распространенная в наши дни формула оптимизма отнюдь не прямолинейна и не сводится к утверждениям, что все идет к лучшему, горизонт чист, небо безоблачно и т. д. Она включает, считает Кан, признание имеющихся трудностей, а также проблем, которые могут возник

нуть впереди, призывает смело идти им навстречу, преодолевать их, отбросив малодушие и уповая на свою счастливую судьбу. До той поры, пока вопрос ставится именно так, у нас нет особых претензий к оптимизму господина Кана. Дело, однако, в том, что его казенный характер весьма умело задрапирован общечеловеческими этическими абстракциями. Чтобы убедиться в этом, обратимся к приводимой в книге таблице, излагающей четыре точки зрения на будущее⁸. Сравним их оценку долгосрочной перспективы в толковании Кана и его коллег (см. с. 108).

Комментируя таблицу, авторы заключают: подходящая реалистическая программа может быть составлена лишь на основе того мнения, что «развитие мира происходит в направлении от «В» к «Г» (т. е. от предсказаний, сделанных «сдержанными оптимистами», к предсказаниям «сторонников научно-технического и экономического роста»).

Прекрасно, кто, кроме реакционеров, станет возражать против прогресса! Нельзя не согласиться и с лозунгом: «Человек должен открыто и смело идти навстречу будущему, ибо он сам будет его создавать и наслаждаться им». Вопрос лишь в том, о каком человеке идет речь, в какие общественные условия он поставлен? Задавшись им, нетрудно обнаружить вопиющую передержку, допускаемую в таблице.

В самом деле, во всех оценках долгосрочной перспективы социальный фактор упоминается только однажды, в самом пессимистическом прогнозе, и притом в условном наклонении: «Если в ближайшее время не будут осуществлены революционные преобразования, то в ХХI в. произойдет величайшая катастрофа...» Читатель тем самым подводится к двум умозаключениям: во-первых, революция рекомендуется не кем иным, как неомальтузианцами, поскольку эти плохие или слепые люди не видят иного выхода из кризисной ситуации, в которой оказался мир; во-вторых, такой выход в действительности существует, он связан с развитием науки и техники, с теми, кто верит в прогресс и потому не нуждается в революциях. Вот ведь как ловко прогресс отрезан от революции, человек от общества, социализм от будущего. Фантастические умельцы, право, эти футурологи из Гудзоновского института!

В наше время, как мы уже отмечали, подавляющее большинство сколько-нибудь серьезных социологов и политологов, работающих на Западе, так или иначе при-

«Убежденные неомальгузанцы» А	«Сдержанные пессимисты» Б	«Сдержанные оптимисты» В	«Сторонники научно-тех- нического и экономического роста» Г
<p>Мрачна и безнадежна. Если в ближайшее время не будут осуществлены революционные преобразования, то в XXI в. произойдет величайшая катастрофа. Она является следствием широкомасштабного ущерба окружающей среде и экологическому режиму многих районов. Миллиарды людей погибнут от голода, загрязнение среды или войны за истощающиеся ресурсы. Другие миллиарды будут подавлены жестокими авторитарными правительствами. Оправданно применение суровых и даже draconianских мер в настоящее время, чтобы ослабить масштабы и силу будущей катастрофы.</p>	<p>Катастрофа возможна. Нельзя предсказать, какая катастрофа является более вероятной. На этот счет существуют различные воззрения. Даже если мы будем осторожны и предельно осмотрительны, если мы не примем в скором времени решительных мер, то на человечество могут обрушиться климатические изменения, разрушение экологической системы океана, чрезмерное загрязнение окружающей среды или другие беды. Человеческое общество не должно больше бросать столь безрассудный вызов окружающей среде и экологии. Мы обязаны также более осторожно управлять своими ресурсами и ростом населения, по крайней мере после ближайшего бедствия, если не до него.</p>	<p>Возможен успех. XXI в., по-видимому, ознаменуется появлением во всем мире постиндустриальной экономики, при которой большинство проблем бедности Солнечной системы и до будет разрешено или смягчено. Основные беды будут порождаться стремлением к богатству и роскоши. Исторический переход к менее материальной жизни в условиях материального изобилия будет отмечен некоторыми страданиями и бедствиями, одна-ко для нынешнего мира ни-щеты и бедности важнее всего конечная перспектива.</p>	<p>Высокий оптимизм и уверенность. Мы не можем знать конечных целей человеческой цивилизации в масштабах Солнечной системы и до-стижение уровня жизни на Земле, соответствующего утопическим представлениям. Возможности современного технического и экономического прогресса начинают раскрываться. Опасности существования, но они были и будут всегда. Малодушие не должно быть места. Человек должен открыто и смело идти навстречу будущему, ибо он сам будет его создавать и наслаждаться им.</p>

знают необходимость социалистических решений применительно хотя бы к международной проблематике. Что касается Кана, то подобные порывы ему чужды. Спроецировав в будущее свою примитивно-консервативную и асоциальную точку зрения на общественный прогресс, он получает искомый результат — мир, в котором прекрасно живется процветающему буржуазному индивиду. Да и другим в общем не так уж плохо, ибо сам дядя Сэм и его ближайшие друзья великодушны в той мере, в какой это не отражается на их интересах, а умеренная благотворительность запрограммирована самим Евангелием.

Вглядимся в псевдоутопический мир Г. Кана, нарисованный воображением скорее футуриста, нежели футуролога. Об одной его черте мы уже говорили. Это *про-американский мир*. Все в нем — организация производства, техника и способ ее применения, власть и управление, образ жизни людей и формы их досуга, трудовые и бытовые отношения, культура, — повторяем, все проникнуто американским духом. Впрочем, не только американским, *буржуазным* духом вообще. И в этом вторая характерная черта будущего, по Кану. Пожалуй, она наиболее ярко проявляется в рассуждениях о необходимости обеспечить через двести лет «достойное отношение к богатству».

Американцам, сообщает Кан, предстоит стать исключительно богатыми, а потому они должны научиться пользоваться этим богатством, «не становясь пресыщенными, разочарованными или сугубо антиматериалистичными. Они должны научиться серьезно относиться к повседневным делам (не позволяя себе чрезмерно увлечься ими), чтобы избежать скуки и компенсировать то обстоятельство, что для поддержания своих эмоций им больше не будет надобности вести тяжелую борьбу за жизнь. Они должны научиться быть джентльменами и леди, которые проводят свое время, занимаясь с успехом трудными, если и бесполезными делами».

Возможно, такая жизнь покажется невыносимо мелкой, замечают авторы, но она есть результат того, что уже не нужно вести борьбу против варваров, нацистов, голода, болезней или ради завоеваний. А в качестве компенсатора отсутствующих опасностей американцам XXII в. рекомендуется... заниматься гимнастикой, подобно древним афинянам. Впрочем, сетуют авторы, их соотечественники будут больше походить на спартанцев и римлян, которые делали все, чтобы быть готовыми к

предстоящей войне, но становились ленивыми во времена мира и процветания. А посему помимо гимнастики они советуют «научиться уважать ценности семейной жизни и общения с друзьями. Эпикурейские (как в греческом, так и в современном смысле этого слова) идеалы обретут ценность в глазах многих, если американцы станут проводить свое свободное время дома, не пристреливая каждого попавшегося на глаза от скуки или избытка фамильярности»⁹.

От этих строк так и отдаст самодовольством сытости. Читая их, невольно вспоминаешь характеристику, данную К. Марксом Иеремии Бенхаму: «архифилистер», «трезво-педантичный, тоскливо-болтливый оракул пошлого буржуазного рассудка XIX века»¹⁰. Ирония судьбы состоит в том, что сам Кан, которого можно считать «оракулом буржуазного рассудка» XX в., хочет быть в хороших отношениях с основоположником марксизма и даже пытается апеллировать к его авторитету. Приводя в книге большую выдержку из «Капитала», он явно рассчитывает внушить читателю, насколько-де выиграет мир от тотальной капитализации, но не замечает убийственного сарказма, который К. Маркс вкладывает в описание методов и последствий этого процесса: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»¹¹.

Здесь мы переходим к следующей черте кановской утопии, которой следует уделить особое внимание. Речь идет о том, что американизированный буржуазный рай сохраняет едва ли не все известные виды социального неравенства. Это, если так можно выразиться, крайне несправедливый рай. Например, сообщая, что в настоящее время размер валового национального продукта на душу населения в различных странах варьируется от 100 долл. до 10 тыс. в год, авторы заявляют: для нас не явится неожиданностью, если в конце XXI в. все еще будет существовать довольно большой разрыв в этих по-

казателях, возможно от основного минимума в несколько тысяч долларов до максимума, в 10—20 раз больше. Предсказывается, что разрыв в абсолютном объеме валового продукта на душу населения (в отличие от относительного) в ближайшие сто лет возрастет, но это не должно вызвать опасений ни в моральном, ни в политическом плане, поскольку-де мало кто из рабочих и крестьян, интеллигентов и бизнесменов в развивающихся странах придает этому большое значение.

Главная цель большинства людей, заявляет Кан, заключается в желании улучшить собственное благосостояние, а не сравнивать свое положение с положением других. Допустим, что это так, и для людей, живущих сегодня впроголодь на слаборазвитой периферии мира, гораздо важнее гарантированный кусок хлеба, чем преодоление неравенства. Разве отсюда следует, что такой же будет жизненная философия их потомков, когда и низкий порог доходов будет обеспечивать достаточно высокий уровень благосостояния? Логичнее предположить обратное.

Посмотрим, однако, какой валовой национальный продукт обещает Кан отдельным странам. Речь идет при этом о перспективе, «свободной от сюрпризов», т. е. основанной на экстраполяции нынешних тенденций роста, без учета возможных крупных социальных и технических изменений.

Разрабатывая свой прогноз, авторы разделили страны мира на четыре экономические группы в зависимости от уровня их нынешнего развития и дохода. В первую, «развитую», входят промышленные государства Северной Америки, Западной и Восточной Европы, Япония, Израиль, некоторые страны британского Содружества и Персидского залива. Вторая, именуемая «коммунистической Азией», включает Китай, Северную Корею и четыре страны бывшего Индокитая. Третью группу составляют страны, которые авторы называют добывающими, а четвертую — недобывающие или наиболее отсталые. Между этими группами стран авторы распределяют валовой продукт, который, по их предположению, достигнет через 200 лет приблизительно 300 трлн. долл., или при численности населения Земли 15 млрд. человек в среднем в год 20 000 долл. на каждого.

Какой же отсюда делается главный вывод? Оказывается, соотношение в доходах 10% самых богатых и 20% самых бедных групп мирового населения, равное сейчас 100:1, могло бы сократиться через двести лет

приблизительно до 5:1 с поправочным коэффициентом 2 или 3 в ту и другую сторону. Если, однако, замечают авторы, наш прогноз неверен, то соотношение, близкое к 100:1, может сохраниться. Причем им даже не приходит на ум предположить, что прогноз может оказаться неверным в другом направлении. Ничего себе оптимизм!

Заслуживают внимания факторы, которые, по мнению гудзоновских футурологов, могут задержать или даже остановить прогресс развивающихся стран. Вот некоторые из них: интенсивное разрушение или подрыв местных социальных структур, морали, традиционных верований; порождение чрезмерных надежд; вредная либо чрезмерная эксплуатация местного населения иностранцами; политические и социальные беспорядки, внутренняя напряженность; неуместная благотворительность; оскорбительные манеры или взгляды¹².

Нетрудно заметить, что в глазах Кана преодолению отсталости развивающихся стран способно помешать все, что так или иначе связано с социальными изменениями, с революцией. По существу приведенное высказывание напоминает ханжескую проповедь, требующую от бедняков покорно дожидаться, пока господа позаботятся об их участи, и грозящую неприятностями, коль скоро они вздумают взяться за это дело собственноручно. Что касается того, в какой мере способны задержать развитие «оскорбительные манеры», то в истории мы не находим достаточного материала для ответа на этот вопрос. Прогнозисты с берегов Гудзона умышленно обошли главные причины, способные помешать и уже мешающие преодолению отсталости развивающихся стран: империализм, колониализм и неоколониализм, грабительскую политику международных монополий по отношению к молодым освободившимся государствам.

У читателя может возникнуть вопрос: неужели высокое наше оракула достигло таких размеров, что он всерьез предполагает, будто будущее развивающихся стран зависит целиком от благотворительности (разумеется, «уместной», т. е. не превышающей определенного уровня) экономически развитых стран Запада? Да, именно так. Нисколько не принижая роли природных условий, а также правительств и народов Ближнего Востока, говорится в книге, мы все же считаем необходимым отметить, что ближневосточные нефтяные богатства приобрели за последние 50 лет свою нынешнюю ценность в первую очередь благодаря развитым странам.

Конечно, развитой мир не создал их из соображений одного лишь альтруизма, но безусловно то, что ему требуется много сырья и других материалов и что он располагает капиталом, техникой и организациями, нужными для разработки природных ресурсов. Поэтому если какая-нибудь страна земного шара имеет хоть что-нибудь пригодное для использования (от малоквалифицированной рабочей силы до любого вида полезных ископаемых или туристских объектов), то такие ресурсы могут быть выявлены, а затем пущены в дело к взаимной выгоде данной страны и иностранных государств¹³.

Иными словами, авторы делают попытку закрепить на длительную перспективу сложившееся неравноправие в системе международного разделения труда. Одни страны, в силу того что они располагают капиталом и техникой, будут использовать природные богатства и даровые рабочие руки других, а также посылать туда своих туристов. Те же должны воспринимать это не как вынужденную и навязанную им роль «придатков» экономически развитых стран, а чуть ли не как благодеяние со стороны последних.

Следует сказать, что в данном случае американских футурологов нельзя обвинить в увертках. Они не то что со стыдливостью, но даже с известным удовлетворением рисуют «радужные» перспективы, открывающиеся перед развивающимися странами в связи с потребностью развитых капиталистических стран в рабочей силе, которая должна особенно обостриться в предстоящие два десятилетия. Дело в том, что эта потребность касается главным образом неквалифицированных рабочих, находящихся на самой низкой ступени социально-экономической лестницы, а жители развитых капиталистических стран больше не хотят выполнять черную работу, поскольку имеют много лучших возможностей.

Далее следуют рекомендации странам «третьего мира» относительно того, как им использовать свой шанс с наибольшей выгодой. Так, чтобы заработанные рабочими-эмигрантами средства возвращались на родину и могли быть здесь вложены в дело, дается совет подумать о задержке выплаты части заработной платы и перечисления ее непосредственно соответствующим правительствам. Прочитав это место, мы только было подумали о рабском труде, как обнаружили следующее высказывание Кана: «Многие могут назвать это принудительным трудом или эксплуатацией, но только не сами рабочие, которые смогли бы зарабатывать, может быть, в

десять раз больше, чем в собственных странах (где многие были бы благодарны вообще за какую-нибудь работу)...»¹⁴

Все верно, но лишь с точки зрения буржуазного рас-судка, который рассматривает существующие порядки как вечные, а главное, нормальные. Авторам не прихо-дит в голову подойти к вопросу с другой стороны: по-размыслить, существуют ли иные, более эффективные, справедливые, наконец, гуманные способы борьбы за постепенное сокращение и конечное преодоление безра-ботицы в экономически отсталых странах (целенаправ-ленная политика развития, организация новых рабочих мест, действительно равноправное разделение труда, эквивалентный обмен и т. д.). Ничего подобного. Благо-детельствовать (главным образом в собственных инте-ресах) — да, но прибегать к социалистическим мето-дам — упаси бог!

Пожалуй, особенно поразительным примером снобиз-ма является небольшой раздел, озаглавленный: «Импорт «грязных» и «лакейских» видов деятельности». Он начи-нается с полемического высказывания в адрес тех, кто считает, что перекладывать грязные и постылые дела на развивающиеся страны аморально, что это особо пороч-ный вид их эксплуатации. В отличие от подобных «чисто-плюев» люди, занимающиеся практической деятельно-стью, пишут авторы (имея в виду самих себя), понима-ют, что бедные и необученные всегда занимались более черной и менее приятной работой. Так обстоит дело и внутри отдельных стран, и во взаимоотношениях между ними. «Фактически одна из возможностей для бедного или необученного состоит в том, чтобы взять на себя работу, которую богатый и высокообразованный больше не хочет делать сам или не может больше найти для этого местных исполнителей»¹⁵.

Сторонники «практической деятельности» распро-страняют свои «моралите» и на экологию, намекая, что развивающиеся страны должны быть готовы предло-жить свои услуги для размещения производств, которые сильно загрязняют окружающую среду и от которых бо-гатые страны будут постепенно избавляться. Правда, эта мысль в книге завуалирована, но от этого она не ста-новится менее циничной¹⁶.

В этой связи стоит упомянуть о так называемой мо-дели «1984 А», описанной группой арабских экономистов в книге «Кризис империализма». Согласно этой модели, ныне формируется новое международное разделение

труда. Центр, состоящий из высокоразвитых капиталистических стран, оставляет у себя новую индустрию, отесняя на периферию «классическую загрязняющую промышленность» — сталелитейную, химическую, легкую. Новая индустрия благодаря высокому уровню автоматизации почти не требует рабочей силы. Граждане центра будут вести праздный образ жизни, а население периферии будет поставлять им все необходимое для этого. «Иначе говоря, массы периферии, пролетаризованной и эксплуатируемой центральным капиталом благодаря контролю центра над техникой, будут производить избыточные продукты для потребления в центре»¹⁷. Не ясно ли, что подобная картина является прямой реакцией на моделирование будущего по методу Кана и других его единомышленников.

Возникает, однако, весьма серьезный вопрос: уместно ли в этом случае ссылаться на нравственность, коль скоро речь идет о политической и экономической проблеме, при рассмотрении которой необходимо принимать во внимание прежде всего реальные факты? Ведь если не существует иного способа для преодоления отсталости и «разрыва», то единственное, чего стоит требовать от футуролога, — это отказаться от высокомерного тона и сопровождать свои неумолимые выводы более подходящими к данному случаю человеческими чувствами.

В действительности все дело как раз в том, что аморальные идеи одновременно оказываются и самыми непрактичными. Разумеется, на протяжении какого-то отрезка времени неизбежно сохранение и возможно даже углубление того неэквивалентного и несправедливого обмена между развитыми капиталистическими государствами и освободившимися странами, при котором последним приходится расплачиваться за технику и технологию не только своими национальными богатствами, но и частью самих себя. Однако в этом и есть одна из главных причин, *побуждающих изменить существующее положение*, и всякий добросовестный исследователь будущего обязан учитывать этот потенциальный источник развития.

Коротко говоря, неоколониализм, воспеваемый Каном как средство постепенного преодоления отсталости, на деле ведет к обострению антагонизма, накоплению ненависти. Подлинное решение проблемы «разрыва» в уровнях экономики может быть найдено лишь на путях социализма, при условии максимально уважительного отношения к интересам всех народов.

Наконец, чтобы закончить с этим вопросом, добавим немаловажную деталь: вопреки уверениям о неисчислимых выгодах, которые извлекут освободившиеся страны, взяв на себя «грязные и лакейские виды деятельности», авторы заявляют, что «большой разрыв в доходах между государствами может сохраняться веками даже при наличии тенденции к его сокращению»¹⁸. Веками, т. е. вечно. Одно это пророчество обесценивает все прочие, изложенные в сценарии «Следующие двести лет». Оно лишний раз свидетельствует о творческом бесплодии «буржуазного рассудка», неспособного постигнуть характер общественного прогресса, возможности революционного обновления мира.

Буржуазная ограниченность Кана и его сотрудников особенно наглядно обнаруживается в тех разделах книги, где делаются попытки очертить контуры культуры и образ жизни людей спустя два века. Их вовсе не интересуют при этом такие первоначальные проблемы, как, скажем, преодоление отчуждения, связанного с разделением труда, или существенных различий между умственной и физической деятельностью. Зато всерьез беспокоит, что «если значительная часть населения будет работать лишь три дня в неделю, то ужасная скука, поразившая аристократию XVIII и XIX веков, могла бы возродиться в еще большем масштабе»¹⁹.

Поверить им, так едва ли не главную часть времяпровождения наших потомков займут изысканная кухня, «аристократический, соответствующий правилам хорошего тона стиль жизни», эпикурейские ценности, «внутреннее убранство и использование самостоятельно изготовленных предметов домашнего обихода»²⁰. Вполне логичным следствием подобного уклада является предположение, что «некоторые люди, в порядке исключения, захотят, возможно, совершать подвиги в космосе или на дне моря, однако большинство будет удовлетворено тем, что жизнь стала более богатой и безопасной, а упомянутыми подвигами предпочтет восхищаться со стороны»²¹.

Прорицатели из Гудзоновского института понимают, конечно, что рисуемая ими картина будущего не слишком привлекательна, особенно для молодежи. Поэтому они предупреждают, что наряду с теми, кто будет наслаждаться благами технизированного рая, будет много и неудовлетворенных, тех, кому такое общество покажется недостаточно интересным и вдохновляющим. Сюда они относят «тщеславных и честолюбивых людей,

стремящихся к успеху». Впрочем, искателям острых ощущений предлагается выход — отправиться в космос²².

Не может быть сомнений относительно того, чем вдохновлена эта убогая и унылая, по собственному признанию ее авторов, картина «потребительского рая». Она представляет собой не что иное, как перенесенное в будущее современное буржуазное общество с той лишь разницей, что если сегодня так называемый гедонистский образ жизни является достоянием лишь правящей монополистической верхушки, то в перспективе приобщение к нему сулят более широким слоям населения. Более широким, но не всем. Было бы неверно предполагать, что в прогнозе Гудзоновского института намечается хотя бы частичная перестройка современной социальной структуры капитализма. Правда, авторы старательно уходят от четких ответов на вопрос, как будет обстоять дело с классами и социальными слоями. Но из некоторых косвенных суждений вытекает с достаточной ясностью: *точно так же, как планируется сохранение неравенства между различными нациями, предполагается сохранение и классового неравенства в будущем обществе.*

Из раздела, посвященного проблемам морали (?), явствует, что умственный труд в ХХI в. превратится в массовую профессию, «его работники станут объектом более острой критики, поскольку их средний уровень неизбежно снизится, а контакты с представителями других социальных групп ослабнут. Превратившись в обширную прослойку, они приобретут большую уверенность в себе, станут активней защищать свои интересы и открыто претендовать на руководство обществом. По мере того как общественный статус этой группы будет ухудшаться, а ее численность возрастать, различные ее элементы будут организовываться иногда в те или иные правительственные органы либо другие общественные институты. Таким образом, возникнет новый серьезный социальный конфликт»²³.

Рассуждения, как видно, до предела путанные. Но если все же попытаться усвоить заложенную в них мысль, то окажется, что «белые воротнички» вызовут отрицательные эмоции у других членов общества. Возникает вопрос: кто эти другие члены общества, если подавляющее большинство будут составлять люди умственного труда? Очевидно, не ничтожная к тому времени кучка работников физического труда, которая будет на-

столько слабой, что лишится всякой возможности конфликтовать с кем-либо. Остается предположить, что недовольными могут быть те, кто реально управляет сегодня и будет пытаться сохранить эту привилегию в будущем, в том случае, разумеется, если сохранится сам. Иначе говоря, речь может идти только о классе собственников.

Пытаться найти в книге Кана хоть какое-то разъяснение относительно того, что же случится с собственностью на средства производства — бесполезный труд: создается впечатление, что о ней забыли. Но разумеется, дело обстоит не так просто. Сознательно уходя от ответа на этот центральный вопрос, от которого зависит развитие общества в будущем, авторы всем духом своего повествования дают понять, что сохранение капиталистической системы хозяйства само собой разумеется.

Впрочем, Кан и его сотрудники в этих вопросах не оригинальны. Игнорируя собственность на средства производства и классовую борьбу как основной источник и стимул социальных изменений, они не очень заботились о поиске правдоподобной модели, которая могла бы объяснить причины и указать направления общественного прогресса, а, не мудрствуя лукаво, взяли за образец пресловутую концепцию «постиндустриального общества» Д. Белла. Вдоль оси «индустриализма» выстраивается ими и разбивка будущего по десятилетиям. Нижеприведенная таблица представляет квинтэссенцию всего их прогноза (см. с. 119).

Сразу же бросается в глаза великолепное и неповторимое сочетание «великий переход в долларах 1975 г.». Пожалуй, невозможно более лаконично выразить суть футуровидческих упражнений Г. Кана и его команды. И остается только восхищаться, с каким апломбом высчитываются вероятные сроки создания «постиндустриальных экономик» в различных странах, причем неизвестно, из каких соображений Советский Союз загнан чуть ли не на задворки общественного прогресса.

Впрочем, видимо, нам надо не обижаться, а быть довольными, что Кан и его коллеги снисходительно присоединили некапиталистические страны к группе так называемых передовых наций. Гораздо хуже обстоит в этом смысле дело с политикой. Стремясь предсказать, какие формы власти утвердятся в 2176 г., авторы пишут: «Многие страны станут относительно или хотя бы номинально демократическими. Вместе с тем некоторые демократии приобретут, возможно, более авторитарный,

200-летняя реалистическая перспектива
развития человечества (в долл., 1975 г.)

Год	1776	1976	2176
Население	750 млн. человек	4,1 млрд. человек	15 млрд. человек
Валовой мировой про- дукт (ВМП). ВМП на ду- шу населе- ния	150 млрд.	5,5 трлн.	300 трлн.
Подготовка	200 До 1776 г. 1776—1925	1300 Общества доиндустриального перио- да. 150 лет начальной индустриализа- ции Европы, Японии и Северной Америки.	20 тыс.
	1926—1955	Три десятилетия первых шагов ко всемирной индустриализации и воз- никновение обществ массового по- требления в Европе, Японии и Се- верной Америке.	
Решение главной задачи	1956—1995	Четыре десятилетия всемирного и быстрого роста экономики и населе- ния; начало возникновения суперин- дустриальной экономики; технологи- ческие кризисы и многие другие исто- рические повороты, например кульми- национные пункты в росте населения мира и, возможно, валового продук- та. (Первые шаги в космосе.)	
	1996—2025	В течение еще трех десятилетий про- должение начального этапа возник- новения постиндустриальных эконо- мик в европейских и некоммунисти- ческих странах, тяготеющих к Ки- таю, возможно и в СССР. Полное развитие супериндустриальных об- ществ и культур в передовых стра- нах. (Первые серьезные попытки ко- лонизации космоса.)	
	2026—2175	150-летний период возникновения по- стиндустриальных экономик почти всюду на Земле. (Создание динами- ческого общества в Солнечной си- стеме.)	
Возможная промежу- точная цель человечества	После 2176	Полное развитие постиндустриальных институтов и культур почти всюду на Земле. (Человек обращается к созданию таких обществ повсюду в Солнечной системе, а также, воз- можно, к освоению звезд.)	

чем подлинно парламентарный, характер. Дело не в том, какой государственный строй лучше — демократический или авторитарный. Более важен тот факт, что богатое, технически развитое общество почти обязательно должно быть (по крайней мере вначале) в какой-то степени космополитичным, светским, пацифистским, релятивистским и, возможно, гедонистским»²⁵.

Пытаясь нарисовать картину «авторитарного» общества, можно, к примеру, представить себе узников концентрационного лагеря, наслаждающихся хорошим питанием и ласковой заботой со стороны тюремщиков. Не приходится говорить, кому предсказывается подобная перспектива. В небольшую группу стран, которые, по мнению Кана, заслуживают быть отнесенными к числу демократических, входят государства «района атлантической протестантской культуры», а также Швейцария. В других районах демократия остается сравнительно непрочной, хотя она «уже начала укрепляться в Израиле, во Франции, в Западной Германии и Японии, а в меньшей степени — в Италии, Колумбии, Венесуэле, Сингапуре, Гонконге, Коста-Рике, Малайзии и, возможно, в Мексике и на Филиппинах». Во всех прочих (примерно 125) странах мира «фактически нет настоящей демократии»²⁶. Стоит ли после этого удивляться нелепым пророчествам, которыми изобилует книга «200 лет спустя», если исходной базой для футуровидцев служили подобные оценки? И вот что следует еще отметить. Далеко не случайно, что в довольно объемистой книге вопросам политики, политических систем и режимов посвящено буквально несколько абзацев. Это объясняется не только желанием обойти острые проблемы настоящего и будущего в «юбилейном прогнозе» и не только социальной ориентацией Кана и его коллег. Решающее значение имеет здесь философия «техноидиллизма», которой они вдохновлялись, вера во всемогущество экономического роста, в возможность с его помощью «уладить» любые социальные и политические проблемы, в том числе перепрыгнуть через пропасть, разделяющую в мире капитала классы и нации.

«Вульгарный экономизм» — так можно охарактеризовать концепцию прогресса, согласно которой содержание каждого этапа истории определяется почти исключительно формулой экономической деятельности и выводимым непосредственно из нее, минуя общественные отношения, типом культуры. Повторяя с незначительными коррективами схему К. Кларка, авторы следующим

образом описывают основные этапы исторического развития человечества.

«Первичная экономическая деятельность» является добывающей. Это главным образом сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, лесоводство и рыболовство. Соответствующие ей общество и культура могут быть представлены как организованные для «действий совместно с природой и против нее» и для защиты от «варварских вторжений и налетов».

«Вторичная экономическая деятельность» характеризуется строительством и производством. Ей соответствуют общество и культура преимущественно урбанистического типа, организованные для «действий совместно с материалами и против них, а также против природы». Другие важные виды вторичной деятельности — организация наступательных и оборонительных войн.

Возникающая постиндустриальная экономика будет вначале иметь черты обслуживающей. Здесь основную роль играет так называемая «третичная экономическая деятельность», а именно: обеспечение первичной и вторичной деятельности (например, транспорт, страхование, финансы, управление, просвещение, подготовка кадров). Природа становится сравнительно контролируемой. Утверждается организационный и профессиональный плюрализм в распределении власти и престижа, главной ценностью становится знание, а не опыт. Войны больше невыгодны, к широко организованному насилию прибегают в основном лишь в оборонительных целях.

Наконец, в XXI в. надо ожидать перехода к иному виду обслуживающей экономики — *четвертичной, или действительно постиндустриальной*. В ее рамках предшествующие виды деятельности составят незначительную часть человеческой активности. Все больше людей будет производить предметы для самих себя, цели станут важнее средств. Фактически, замечает Кан, «будет существовать тенденция к выбору таких средств, которые являются и целями, одновременно во многих случаях различие между целями и средствами будет постепенно исчезать». Подобное положение часто обнаруживается и в первичном, или доиндустриальном, обществе; по существу между нашими представлениями о возможном постиндустриальном обществе и многих доиндустриальных обществ имеется немало сходства. Четвертичное общество может быть охарактеризовано как направляющее усилия людей на «действия совместно и

против самих себя, совместно и против других людей, совместно и против сообщества людей»²⁷.

Как видно, здесь эклектически перемешаны различные воззрения. Чего только нет в образовавшейся «куче»: от некоторых компонентов «четвертичной цивилизации» Ж. Фурастье до туманных намеков на гегелевский закон отрицания отрицания; от разумных соображений о необходимости нового подхода к выбору средств достижения целей до высокопарных и теоретически неграмотных допущений об исчезновении вообще каких-либо различий между средствами и целями.

Словом, чтобы расчистить этот новый Авгиев завал, нужен Геракл. Да и так ли уж нужно браться за это? Малообоснованные и путанные пророчества Кана и «кановцев» обнаруживают лишь *убогость футурологической мысли*.

Этот вывод, пожалуй, можно сделать главным и для общей оценки рассмотренного прогноза. Подход к историческому процессу, на котором он основывается, и рисуемая им перспектива отличаются отсутствием подлинного воображения. Мироустройство конца XXII в., в полном смысле слова исчисленное в долларах, при заманчивых посулах изобилия, веселья и радости — это крайне не скучный и бездуховный общественный порядок, который не может стать желанной целью ни для какого серьезного политического течения, даже правого толка. Тем более не может согласиться с ним революционное и демократическое движение, ибо в американизированном буржуазном рае остаются практически в нетронутом виде все атрибуты прошлого: классовое неравенство, национальная рознь, неэквивалентный обмен, авторитарные системы правления и т. д.

В этом смысле утопия Кана (а сценарий, рассчитанный на два века, не может всерьез называться сценарием) несравненно беднее «Утопии» Томаса Мора или «Города Солнца» Томазо Кампанеллы, сумевших из глубины мрачного средневековья провидеть будущее гораздо более светлым и жизнеутверждающим взглядом.

А ведь Кан — наш современник. В его распоряжении были все знания, накопленные человечеством за четыре с половиной века, прошедших с той поры, как первый утопист сложил голову на плахе. И среди этих знаний — сокровища марксистско-ленинской теории. Нельзя, конечно, требовать от футурологов, чтобы они руководствовались учением научного коммунизма, в то время как их сверхзадача состоит в поиске жизнеспособной альтер-

нативы этому учению. Но они могли бы по крайней мере для успокоения профессорской совести использовать все, что благодаря марксизму вошло в прочный обиход любого социального анализа и в том числе употребляется наиболее серьезными представителями западной политологии.

Увы, Кан и его соавторы этого не сделали. В результате вместо попыток хоть как-то ответить на такие коренные вопросы, как тенденции и перспективы развития классовой борьбы, отношений собственности, производства и обмена, функционального и международного разделения труда, будущее механизмов власти и управления, возможности построения нового миропорядка, — вместо всего этого мы слышим в буквальном смысле жалкий лепет относительно того, что людям XXII в. в условиях изобильной Америки придется заниматься гимнастикой, подобно древним афинянам, и «научиться быть джентльменами и леди, которые проводят свое время, занимаясь с успехом трудными, если и бесполезными делами»²⁸.

Вообще, угадывать детали быта, вместо того чтобы концентрировать внимание на узловых проблемах социальной жизни, свойственно многим западным футурологам. К примеру, в монографии «Европа в 2000 году» утверждается, что общество будущего станет более серьезным, веселье и радость сохранятся, но будет меньше фривольности и т. д.²⁹ А ведь милые догадки относительно того, как будут развлекаться наши потомки, заслуживают снисхождения, когда их встречаешь, скажем, у бытописателя Л. Мерсье³⁰, но не у наших современников, причисляемых к сонму людей науки и использующих ЭВМ, чтобы вычислить параметры завтрашнего дня. «Сочинять» будущее — это функция научной фантастики. Функция науки — исследовать его.

Почему же, спрашивается, футурологов так тянет на всевозможные выдумки? Разумеется, прежде всего потому, что это несравненно проще. При известной сноровке можно выдавать футуропророчества в любом количестве, какое способен поглотить рынок. А спрос на них нынче почти так же велик, как на предсказания астрологов. Люди, живущие в условиях гонки ракетно-атомных вооружений, безработицы и галопирующей инфляции, чувствуют себя неуютно, им до отчаяния хочется верить, что апокалипсиса удастся избежать, а день грядущий окажется милосердней или по крайней мере не-намного хуже дня сущего. И в полном соответствии с

законами капиталистического производства футурологи используют конъюнктуру, поставляя массовому потребителю «оптимистические пилюли будущего», изготовленные по принципу «что угодно!».

Вот в чем квинтэссенция того направления футурологии и протнотики, которое олицетворяет Г. Кан и которое может быть с полным основанием названо *коммерческим*. Причем коммерция в данном случае не простая, а в высшей степени идеологизированная, сочетаемая с вполне определенным политическим расчетом. Предлагая свои прогнозы, футурологи этого направления руководствуются не только спросом на пророчества, но и социальным заказом, так же как служители религиозных культов, современные жрецы «культа будущего» отвлекают людей от злободневных проблем общественной жизни, уводят их от борьбы за обновление мира.

Американский социолог Э. Боулдинг именует это направление футурологии технократическим (в отличие от гуманистического) и причисляет к нему помимо Кана таких теоретиков, как Б. де Жувенель во Франции, Д. Гарбор в Англии, Ф. Бааде в ФРГ, Д. Белл, Э. Винер и другие в США. По его свидетельству, они помогают правящим кругам разрабатывать социально-экономическую стратегию удержания власти и четыре пятых их работ финансируется правительствами, военными учреждениями, крупными корпорациями. Так что футурологическая экспертиза становится монополией господствующего слоя в национальном масштабе и богатых капиталистических наций — в международном³¹.

С этими оценками нельзя не согласиться. И как раз в силу своей классово-буржуазной ангажированности протнотики с Гудзона уступают не только утопистам XVI в., но и тем своим коллегам, которые стремятся более объективно оценить реалии эпохи, пусть не в полной мере, но принимают во внимание социальный фактор, не чураются кое в чем прислушаться к голосу марксистов.

Речь идет в первую очередь о футурологах гуманистического направления³², к которым можно отнести таких известных западных ученых, как Ф. Полак, Р. Юнк, О. Тоффлер и ряд других. Речь идет также о протнотиках, сгруппировавшихся вокруг Римского клуба. Причем не только о тех, кто, по нашему мнению, продвинулся дальше других в постижении тайны грядущего (Месаровиче, Тинбергене, Ласло, Печчеи и их коллегах), но также о Медоузе — авторе того самого доклада

«Пределы роста», который стал «возмутителем спокойствия» в западных научных кругах и породил дискуссию, не утихающую до сих пор.

Такое утверждение может показаться парадоксальным: ведь Г. Кан опровергает концепцию якобы неизбежного апокалипсиса. И именно поэтому «200 лет спустя» встретили в целом благожелательный отклик на страницах некоторых прогрессивных изданий. Все так. Но мы можем объяснить это лишь тем, что *псевдооптимизм* приняли за чистую монету, громко пропетый с берегов Гудзона гимн капиталистической предприимчивости был по ошибке принят за гимн прогрессу. Что касается Д. Медоуза, то, хотя он предложил неверное решение, его заслугой является сама постановка проблемы, причем в столь острой форме, что к ней было привлечено внимание широкой общественности³³.

Есть, правда, одно обстоятельство, которое в какой-то мере «извиняет» Кана и его сотрудников: они не только не претендуют на достоверность своего сценария, но сплошь и рядом оговариваются, что могли бы составить и противоположный по смыслу. Пресловутое «что угодно!». Уместно ли предъявлять какие-либо претензии к людям, которые играют в поддавки?

Уместно, и прежде всего потому, что намеки на противоположный сценарий — это блеф. Не станут авторы «200 лет спустя» вместо рая рисовать ад, ибо они *буржуазные техноидиллисты*. Вдобавок, как уже подчеркивалось, сценарий их представляет своего рода оду к юбилею США, и потому описываемое ими благоденствие в 2176 г. — это благоденствие главным образом для американцев и по-американски. Какой тут может быть иной сценарий? Все жестко запрограммировано.

Сам Кан, как и многие другие футурологи, является сторонником «самооправдывающегося пророчества», суть которого состоит в том, что прогноз, способный воздействовать на умы, тем самым создает реальные предпосылки для его осуществления. Эта концепция, по справедливому замечанию Э. Араб-Оглы, выгодна для футурологов, поскольку позволяет им занять, казалось бы, «неуязвимые позиции», т. е. объяснить свои неоправдавшиеся «футурибли» тем, что люди поверили не тому, кому следовало, и, стало быть, не вправе винить кого-либо, кроме самих себя³⁴.

Заявив, что перспективы капиталистического Запада всецело зависят от того, кому поверит общественное мнение, оптимистам или пессимистам, оракул футурологии

обрушился на прогноз Медоуза: «Это не просто пессимистический взгляд на вещи, а самый верный путь быть ввергнутым в бедствия, породив самооправдывающееся пророчество»³⁵. Но можно и спастись. Для этого надо всего лишь поверить радужным расчетам Гудзоновского института.

Что ж, будучи оптимистами по духу своего мировоззрения, мы не разделяем оптимизма Г. Кана, так же как, естественно, и пессимизма Д. Медоуза. Пророчества футурологов, за исключением некоторых рациональных догадок и предположений, не имеют шансов на реализацию, ибо не учитывают объективных тенденций общественного развития, не считаются с революционным содержанием современной эпохи.

П. Хаукен, Д. Оугилви, П. Шварц:
будущее на ощупь

Г. Кан — ас футурологии, который, как мы имели возможность убедиться, рассуждает о будущем с таким апломбом, словно само провидение нашептывает ему на ухо. У него немало подражателей, но большинство западных исследователей *terra futura* предпочитают высказываться более аккуратно, претендуя не столько на сенсацию, сколько на солидность и реализм. Причем такой подход с бегом времени все больше превалирует, обнаруживая явное преимущество перед необузданным полетом воображения. Но увы, коренные пороки буржуазного образа мышления сказываются здесь, пожалуй, даже сильнее. Да это и понятно: чем конкретнее ставится задача, чем уже угол зрения, тем очевиднее дают о себе знать слабость, ошибочность общей методологии.

Впрочем, удостоверимся в этом сами. Перед нами изданная в 1982 г. книга трех американских авторов «Семь сценариев будущего»¹. Почему семь? Потому что будущее неопределенно, многовариантно, оно зависит от путей, которые мы выбираем. Официально заявленная цель исследования и состоит в том, чтобы показать людям, какими возможностями они располагают: «Нам нужно какое-то будущее, чтобы можно было в него верить»².

Эта мысль проводится довольно последовательно. Чуть ли не на каждой второй странице книги мы встречаем оговорку, что авторы не претендуют на точный прогноз, а хотят лишь дать пищу для размышлений по известному принципу: если мы будем действовать так, может случиться то-то и то-то. Столь же настойчиво они подчеркивают, что идеи и предложения, выдвинутые в книге, будь они приняты, позволили бы избежать опасности, которую таит в себе будущее, благополучно в нем обосноваться. В этом смысле характерен подзаголовок книги «На пути к сознательному построению истории». Это уже претензия, и следует посмотреть, насколько она оправдана.

Вдобавок читателю сообщают, что работа представляет собой итог более чем десятилетних исследований, выполненных большой группой ученых и экспертов Стэнфордского международного исследовательского института, в ходе которых были проанализированы около сотни показателей, включая динамику потребления продовольствия, темпы распространения пустынь, демографические данные, распределение ресурсов и т. д. Не обошлось, разумеется, без использования вычислительных машин. Все это не может не внушать почтения: уж если большой коллектив специалистов в поте лица трудился десять лет, да еще с помощью современной чудодейственной электроники, то результаты должны быть впечатляющие!

Методология

Итак, речь идет о семи «правдоподобных сценариях на 80-е и 90-е годы». Эти сценарии не являются ни прогностическими, ни нормативными; они «предполагают, что проблемы и мнения, с которыми мы столкнемся, потребуют более серьезного и умного отношения к нашей будущей судьбе, чем просто мольбы о том, чтобы было побольше материальных благ и поменьше неопределенности»³.

Но если сценарии не отвечают понятию прогноза или плана, то что же они собой представляют? Ответ таков: серию альтернатив. Почему бы и нет? В конце концов никому не возбраняется разнообразить способы познания исторической перспективы. Был бы толк.

Стремясь четко отмежеваться от других футурологических сочинений или, вернее, подчеркнуть свою самобытность, авторы заявляют, что до сих пор в фокусе самых известных работ о будущем находился один наиболее вероятный вариант. В качестве примера приводятся «Следующие 200 лет» Г. Кана, «Постиндустриальное общество» Д. Белла, «Пришествие темного века» Л. Ставриноса, «Взгляд на перспективу человека» Р. Хейлбронера, «Век перерыва постепенности» П. Друкера, «Человечество на перепутье» М. Месаровича и Э. Пестеля, «Конец мечты» Ф. Уилли, «Стратегия генезиса» С. Шнайдера, «Третья волна» О. Тоффлера и «Блуждая на пути к бережливости» У. Джонсона.

В отличие от этих «одновариантных» прогнозов, подчеркивают стэнфордские футурологи, их задача заключается в том, чтобы очертить «диапазон реальных воз-

возможностей, зависящий и от нашего воображения, и от нашей воли, так как будущее, в котором мы неизбежно будем жить, в значительной степени, если не полностью, будет результатом выбора, который мы для себя сделаем сегодня»⁴. Не без ехидства они пишут о тех, кто рисует будущее одной краской — черной или розовой, не учитывая его многоцветия.

Для понимания избранной методологии полезно познакомиться и с тем, как определяется смысл сценария, тем более что на этот счет в футурологии немало путаницы: одни по сути дела отождествляют сценарий с моделью, другие приравнивают его к «вольному прогнозу» и т. д. По словам авторов, концепция сценария взята ими из кинематографа, где сценарий представляет собой порядок следования сцен, с помощью которых раскрывается тот или иной сюжет. В этом смысле он представляет собой нечто большее, чем изложение интриги, но нечто меньшее, чем сам фильм. Точно так же со сценарием будущего: он несколько больше, чем простой перечень возможностей, но меньше, чем сама будущая история.

Следующий момент, на котором заостряется внимание, — это *социальные факторы*, имеющие шансы стать наиболее мощными движущими силами перемен в предстоящий исторический период. В числе их называются, во-первых, оживление интереса к религии и, во-вторых, подъем женского движения. Отсюда следует, что американские футурологи не ожидают особой активности ни от рабочего класса, ни от молодежи, интеллигенции, средних слоев населения, нацменьшинств (в первую очередь негров, поскольку речь идет о США). На роль источника перемен не должны, видимо, претендовать и идеологические доктрины. Это не может не вызвать недоумения: можно ли заглядывать в завтрашний день с таким бедным набором социальных факторов, сбрасывая со счетов потенциальное воздействие на формирование будущего всех основных социальных слоев и политических движений современного общества? Надо быть уж слишком джентльменами и верующими, чтобы усматривать движущую силу истории только в активности прекрасного пола и религиозных чувствах.

От социальных факторов авторы переходят к предположениям своего предвидения, имея в виду те процессы, которые будут оказывать существенное влияние на формирование будущего. Первое место среди них по справедливости отведено развитию международных отношений. Существо дела характеризуется следующим обра-

зом: мир неспокоен, он движется от двухполюсного к многополюсному, а мировой войны скорее всего удастся избежать. Последнее предположение оценивается как аксиоматичное, ибо ядерная война означала бы конец всякого будущего⁵.

Резонная мысль. Вместе с тем кажется странным столь поверхностный, что ли, подход к анализу международной обстановки, способной оказывать огромное влияние на перспективу развития США, как и любой другой страны мира. Здесь наглядно сказалась одна из особенностей американского политического мышления. Нельзя сказать, чтобы оно вовсе не считалось с реалиями эпохи, которой свойственна невиданная в прошлом интернационализация мировой хозяйственной и общественно-политической жизни. Но, учитывая этот фактор в своих прогнозах, американские теоретики сознательно или бессознательно принижают его значение. В их головах царит привычное представление о том, что именно США принадлежит решающее слово в формировании будущего всего человечества. Такая имперская амбиция может быть хорошо выражена дополнением известной фразы: «То, что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для всей Америки... ну а то, что хорошо для Америки, хорошо и для всего мира».

В числе других предпосылок, принимавшихся в расчет при разработке альтернативных вариантов будущего, авторы называют непомерный рост государственного долга США, рост преступности в стране, деградацию природной среды, опасность, связанную с бесконтрольным применением новой технологии и милитаризацией космоса. Они предпринимают попытку некоторой формализации, сводя соответствующие данные в таблицу и сравнивая два периода: послевоенный (1945—1973 гг.) и «последний» (1974—1980 гг.). Судя по таблице, едва ли не по всем показателям обстановка значительно ухудшилась. Отсюда делается вывод, что якобы в послевоенный период будущее было предсказуемо, а в последние годы — нет.

Нечего говорить, что подобное заключение носит искусственный характер. Предсказуемость или непредсказуемость исторической перспективы определяется не содержанием того или иного отрезка времени, преобладанием позитивных или негативных тенденций, а уровнем развития прогностики. Стоит только обратиться к литературе 50-х и 60-х годов, полистать периодику той поры, чтобы убедиться, что и тогда не было недостатка в се-

тованиях на невозможность более или менее достоверно предсказать ход грядущих событий.

Далее стэнфордцы предлагают читателю перечень так называемых *ориентирующих тенденций* — возможных условий развития в таких областях, как энергия, климат, продовольствие, экономика и ценности. По существу все сводится к элементарному набору возможностей. Так, прирост энергии будет либо высоким, либо нулевым; климат — либо благоприятным, либо изменчивым; продовольствия окажется в достатке или его будет не хватать; в экономике возможен нормальный рост, а возможен спад или даже крах; господствующие в обществе ценностные ориентации будут определяться либо упором на материальное приобретение, статус, славу, богатство, либо на выживание, либо, наконец, на бережливость, под которой понимается самоотграничение в потреблении и ориентация на принципы эволюционной этики человека, живущего в природе.

Как видим, вся метода состоит в предположении, что будет хорошо, плохо или ни то ни другое. Разумеется, тут возразить нечего. Вопрос, однако, в полезности сценариев, построенных на столь шаткой основе. Не похоже ли это на размышления беспечного землепашца, который, отправляясь на покой, говорит себе: «Утро вечера мудренее; будет хорошая погода — поработаю в поле, пойдет дождь — лягу спать». Его более трудолюбивый сосед так не поступит. Он выйдет с вечера на крыльцо и по своим приметам прикинет, чего ожидать на завтра — непогоды или ведра. Ведь если завтра быть пахоте, к ней надо подготовиться. А уж в наше время ориентироваться на «либо-либо» просто прех, тем более что можно познакомиться с метеосводкой.

Иными словами, даже исходя из многовариантности будущего, не следует игнорировать указания на большую вероятность того или иного варианта. Возможные пути развития, если можно так выразиться, далеко не равнозначны. Есть более и менее вероятные, и весь смысл науки в том и состоит, чтобы не действовать наугад, а, внимательно изучив господствующие тенденции, определить самый вероятный ход событий. Да и слово «альтернатива» означает «не основной», иной, по сути дела запасной вариант. Грубо говоря: готовься к тому-то, но не исключай и возможности того-то.

Последуем, однако, за авторами дальше и воспроизведем их таблицу, имеющую ключевое значение для понимания избранного метода предугадывания будущего.

Слева в ней расположены «ориентирующие тенденции», а справа — соответствующие сценарии.

**Ситуационное расположение сценариев
по отношению к ценностным ориентациям
и «ориентирующим тенденциям»**

Высокий рост энергопотребления Благоприятный климат Изобилие дешевого продовольствия Обычная экономика	}	1. Официальное будущее
Контролируемый рост энергопотребления Изменчивый климат Изобилие дорогого продовольствия Обычная экономика	}	2. Зрелое спокойствие 3. Центр удерживается
Неудавшийся высокий рост энергопотребления Изменчивый климат Нехватка дорогого продовольствия Неустойчивая экономика	}	4. Апокалипсическая трансформация 5. Хронический развал
Снижение энергопотребления Ухудшение климата Нехватка дорогого продовольствия Экономический крах	}	6. Жизнь по средствам 7. Начало страданий

Обратите внимание: никакого выбора альтернатив в таблице не заложено, ибо исходные события предопределяют характер сценария. Едва ли нужно десять лет обрабатывать на компьютерах данные, чтобы заключить, что если энергии не хватает, климат становится изменчивым, а продовольствие дорожает, то дело худо. Авторы сами не замечают, что их ирония в отношении пессимистов и оптимистов не помешала им повторить ту же ошибку. Из ухудшающихся условий делается вывод о возможности двух версий: либо общество приспособится (и тогда вступает в действие сценарий «Апокалипсическая трансформация», где после всевозможных передряг наступает счастливый конец), либо нет (и тогда уместен алармистский сценарий «Хронический развал»). То же самое в случае еще более негативных исходных условий: из них вытекает один оптимистический сценарий («Жизнь по средствам») и один пессимистический («Начало страданий»).

Стоит теперь познакомиться с принципом, на котором основаны предлагаемые сценарии. Он таков: берется сумма показателей, по которым приводятся данные 1980 г. и предполагаемые изменения к 2000 г. Число показателей невелико, и стоит здесь их перечислить. Это

население мира и Соединенных Штатов, мировой валовой продукт и внутренний национальный продукт США, доходы и потребительские расходы на душу населения в США, средняя цена на нефть в мире, энергопотребление. Далее рассматриваются источники энергоснабжения (собственная нефть, импортируемая нефть, нефтеносные сланцы, природный газ, уголь, обычные атомные станции, атомные станции на реакторах-размножителях, солнечная, гидроэнергия и т. п.). Выделяется доля доходов на жилище, продукты питания, одежду, медицинское обслуживание и транспорт. Следующие показатели, дающие представление об изменениях в производстве, сгруппированы в два небольших раздела. Первый — растущие и умирающие отрасли и сферы экономики, второй — профессии, спрос на которые растет, и профессии, спрос на которые падает.

Что касается мирового аспекта, то он сводится к перечню стран с самыми высокими темпами роста ВВП в 1995—2000 гг., стран с самыми низкими темпами этого роста и стран с застойной экономикой. Последний показатель заслуживает особого внимания. Он лучше всего позволяет понять методику, которой руководствуются авторы в оценке перспектив. Поэтому вычленим высказанные на этот счет предположения из всех сценариев и сопоставим их (чтобы не повторять названия сценариев, будем пользоваться цифровыми их обозначениями — от 1 до 7).

Итак, какие же страны, по мнению исследователей из Стэнфордского университета, будут иметь самые высокие темпы ВВП в 1995—2000 гг.? Ответ таков: 1. Бразилия, Малайзия, Нигерия, ЮАР, Мексика, Южная Корея, Индонезия, Филиппины, КНР. 2. Япония, Южная Корея, Тайвань, КНР, Малайзия, Сингапур, Индонезия. 3. Япония, ФРГ, США, Франция, Мексика, Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Австралия, Израиль. 4. (Поскольку речь идет о сценарии «Хронический развал», здесь несколько меняется формулировка, а именно: вместо показателя «страны с самым высоким ВВП» говорится о странах, которым «удастся выжить».) — Норвегия, Бразилия, ЮАР, США, СССР, Канада, Франция. 5. (Вновь старая формула о самых высоких темпах роста ВВП.) — Япония, ФРГ, Франция, Китай, Канада, Швейцария. 6. (Вновь речь идет о странах, которым удастся выжить.) — Япония, КНР, США, Канада, Норвегия, ФРГ, Бразилия, Саудовская Аравия, ЮАР, Франция. 7. (На этот раз называются «экономи-

чески развивающиеся страны».) — Австралия, Канада, Норвегия, Китай, Бразилия, ЮАР.

Произведя примитивный подсчет, получаем следующие результаты. Больше всех повезло Китаю, ЮАР и Бразилии: они по пять раз попали в «благополучный список». Неплохая отметка у Японии и Франции: им выставлено по 4. Среднюю степень выживаемости и способности к развитию исследователи обнаружили у Южной Кореи, ФРГ, США и Канады. Дважды повезет Мексике, Индонезии и Норвегии. Наконец, по разу удостоились чести приобщиться к тем, кто преуспевает или хотя бы сумел выжить, Нигерия, Филиппины, Сингапур, Швейцария, Италия, Саудовская Аравия, Австралия и (слава богу!) Советский Союз.

Прежде всего возникает вопрос, что будет с другими странами, которые вовсе не значатся в списке? Если взять все страны, упоминаемые в сценариях, как с хорошими шансами, так и с неважными, то их насчитывается всего несколько десятков. На Земле, как известно, существует более 170 государств. Какая участь ожидает, скажем, Болгарию и ГДР, или Бельгию и Финляндию, или Аргентину и Кувейт, остается тайной. То ли не хватило запасов мощности у счетной техники, то ли авторы сочли, что эти страны не заслуживают внимания. Как бы то ни было, за пределами их исчислений осталось чуть ли не полмира.

Еще более восхищает та легкость, с какой экзаменаторы из Стэнфорда выставляют оценки экономике различных стран. Как видно из приведенного списка, в него, за исключением Советского Союза, не попало ни одно из государств социалистического содружества, несмотря на то что большинство из них имеет высокие и устойчивые темпы экономического роста. Да и СССР включен не потому, что он располагает мощными ресурсами, развитым народным хозяйством, квалифицированными кадрами и т. д., а только потому, что, оказывается, когда весь мир будет разваливаться, ему в числе немногих других счастливицов удастся выжить. Впрочем, что касается социалистических государств, то объяснение простое, заключается оно в предвзятом отношении буржуазно ориентированных теоретиков к социализму. Здесь; так сказать, идеологическая подоплека. И каковы бы ни были реальные показатели развития народного хозяйства в социалистических странах, стэнфордцы все равно их не примут. Разумеется, это не делает чести их научной добросовестности, но бог с ними.

Вот уж чего совсем нельзя понять, так это произвольного распределения хороших шансов между капиталистическими странами с развитой экономикой. Почему, скажем, Франция получила четверку, ФРГ — тройку, а Швейцария — единицу. Для подобных выводов не дают никаких оснований ни экстраполяция данных за прошедшее время, ни прогнозы экспертов-экономистов.

Или другой пример. Выставляя пятерку Бразилии, авторы учитывали как богатейшие природные ресурсы этой страны, так и довольно быстрый, хотя и неупорядоченный, несбалансированный экономический рост на протяжении последнего десятилетия. Но разве можно сбрасывать со счетов тот факт, что как раз в последний период бразильская экономика столкнулась с серьезными трудностями, выражением чего является ее колоссальный внешний долг, достигающий почти 80 млрд. долл.? Или не принять в расчет острые социальные и политические противоречия, являющиеся следствием многолетнего господства военных?

Если верить авторам, особенно худо придется в предстоящем 20-летию Великобритании. Она, едва ли не единственная из всех стран, четырежды угодила в «плохой список». Причем в сценарии «Жизнь по средствам» ей прочат участь экономически деградирующей страны. Здесь авторы могли бы сослаться на то обстоятельство, что на протяжении многих лет британская экономика переживает хронический застой, как, впрочем, и экономика Соединенных Штатов, а также и большинства других стран капиталистического мира. Но по меньшей мере легкомысленно не учитывать тех возможностей, которыми располагает английская промышленность (в частности, добыча нефти в Северном море), потенциала и хватки британского капитала. Да, британский лев одряхлел, но не настолько, чтобы петь по нему отходную.

Но может быть, мы несправедливы и у авторов были какие-то критерии, на основе которых страны распределялись по белому, черному и нейтральному спискам. Может быть, все зависит от условий, лежащих в основе каждой версии альтернативного будущего? Проверим это предположение на одном примере. В первом сценарии, согласно которому у американцев будут наиболее высокие доходы, США не значатся ни в списке стран с самыми высокими темпами ВВП, ни в перечне тех, кому предрекают экономический застой. За счет чего будет достигаться прирост доходов — остается секретом. Зато Соединенные Штаты появляются в списке стран

с самыми высокими темпами экономического роста в сценарии № 3. И это несмотря на то, что во введении к сценарию указано, что экономика США в этом варианте развивается медленными темпами⁶.

И еще одна перепроверка. Мексике обещают самые высокие темпы роста ВВП в первом сценарии и зачисляют ее в число экономически деградирующих стран в последнем. При сравнении экономических условий, определяющих тот и другой сценарии, мы не найдем никаких показателей, на основе которых можно было бы вынести подобное суждение, за исключением одного. Речь идет о цене на нефть в мире. И самое любопытное заключается в том, что по этому критерию следовало бы сделать вывод прямо противоположного свойства. В самом деле, согласно первому сценарию, средняя цена на нефть в мире будет равна 50 долл. за баррель, а последнему — 100 долл. Выходит, что Мексика, являющаяся одной из крупных нефтедобывающих стран, будет процветать при низкой цене на нефть и деградировать при высокой. Электронные мозги, которыми пользовались стэнфордские исследователи, явно свихнулись.

Получив представление о методике исследования будущего, применяемой американскими авторами, пройдемся теперь бегло по самим сценариям.

Сценарии

Сущностью «Официального будущего» является «триумф технологии». В общих чертах это выглядит так: мощь Америки растет; положение в самых бедных странах значительно улучшится «благодаря лидерству США»; к концу 80-х годов в США будет насчитываться 10 млн. миллионеров; усилится неравенство в знаниях, профессиональном мастерстве и распределении доходов; вступление в полосу «информатизированного общества» приведет к потере секретности личной жизни; семья как ячейка общества будет продолжать распадаться; возрастет число самоубийц среди лиц среднего и престарелого возраста; США, Канада и Мексика объединятся в североамериканский промышленно-технологический союз; «распространение советской идеологии будет остановлено»; в третьем мире «произойдет отход от социалистических и марксистских устремлений».

Приведенные отрывочные характеристики представляют интерес прежде всего с той точки зрения, что, по утверждению авторов, такой перспективы жаждет

американская правящая элита. Что ж, здесь все знакомо. С одной стороны, несокрушимая, фанатическая, почти религиозная вера в то, что научно-технический прогресс позволит решить все острые проблемы современного капиталистического общества, а с другой — все те же имперские амбиции, претензии на руководящую роль в мире, надежды на спад, затухание революционного движения.

Все остальные сценарии, как мы уже говорили, расположены по парному принципу. Так их и стоит рассмотреть. Исходной точкой для сценариев № 2 и № 3 служит предположение, что, стартовав в 80-х годах «с подъемом и агрессивностью»⁷, Америка затем сталкивается с обострением экономических проблем: ростом безработицы, инфляцией, сокращением энергоснабжения и т. д. Правда, отрицательную тенденцию в конце концов удастся преодолеть, дальнейший спад производства будет приостановлен, но объем валового национального продукта уменьшится на 20%. Это приведет к некоторому сокращению жизненного уровня и породит социальные неурядицы: в городах станут появляться группы хулиганов, терроризирующих прохожих, оживится деятельность ку-клукс-клана и неонацистской партии, разрушатся синагоги, начнется «охота за ведьмами».

Так будет продолжаться до той поры, пока большинство американцев не убедится, что единственным ответом на усиливавшиеся бедствия является ужесточение руководства. В 1988 г. будет избран «крепкий» президент, который установит полутоталитарную форму правления, станет, грубо говоря, плевать на конгресс, с помощью национальной гвардии будет пресекать силой все проявления неповиновения, введет нечто вроде принудительного полурабского труда и пр.⁸ Одним из естественных следствий авторитарной власти станет усиление милитаризации страны. Вооруженные силы США, согласно сценарию, проведут несколько «успешных операций» на Филиппинах, Ямайке и в Иране, а американская интервенция в Мексике «предотвратит захват власти там марксистами»⁹.

Коренная разница между сценариями «Зрелое спокойствие» и «Центр удерживается» состоит, по словам авторов, в различной реакции на события двух десятилетий. В первом случае «мы учимся», тогда как во втором — «мы реагируем». Вместо того чтобы пассивно наблюдать, как все катится в пропасть, американцы осознают себя как нация, ломают идеологические

барьеры и приспособляются к неблагоприятным, но не столь уж пагубным переменам в экономике. Правые и левые находят нечто общее и объединяются в стремлении спасти страну. Правительство с помощью разумных, взвешенных мер стабилизирует положение в экономике, потребители ведут себя дисциплинированно и привыкают к бережливости, бизнес прекрасно сотрудничает с профсоюзами. Таким образом, если во втором сценарии преобладает антиутопия, то третий можно назвать полуутопическим.

Прибавив к исходным экономическим условиям еще на 20—30% неприятностей, получим базу, на которой строятся следующие два сценария. Метод и здесь очень прост. Предположим, что все будет хуже: экономический спад глубже, безработица, темпы роста инфляции выше, цена на нефть на мировом рынке существенно увеличится. Но это еще не все. Самое важное состоит в предположении, что общество будет крайне пассивно реагировать на грозные признаки ухудшающегося положения вещей, его охватят апатия, уныние и пессимизм, а в обстановке непрерывно поступающих дурных вестей любые защитные меры будут представляться бесполезными. Тогда события пойдут в русле сценария «Хронический развал», под которым понимается «будущее, лишённое рационального планирования»¹⁰.

Правда, эта версия, напоминающая стихийное бедствие, имеет своеобразный внешний первоисточник. Некий харизматический арабский лидер Бен-Рашад провозглашает финансовый джихад империализму. Он заявляет, что арабы до сих пор продавали нефть, чтобы снабжать и поддерживать алчную и расточительную западную экономику, которая платила за это деньгами, теряющими покупательную способность быстрее, чем об стороны успевают договориться о ценах. Чтобы покончить с таким положением вещей, надо на 50% снизить объем нефтедобычи. В результате резкого снижения энергопотребления в США прокатывается волна банкротств, люди не могут попасть на работу, на дорогах происходит серия катастроф... Впрочем, нет смысла описывать уже знакомую нам картину, достаточно взять сценарий «Центр удерживается» и добавить к нему изрядное количество черной краски.

Что любопытно в «Хроническом развале», так это его концовка. Когда хаос достигает апогея и возникает непосредственная угроза самой системе, вновь избранный президент США, очередная сильная личность, обра-

щается к народу с призывом предотвратить анархию и обещает железной рукой положить конец беспорядкам. После этого, как по мановению волшебной палочки, волна насилия спадает, на смену ей приходит «тихо вырastaвший декаданс». Люди, окончательно разочарованные, потерявшие надежду на прогресс, замыкаются в себе и предаются наркомании или сексуальному разгулу. Экономика влачит жалкое существование, обеспечивая удовлетворение минимальных потребностей. Америка медленно, но неуклонно движется к упадку.

Читатель помнит, что точно такой способ предотвратить распад всех связей и гибель общества предусмотрен в «1985» Э. Берджеса с той разницей, что там апеллирует к разуму и наводит порядок английский король, а здесь — американский президент. Мотив сильной личности, спасающей гибнущую цивилизацию, не нов ни в реальной политике, ни в политической литературе. Однако, если в реальной жизни речь всегда идет о бонапартистской модели, о предотвращении полного развала ценой тотального насилия, то в данном случае решающее значение придается призыву к здравому смыслу. И в этом есть своя внутренняя логика: поскольку утверждается, что главный источник бедствий заключен в человеческой психике, в неспособности людей организованно противостоять негативным тенденциям, постольку исправить положение или хотя бы приостановить бег к пропасти, оказывается, способен лишь поворот в общественном сознании.

Следующий сценарий («Апокалипсическая трансформация»), по словам авторов, «иллюстрирует монументальную волну решительных перемен, начиная от развала, через глубочайший экономический спад к социальной, а затем к человеческой трансформации». В соответствии с названием он начинается с апокалипсиса, хотя, может быть, и неполного. Здесь к развалу экономики и упадку культуры в Соединенных Штатах добавляются фатальные осложнения на мировой арене. Повинна в них, разумеется, «эта коварная Россия», которая начинает войну в космосе. Американский президент велит нанести ответный удар, и Соединенные Штаты выигрывают схватку. Сбитые советские ракеты падают на Стамбул, сгорающий в огненном вихре. Хотя путем переговоров удастся предотвратить тотальную ядерную войну, паника, охватившая американцев, не ослабевает, и страна впадает по существу в состояние полной анархии¹⁴.

Кто же окажется спасителем на сей раз? Такая роль предназначается некоему Малколму Эссенду, проповеднику «нематериалистической этики». Этот новейший мессия не претендует на создание новой религии, апеллирует в равной мере к христианам и буддистам, мусульманам и иудеям, призывая их не делать упора на материальных ценностях, а сосредоточиться на самосовершенствовании и духовных упражнениях. Благодаря Эссенду происходит переоценка ценностей, и все более или менее улаживается.

Авторы признают, что из всех сценариев этот наиболее умозрителен и наименее правдоподобен. Однако в нем, как они утверждают, заложен ключ к достойному будущему, которого невозможно достичь без преобразования как социальных отношений, так и природы человека. «Наш тезис,— пишут авторы,— заключается в следующем: двигаясь к социальному краху по версии «Хронического развала», мы обнаруживаем, что для устранения охватившего людей глубокого беспокойства нужно нечто большее, чем природный газ или рубленый бифштекс. Маловероятна возможность приблизиться к такому пониманию без глубоких травм и кризисов. Зато после них глубокая религиозность американского образа жизни способна стать таким же доминирующим фактором, каким она была при зарождении нации»¹².

Вот и вся трансформация! Оказывается, дело не в перестройке классовой структуры и политической системы, не в ликвидации социального неравенства, а в возвращении к богу в результате взрыва религиозного чувства.

Известно, что богостроительство всегда было признаком утраты политической перспективы: когда классы и социальные слои, уходящие с исторической арены, не видят реального выхода из подстерегающих их катастроф, они ищут последнее убежище во всевышнем. Здесь, однако, стоит указать на один весьма существенный момент. Богостроительство и богоискательство в начале века и тем более в прошлые времена одухотворялись скорее чувством, нежели рассудком, порождались страхом и смятением перед непостижимыми социальными катаклизмами. Такой элемент в какой-то мере присутствует и в богоискательстве стэнфордских футурологов. Но преобладает в нем не чувство, а прагматический расчет. Бог им нужен не столько для того, чтобы обрести спасение или вернуть себе душевное равновесие, сколько для того, чтобы дисциплинировать неудовлетворенного потребителя. Он выступает в качестве своего рода стра

жа общественного порядка. К данному случаю вполне применимо знаменитое изречение Вольтера: «Если бы бога не было, его надо было бы выдумать!» Это своеобразное «технократическое богоискательство» — продукт века расщепления атома и электронных вычислительных устройств.

Пытаясь как-то обосновать свой умозрительный сценарий, авторы ссылаются на то, что в истории человечества уже случались массовые религиозные перевороты, а в XVI в. «Томас Мюнцер обратил тысячи людей в новую веру, породив тем самым глубокие социальные последствия». Они, видимо, имели в виду Мартина Лютера. Мюнцер же исповедовал взгляды, близкие к утопическому коммунизму, и его призыв возродить «истинно христианские порядки» служил прологом к крестьянской революции. В отличие от этого бог Малколма Эссенда призван утихомирить мятущееся общество и предотвратить революцию, потребовав от людей довольствоваться малым. В конечном счете его главная функция — спасти существующую в США социально-экономическую систему.

Наконец, два последних парных сценария. В «Начале страданий» описывается будущее, в котором становятся явью все наихудшие опасения, за исключением разве что ядерного побоища. Экономики почти не существует, поскольку «исламские террористы разрушили мировую нефтяную сеть»; в Соединенных Штатах начался голод, фашистские банды «белорубашечников» жгут книги, воцаряется всеобщее насилие; накануне полного краха находится и Европа. На сей раз авторы даже не видят какого-либо выхода из положения, поскольку исключается предположение о сильном президенте и новоявленном спасителе.

Такой выход намечается в последнем сценарии «Жизнь по средствам». Здесь люди сумели приспособиться к неблагоприятным тенденциям экономического развития. На первый план вместо потребления вышло «личное удовлетворение», восторжествовал эмерсоновский идеал «скромной жизни и высокого духа». Каким же образом совершилось чудо? Оказывается, благодаря тотальной децентрализации.

Экономический хаос вызвал ослабление центральной власти и усиление автономии штатов, внутри самих штатов произошло дальнейшее обособление отдельных районов, сформировались более или менее самообеспечивающиеся общины. На первых порах им пришлось

трудно, но постепенно наиболее негативные последствия развала были ликвидированы, люди привыкли жить со скромным достатком, перенесли упор на духовные ценности, на общение между собой. Как-то само собой все успокоилось и на международной арене, даже Советский Союз, занятый внутренними проблемами, отказался от мысли напасть на Соединенные Штаты. А в результате всего этого Америка «не просто выжила, она возродилась»¹³.

Надо сказать, что идея децентрализации как якобы единственно возможный вариант спасения западной цивилизации не является новой. Можно привести, например, рассуждения английского теоретика Н. Паркинсона, бывшего председателем консервативной партии Англии. Он уверяет, что будущее Европы лежит... в средних веках, так как система феодальных княжеств гораздо лучше приспособлена для отражения внешней экономической, идеологической и культурной экспансии, государства-крепости способны более энергично отстаивать присущий им уклад и вместе с тем, когда речь идет о военном нашествии, приходиться друг к другу на помощь.

Поэтому, заявляет Паркинсон, имеет смысл сохранить национальное правительство лишь для целей обороны, все прочие вопросы, касающиеся безопасности, финансов, образования, экономики, здравоохранения, могут решаться провинциальными или даже общинными властями. Только благодаря такой децентрализованной системе можно спастись от давления «азиатчины», которая ощущается во всем — «от японских автомобилей до китайских ресторанов, от индийской системы йога до буддизма, от марксизма до дзюдо»¹⁴.

У консерватора Паркинсона главный смысл децентрализации — в защите от внешней опасности, под которой понимается не только вооруженная агрессия, но и проникновение якобы чуждых Западу идейных и этических ценностей. Футурологи из Стэнфорда видят в ней средство преодоления кризиса системы, придания ей большей стабильности. По их мнению, неуклюжий и громоздкий Левиафан не в состоянии справиться с угрожающими Америке новыми тенденциями; гораздо более устойчива и способна приспособливаться к действительности XXI в. гибкая политическая структура, состоящая из непроницаемых отсеков: если даже отдельные из них погибнут, другие сохранятся, и корабль останется на плаву. «Признаемся, — пишут авторы, — что предпочитаем децентрализованное будущее с низкими

темпами роста, основанное на возобновимых источниках энергии, будущее, которое обеспечивает разнообразие систем ценностей и образов жизни»¹⁵. По существу речь идет о возврате к патриархальному образу жизни, евангельским заповедям и феодальной раздробленности. Это — клич, зовущий не вперед, а назад.

Таково содержание семи сценариев. Ну а в чем же обещанное авторами «сознательное построение истории»? На этот вопрос отвечает заключительная часть исследования. Она сводится к банальным советам по вопросам энергетической политики (проявлять бережливость и экономию, разрабатывать новые синтетические виды топлива, перевести промышленность с нефти на уголь и т. д.), а также к не слишком оригинальным рекомендациям в интересах создания так называемой культурной или экологической экономики.

Специальная глава посвящена перспективам ядерной войны. Здесь можно встретить затасканные штампы буржуазной пропаганды вроде того, что «с точки зрения Советского Союза мир представляется местом междоусобицы и вражды», что «СССР будет использовать политическую нестабильность во всех районах мира»¹⁶. В то же время авторы предостерегают своих соотечественников от антисоветской истерии, от того, чтобы видеть в Советском Союзе «источник всех зол», в чем настойчиво пытается уверить их реакционная американская пропаганда. Стэнфордцы резонно замечают, что искусственно подогреваемая ненависть «разрушала бы Америку так же, как яд войны, и привела бы ее к ситуации, описанной в романе Оруэлла «1984»»¹⁷.

В заключение авторы делают попытку начертать некую «преобразовательную альтернативу» на основе соотносительного рассмотрения следующих ценностей: свобода, социальный порядок, разнообразие, сила, предсказуемость и мир. Они приводят две таблицы, в которых характеризуется отношение правого и левого крыла американской политической элиты к актуальным проблемам развития страны, а затем интегрируют эти оценки, в результате компромисса и получается искомая альтернатива¹⁸.

Подведем итоги. По ходу изложения сценариев мы уже обращали внимание на их противоречивость, абстрактность, схематизм, бездоказательность и другие существенные недостатки. Но главный порок методологии американских футурологов заключается в полном игнорировании коренных экономических и социальных

факторов, определяющих характер и тенденции развития общественных систем. В работе отсутствуют такие фундаментальные понятия, как собственность, классы и классовая борьба. Словом, это рассуждения на до-марксовском уровне, и в этом смысле они значительно уступают тому направлению в западной общественной науке, которое, отнюдь не отождествляя себя с марксизмом и даже воюя против него, так или иначе использует марксистско-ленинскую методологию анализа общественных явлений.

Если еще раз вдуматься в содержание нарисованных авторами семи альтернативных вариантов будущего, то нетрудно убедиться, что речь идет всего-навсего о двух версиях — утопической и антиутопической. Обе они, несмотря на наличие тех или иных здравых суждений и догадок, не имеют ничего общего с наукой, и к ним следует относиться просто как к отражению определенного умонастроения.

Именно при таком подходе книга американских авторов приобретает интерес. Она симптоматична, потому что фактически отрицает догматы официальной американской идеологии и пропаганды, сутью которых является ставка на богатство, силу, исключительную роль США и т. д. Это все та же «американская мечта», но уже в другом, более трезвом и демократическом понимании, ищущая будущее не в расточительности, а в умеренности, не в силе, а в порядке. Иными словами, мечта более скромная (вспомним, что сценарий, рекомендуемый в качестве оптимального, так и называется: «Жизнь по средствам»).

Но если по политическому содержанию книга американских авторов заслуживает внимания, то методология исследования будущего при всех оговорках, что речь идет не о прогнозе, а всего-навсего о возможных альтернативах, бесплодна. В конце концов для изложения утопий и антиутопий существуют фантастические романы. Наука может и должна использовать имеющиеся в ее распоряжении средства исследования будущего не для домыслов, а для поиска наиболее вероятного хода развития, определяемого объективными закономерностями, а также направленностью действий основных социальных сил и политических течений.

Это не значит, что она берет на себя роль дельфийского оракула (подобная амбиция была бы чрезмерной, поскольку в будущем всегда есть элемент непредсказуемости). Это значит лишь, что в отличие от фантасти-

ки, вольной рисовать десятки альтернативных вариантов перспективы, наука должна определить наиболее вероятный и вместе с тем сделать достаточно широкий допуск для возможных от него отступлений, для того, что В. И. Ленин называл «зигзагами исторического процесса».

Что касается рассмотренного нами очередного футурологического опуса, то он лишний раз показывает: стоя на позициях буржуазного мировоззрения, невозможно выработать действительно вдохновляющий и реальный образ завтрашнего дня человечества. Сколько ни изобретай альтернатив — семь или семьдесят семь, они не помогут сохранить в целости и сохранности отжившую свой век систему капитализма. Это попытка с негодными средствами.

Д. Шелл: спасти будущее!

Ядерная опасность — само словосочетание это звучит колокольным набатом. Нет темы более простой и в то же время более сложной. Казалось бы, должно быть ясно для всех, что если разразится новая мировая война с применением ракетно-ядерного оружия, то планета наша превратится в подобие вельзевулова котла, в котором сгорит род человеческий и некому будет даже собрать его пепел. Но ясно ли? Все ли отдают себе отчет в том, насколько многообразны и неоднозначны причины нависшей над миром угрозы? Одни из них, лежащие на поверхности, легко различимы, другие, гораздо более основательные, скрыты от внешнего взора, тянутся корнями в экономику, политику, идеологию, в социальное и национальное самосознание, в человеческую психику. А там, в глубине общественного организма, корни эти переплетены естественно и прихотливо. Далеко не просто высветить их рентгеновским лучом науки, отделить один от другого, выстроить в ряд по значению и выставить на всеобщее разумение. Тем более не просто, что истинная картина запутывается всевозможными фальсификациями — преднамеренными и непреднамеренными, идущими от узости зрения и классового пристрастия, от своекорыстного толкования обстановки и неистребимого эгоизма.

Ядерная опасность — самая серьезная, болезненная, не терпящая равнодушия проблема нашего времени. Проблема многоликая: военно-стратегическая, техническая, экономическая, экологическая, историческая, психологическая, но больше всего политическая и философская. Преимущественно под таким углом зрения рассматривает ее американский публицист Джонатан Шелл в недавно вышедшей книге «Судьба Земли»¹. Ее мы и возьмем за исходный материал для размышлений.

Почему именно ее? За четыре десятилетия, прошедшие с того рокового мгновения, когда атомный гриб накрыл Хиросиму, в мире опубликованы сотни и тысячи

книг, посвященных этой теме, — художественных, публицистических, научных, научно-фантастических. Историки литературы имеют все основания говорить о возникновении и выделении в самостоятельную отрасль нового, «атомного» направления. Как у всякого другого вида литературного творчества, у него есть уже свои шедевры и поделки, откровения и банальщина, произведения, проникнутые высоким гуманизмом, и каннибальские бредни. Особенно быстро растет «атомная библиотека» в последние годы. На Западе буквально один за другим выпускаются в свет пухлые тома, в которых скрупулезно описывается разрушительная мощь ядерного оружия, подсчитываются его запасы, высказываются предположения о вероятных последствиях его применения, анализируется степень такой угрозы с учетом доминирующих военно-политических доктрин. И если оставить в стороне их тональность, то по содержащейся в этих работах информации они намного превосходят скромную, в некотором роде даже любительскую книгу Шелла, отличаются большей фундаментальностью и уж во всяком случае научностью.

И все-таки выбор в ее пользу. Прежде всего потому, что она проникнута заботой о жизни рода человеческого, раздумьем о его будущем. Коротко говоря, перед нами проповедь и одновременно исповедь пацифиста атомной эры. Примерно так должен мыслить и чувствовать средний американец, а с известными оговорками и вообще житель развитой капиталистической страны. Понять образ мыслей этого «среднего» не менее, а может быть даже более важно, чем понять побуждения тех, кто держит пальцы на кнопках ядерной войны.

Смерть смерти

Шелл начинает с описания размеров ядерной опасности. В отличие от некоторых западных авторов, смакующих подробности ядерного апокалипсиса, он делает это с тяжелым сердцем, даже извиняется перед читателем, говоря, что не хотел бы его запугать. Просто это необходимо знать, чтобы еще раз наглядно представить тотальный характер ядерного оружия.

Люди воюют уже несколько тысяч лет, но все, что они знали до сих пор, включая кровавые мировые войны, не идет ни в какое сравнение с вероятными последствиями широкомасштабного применения атомного оружия. Его создание ознаменовало колоссальный скачок спо-

способности человека к уничтожению себе подобных, причем как с количественной, так и с качественной точки зрения. Если иметь в виду разрушительную, или «убойную», силу оружия, то переход от обычной взрывчатки к внезапному высвобождению скрытой энергии вещества равнозначен революции в военном деле, связанной с изобретением пороха. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, эквивалентна по своей взрывной силе 12,5 тыс. т тринитротолуола. Вся взрывчатка, использованная во второй мировой войне, равна по разрушительному потенциалу всего лишь несколькими десятками водородных бомб мощностью 20 и более мегатонн.

Что касается качественной стороны дела, то если большинство обычных бомб вызывает разрушительные последствия лишь одного вида — ударную волну, то новое оружие обладает рядом неизвестных ранее поражающих факторов: электромагнитным и тепловым импульсом, радиоактивностью. Все эти факторы, действуя вначале локально, т. е. охватывая район, непосредственно примыкающий к месту взрыва, вызывают неисчислимы вторичные последствия, пагубные для общества и природной среды. Причем здесь также существует своя качественная разница в зависимости от того, идет ли речь об отдельных ядерных взрывах или об одновременном использовании всех запасов накопленного оружия массового уничтожения. В первом случае экосфера еще способна залечить, зарубцевать нанесенные ей раны. Во втором же локальные нарушения перерастают в глобальные, которые на протяжении более или менее длительного срока приведут к уничтожению среды обитания человека — гибели растительности, общему понижению температуры земной поверхности, разрушению озонового слоя, окружающего землю в стратосфере, радиоактивному отравлению водоемов и заражению почв, к непредсказуемым катаклизмам, по сравнению с которыми нынешние землетрясения, наводнения и прочие стихийные бедствия покажутся детской забавой.

Здесь напрашивается сравнение с человеком, спасшимся от пожара. Если ожоги покрывают больше половины кожной поверхности, спасти его практически невозможно. Таким же исходом угрожает всеобщее ядерное побоище всему человечеству; даже в том случае, если после него сохранятся очаги жизни, более или менее обширные районы, непосредственно не затронутые военными действиями, те, кто останется в живых, будут обречены на постепенное умирание.

Ссылаясь на мнение специалистов и дополняя их собственными рассуждениями, Шелл приходит к выводу, что новая мировая война с применением ядерного оружия означала бы конец человеческого рода. Читатель вправе сказать, что это не открытие, и не слишком велика заслуга признавать то, что в век широкого распространения научно-технической информации должно быть ясно каждому. Все так, но следует учитывать, что вопрос о вероятных последствиях всеобщего ядерного конфликта продолжает оставаться на Западе предметом острых дискуссий и получает далеко не однозначный ответ.

Какое это имеет значение, понять нетрудно. Ведь если мировая ядерная война грозит гибелью всем, то всякий, кто рискнул бы применить ядерное оружие, уподобился бы японскому комикадзе, идущему сознательно на смерть, чтобы уничтожить противника. Становится недостижимой, отпадает, просто снимается главная цель любых военных действий — достижение победы. В ходу у воинственных древних римлян была поговорка «*Vae victis!*», что значит «Горе побежденным!». Применительно к ядерному конфликту нельзя даже сказать: «Горе и побежденным, и победителям», потому что не будет ни тех ни других. А отсюда следует, что ядерного побоища нельзя допустить никоим образом. Не существует целей, достижение которых могло бы оправдать уничтожение человеческого рода. Есть высокие идеи, во имя которых люди способны жертвовать своей жизнью, но все дело как раз в том, что высота, благородство этих идей проистекают из стремления принести благо своим ближним, своему народу, всему человечеству, сделать жизнь лучше. Нет и не может быть такой идеи, такого блага, ради которого стоило бы развязать ядерную войну, идти на коллективное самоубийство. Более того, не только самоубийство, но и убийство, если иметь в виду грядущие поколения, судьба которых целиком и полностью зависит от живущего сейчас. Конечно, они еще не существуют во плоти, представляют собой некий фантом, «воспоминание о будущем», но американский автор прав, подчеркивая ответственность перед потомками. К его суждениям можно добавить, что забота о продолжении рода, проистекая из биологической функции и осознанного нравственного долга, диктуется помимо прочего и насущным жизненным интересом. Человек смертен, уникальный дар природы, поставивший его выше всех других живых существ, — разум способен реализовать себя лишь в при-

ходящей друг другу на смену цепи поколений, которые передают из рук в руки торбу цивилизации. Поскольку каждое пополняет ее своим трудом и опытом, она представляет собой общее достояние, принадлежит в равной степени нам, нашим пращурам и нашим потомкам. Их еще нет, но мы уже взаимодействуем с ними, готовясь передать им и плоды своих дел, и не решенные нами задачи, и попечение о нашей памяти. А ведь это — единственное средство победить время, продлить свое существование за короткие пределы человеческой жизни.

Какова цена гения Шекспира без тех, кто читает его сонеты и смотрит на подмостках сцены его трагедии? Чего стоят «Давид» Микеланджело и «Лунная соната» Бетховена без сегодняшнего зрителя и слушателя? В чем смысл совершенного Достоевским вскрытия человеческой души, если некому будет извлечь из этого нравственные уроки? Великие всегда занимают наше воображение, они как точки опоры, на которых строится сознание человека. Мы нередко забываем менее великих, не говоря уж о «рядовых разумах», которые положили свои кирпичики в башню цивилизации. Но ведь само забвение — тоже форма жизни. Пока живет человечество, всегда есть возможность извлечь из архива забытые имена и погребенные под слоем вековой пыли идеи хотя бы для того, чтобы зафиксировать сам факт их существования. Не станет человечества — не станет забвения.

Вернемся к Шеллу. Отдельно взятый человек, пишет он, получил бы неправильное представление о ядерной опасности, пытаясь понять ее главным образом с точки зрения угрозы для себя лично или для близких ему людей. Это угроза жизни прежде всего «не на уровне индивидов, которые и без того живут под властью смерти, а на уровне всего того, что является общим для них»². Смерть прекращает жизнь, отправляет в небытие каждого родившегося, ядерное уничтожение одним махом превращает в ничто всех, кладет конец самому рождению.

Размышления об индивидуальном и всеобщем подводят Шелла к следующей мысли. На свете, видимо, есть люди, которые могут думать так: все мы смертны, и в конце концов какая разница, покончим ли мы свои счета с жизнью в разное время или за компанию. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Стоит ли особенно беспокоиться, живи, пока живется, а там видно будет.

Да, если произвести всемирный социологический опрос и гарантировать при этом полную тайну высказываний, наверняка обнаружится какое-то количество циников, безразличных не только к судьбе рода, но и своих близких. Больше того, суперциники выскажут, пожалуй, удовлетворение тем, что им придется покидать сей бренный мир не в одиночку. Существует и такой сорт *Homo sapiens*. Однако это тот случай, когда и без опроса можно с уверенностью утверждать, что речь идет о ничтожном проценте многомиллиардного населения Земли.

Гораздо шире распространено и потому более опасно другое умонастроение, которое автор описывает следующим образом: «Думая о ядерной опасности, человек чувствует себя больным, а прогоняя эти мысль прочь, как, очевидно, люди должны поступать почти всегда, чтобы быть в состоянии жить дальше, он испытывает облегчение. Но подобное чувство благополучия имеет в своей основе отрицание важнейшей реальности нашего времени и потому само по себе является своего рода болезнью. Общество, которое систематически закрывает глаза на непосредственную угрозу своему физическому существованию и оказывается неспособным предпринять какие-то меры, чтобы спасти себя, не может быть названо психически здоровым. Думаем ли мы о ядерном оружии или избегаем думать о нем, наличие этого оружия в нашей среде лишает нас душевного равновесия и, по-видимому, мало, что можно сделать в интеллектуальном или эмоциональном плане, чтобы изменить такое положение»³.

Независимо от того, принимать ли описанное умонастроение за обыкновенную защитную реакцию, без которой невозможно жить, или за трусливое нежелание взглянуть в глаза опасности, или, наконец, за оптимизм, свойственный человеческой натуре, оно является фактом. Что же происходит? Двигается ли человечество навстречу своей гибели из-за того, что оно оказалось слишком самонадеянным, неспособным соразмерить свои силы с силами природы, из-за того, что ему не хватает чувства самосохранения, либо просто потому, что настал час расплаты за грехи его? Есть, кстати, и такая точка зрения.

Шелл пишет, что, по предположению некоторых ортодоксальных христиан, ядерная война будет библейским армагеддоном, устроить который грозил бог. И возражает: нет, истребление с помощью атомных бомб не бу-

дет днем страшного суда, когда бог уничтожит мир, поднимет из могил мертвых и свершит правосудие над каждым, кто когда-либо жил. Это будет совершенно бессмысленный, ничем не оправданный акт самоуничтожения человечества. Вообразить, будто бог направляет нашу руку на это действие, было бы в буквальном смысле слова попыткой уклониться от своей ответственности.

В поисках рационалистического объяснения ситуации, в которой оказалось современное общество, американский автор усматривает зло в чрезмерных притязаниях человеческого ума. Когда Адам и Ева вкусили плод от древа познания, бог наказал их, лишив привилегии на бессмертие и обрекая на смерть их самих и их потомков. Сейчас человек вкусил еще больше от плодов древа познания и поставил себя лицом к лицу со второй смертью — смертью всего человечества ⁴.

Грех познания?

Поскольку речь идет о принципиальном вопросе (кто несет ответственность за ядерную опасность?), мы приведем еще две небольшие цитаты из книги Шелла. «Основная опасность,— пишет он,— кроется не в каких-то социальных или политических обстоятельствах нашего времени, а в достижении всем человечеством после тысячелетия научного прогресса определенного уровня знаний окружающего мира» ⁵. И в другом месте: «Значение и характер ядерной проблемы определяются тем, что она возникла скорее из научных знаний, чем социальных условий. Нужно проводить четкое различие между революциями, зарождающимися в лабораториях, и революциями, возникающими в обществе. Социальные революции обычно зарождаются в умах миллионов, и, говоря словами Декларации независимости, происходит это в результате «длинной цепи злоупотреблений», очевидной для всех; они, как правило, не могут возникнуть, если не пользуются пониманием и поддержкой широких масс. Наоборот, научные революции чаще всего спокойно созревают в умах немногих людей в форме недоступных большинству обывателей научных теорий и, таким образом, захватывают мир врасплох» ⁶.

Из признания уровня достигнутых знаний главным источником ядерной опасности вытекает ряд логических выводов, и Шелл их делает. Один из них состоит в том,

что, поскольку такая опасность возникла, невозможно от нее избавиться уже никогда. Ведь не существует способа вытравить из сознания людей имеющиеся у них в головах знания, вернуть физику в доэйнштейновскую, ньютоновскую эру. Научное открытие подобно любому другому: когда Колумб открыл Америку и оповестил об этом мир, ее уже нельзя было снова «закрывать».

От знания, как и от самого себя, не убежишь и на космических кораблях. Куда бы люди не отправились, они всегда будут нести с собой представление о том, как извлечь энергию из массы и сотворить атомную бомбу. Но если нельзя найти спасения в прошлом и за пределами Земли, то, может быть, оно в будущем и следует возложить надежду на тот же научно-технический прогресс? Увы, считает Шелл, на это тоже надеяться нечего. Едва ли будут изобретены противоракета или магнитная ловушка, которые обезвредят ядерное оружие. Наоборот, продолжающаяся несколько веков научная революция неизбежно ведет к наращиванию разрушительной силы оружия, ибо знания вообще увеличивают, а не уменьшают нашу мощь.

Здесь Шелл допускает неточность. Ведь «мощь знания» может быть приложена к разным целям. Вполне можно представить, что техническая мысль создаст средства защиты более мощные, чем нынешние средства ядерного нападения. Однако это был бы лишь преходящий эпизод в извечном соревновании меча и щита, пушки и брони. Причем речь даже не обязательно идет о соперничестве наступательной и оборонительной мысли в рамках гонки вооружений. Само развитие науки открывает такие сферы взаимодействия природных сил, дает в руки человека такие методы контроля над ними, которые при желании всегда могут быть обращены ему же во вред. Так было начиная с укрощения огня, ставшего для человечества великим благом и в то же время принесшего ему неисчислимые бедствия. Так в особенности стало теперь, когда человечество вступило в полосу овладения тайнами микромира, проникновения в живую клетку, конструирования искусственного мозга. В нашей печати много писалось об опасных потенциальных ресурсах генетики. Повсюду, где злой умысел сопрягается с новейшими открытиями науки, создается реальная возможность умножать убойную силу оружия. Химические, биологические, электронные, лазерные — вот только некоторые из средств массового уничтожения, которые могут уже в последние десяти-

летия XX в. начать соперничать с ядерным оружием, а возможно, и намного его превзойти.

Но если можно согласиться с выводами, которые Шелл делает из своей главной посылки, то нельзя согласиться с нею самой. Чтобы обнажить внутреннюю несостоятельность мысли американского автора, доведем ее до логического завершения. Если считать, что во всех бедах повинно человеческое знание, то ответственность за жертвы бесконечных войн XVII—XIX вв. следовало бы возложить не на честолюбивых и корыстолюбивых монархов тогдашней Европы, а на Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта, М. Ломоносова, И. Ньютона и других корифеев, заложивших теоретические основы физики, химии, астрономии, географии и прочих естественных наук. Ведь военное дело всегда зависело от развития фундаментальных направлений науки, без этого невозможны были бы успехи кораблестроения и фортификации, металлургии и пиротехники, других прикладных дисциплин. Соответственно за страдания и потери, понесенные европейскими народами в первой и второй мировых войнах, пришлось бы «отвечать» М. Фарадею и Д. Менделееву, З. Гельмгольцу и М. Максвеллу, Р. Дизелю и братьям Райт, А. Попову, Т. Эдисону, многим другим светочам науки и изобретательства. А что касается ядерной войны, тут гадать и вовсе не приходится: на скамье подсудимых окажутся пионеры атомной эры. Если будет, кому судить.

Разумеется, никто не снимает прямой ответственности с тех ученых, которые сознательно ставят себя, свое творчество на службу несправедливому делу. Это одна из вечных тем, приобретших в наше время особую злободневность. Но в данном случае речь идет не о моральной ответственности отдельных ученых, а о месте науки в духовной и материальной культуре человечества. И с этой точки зрения возлагать на знание ответственность за неразумное, преступное его использование столь же несправедливо, сколь и опасно. Ведь при таком подходе ускользают от ответственности истинные виновники.

Впрочем, разве нет доли правды в утверждении, что, не будь знания, не было бы и угрозы уничтожения? Не открой Д. Менделеев таблицы элементов, не предложи В. Томсон модели атома, не обнаружь А. Беккерель радиоактивности, не выдели П. и М. Кюри радия, не смоделируй Э. Резерфорд атомного ядра, не приди А. Эйнштейну в голову формула $E=mc^2$, не разработаи

Н. Бор теорию строения атома, не открой Д. Чедвиг нейтронов, не используй их Э. Ферми для бомбардировки ядра — не было бы и атомной бомбы. Вот ведь как все просто.

Но стоит протянуть такую мысленную цепочку, как становится нелепой попытка возложить ответственность за преступные мысли и деяния на науку. Во всем, что создавал человек с первых шагов своего превращения в разумное существо, была своя «уничтожающая сторона». Открытие возможности использовать камень в качестве пращи, сослужив великую службу в охоте на дикого зверя, одновременно обернулось приобретением первого оружия против своего ближнего. То же можно сказать о ноже, стреле и даже о колесе. Совершив буквально переворот в развитии производительных сил, это замечательное изобретение с одинаковым успехом стало применяться и в повозках, и в боевых колесницах, т. е. было на руку не только рачительному Гермесу, но и воинственному Марсу. И так, что ни возьми, едва ли не всякое движение мысли в самых различных и, казалось бы, совсем далеких от войны отсеках знания содержало в себе двойной заряд, могло быть использовано либо во благо, либо во зло. А чаще всего — и так, и этак.

Поэтому нечего перекладывать на знания грех, целиком связанный с несовершенством социального устройства, разделением людей на господ и рабов, угнетателей и угнетаемых. Возможностью уничтожить себя обладает каждое живое существо — те же киты, выбрасывающиеся на берег, когда океанская вода уже не в состоянии удовлетворить их потребности, или исполинские черепахи, забивающие себя насмерть на тихоокеанских атоллах, поскольку после ядерных испытаний им все равно грозит медленная смерть. Так что весь «грех» науки состоит в том, что она сделала возможным не индивидуальное, а всеобщее убийство. Но и эта ее «вина» весьма относительна. Разве без науки не творилось нечто подобное, пусть в менее широких масштабах? Много ли научных знаний понадобилось младотуркам, чтобы вырезать в 1915 г. 3 млн. армян? Так ли уж широко использовали достижения науки гитлеровцы, когда травили пленников концентрационных лагерей газом, велика ли тут разница по сравнению с отравой дымом, успешно применявшейся еще в раннем средневековье?

Рассмотрим еще один аргумент Шелла. Дело в том, что, усмотрев первоисточник ядерной опасности в прогрессе знания, он ссылается на авторитет науки в лице

такого видного ее представителя, как английский философ Б. Рассел, который, выступая в палате лордов Британского парламента 28 ноября 1945 г., сказал об атомной бомбардировке Хиросимы: «Мы должны посмотреть на это не просто с точки зрения следующих нескольких лет, а с точки зрения будущего человечества. Вопрос стоит так: может ли общество, зиждущееся на науке, существовать дальше или это общество неизбежно уничтожит себя? Это простой вопрос, но он имеет жизненно важное значение. Я думаю, невозможно преувеличить серьезность того зла, которое может повлечь за собой использование атомной энергии».

При всем уважении к одному из незаурядных мыслителей нашего столетия приходится признать, что Рассел допустил неточность в самой постановке вопроса, не оговорив, о каком обществе идет речь. Если он имел в виду человечество, едва вышедшее из пламени второй мировой войны, расколотое на противоположные общественные системы и обремененное множеством острейших противоречий, в которых невооруженным глазом можно было усмотреть семена будущих конфликтов, то сравнение философа вполне уместно. Но ведь он выражал тревогу за будущее, а оно есть итог непрерывных изменений. Мы не знаем, как реагировали на выступление Рассела его коллеги по палате лордов, а вот наш ответ на его вопрос звучит так: «Да, наука, пожалуй, действительно «поторопилась», создав ядерное оружие в момент, когда оно еще может быть использовано против человечества. Но общество, опирающееся на науку, безусловно, может существовать. Больше того, как раз для того, чтобы не допустить самоуничтожения, человечество должно прислушаться к голосу передовой науки и утвердить новые отношения между людьми и народами, основанные на принципах социализма».

Хорошо, скажут нам, пусть наука чиста, как голубка, снимем с нее все обвинения и привлечем к ответственности социальные условия. Но разве эта операция изменит тот факт, что опасность теперь всегда с нами, что на нас как вечное проклятье, как тяжелое бремя познания висит умение изготовить атомную бомбу. Не уподобилось ли человечество тому незадачливому герою политических детективов, который случайно стал обладателем страшной тайны и обречен поэтому на смерть?

А что думает на сей счет Шелл? По его мнению, этот дамоклов меч представляет, как ни странно, единственное средство спасти человечество от самого себя.

Использование знания в качестве средства устрашения — вот, оказывается, каким будет «стратегический принцип жизни» в мире, где «решена» проблема ядерной опасности. Возникнув из знания, в нем она и должна покоем. Обрекая людей отныне и навсегда существовать с сознанием неустранимости риска для их жизни, это знание в то же время даст им «полное эмоциональное, интеллектуальное, духовное и даже подсознательное понимание того, что означает всеобщее уничтожение, и в особенности — что означают еще не родившиеся поколения людей для живущих. Поскольку всеобщее уничтожение означает гибель всего мира, оно никогда не может быть для нас более чем «знанием», мы никогда не сможем «испытать» его. Именно такое знание-ужас перед актом убийства еще не родившихся поколений... должно стать средством устрашения»⁷.

Таким образом, человечеству придется жить в постоянном страхе, и никуда от этого не денешься. Больше того, оказывается, в таком состоянии есть даже известное преимущество, потому что оно вынуждает нас осознать свой долг перед грядущими поколениями. В этой инверсии зла в благо можно увидеть не только свойственную обыденному сознанию способность приспособляться к ситуации (грубо говоря, делать хорошую мину при плохой игре), но также отзвук христианского смирения перед промыслом божьим (или промыслом науки). Ведь с религиозной точки зрения постоянное страдание, ниспосланное человеку за грехи его, должно восприниматься не с бунтом, а с терпением и даже радостью, ибо это есть не что иное, как искупление, очищение от скверны. До некоторой степени сходная конструкция получается и у Шелла.

Скажем прямо: перспектива мрачная. Жить с вечным страхом и теснением в груди. Жить как алкоголик, которому под брюхо вшит мешочек с препаратом: глотишь зелья — тут тебе и крышка. Принимать каждый прожитый жизнью день чуть ли не как дар небес. Конечно, в конце концов ко всему можно привыкнуть. Разве не жили на коленях рабы, передавая от отца к сыну все ту же убогую долю? Разве не жили в ярме у захватчиков целые народы, притом не год и не десятилетие, а века? Жили, выжили и даже сохранили культуру. Словом, нам внушают философию покорности, приспособления к препятствиям, одолеть которые якобы выше сил человеческих. Такое приспособление было бы в какой-то мере оправдано, если бы действительно исключался вся-

кий иной вариант. Но в том-то и дело, что этот иной вариант исключается как раз при условии, когда покоряются, опускают руки перед ядерной угрозой.

Нет уж, как говорится, увольте. Человечество не обречено жить в страхе, оно в состоянии прогнать застывший над планетой призрак атомного гриба. Мир перестанет быть ядерным, когда на всей Земле не будет социального и национального гнета, грабежа отсталых народов, колониальной и неоколониальной зависимости, империализма, терроризма, преступности, неэквивалентного обмена, неустойчивой финансовой системы, торговых рогаток, нищеты, безработицы, бесправия, голода, бюрократизма, коррупции и т. п. Разумеется, слово «ядерное» останется в языке людей, но через несколько поколений нормальной жизни из их памяти выветрится тот зловещий смысл, который связывается с ним сейчас.

Одна из исторических целей социализма и коммунизма состоит в том, чтобы исключить возможность использования добытых наукой знаний против человека. Конечно, бывает так, что наука ненароком способна выпустить из бутылки джинна, которого с большим трудом удастся затолкнуть обратно. Но возможность катастрофы в результате подобной трагической случайности вероятна в такой же степени, в какой вероятен любой природный катаклизм (допустим, столкновение Земли с кометой или угасание нашего Солнца). Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, с этой мыслью мы спокойно миримся, она не мешает нам чувствовать себя хозяевами на своей прекрасной планете.

Смерть войны?

После вопроса об ответственности науки нам предстоит выяснить другой, не менее крупный и интересный вопрос — о судьбе войны. Дело в том, что в последние годы среди теоретиков различных направлений распространился тезис, который коротко можно сформулировать так: ядерное оружие убило войну. Шелл относится к числу горячих сторонников этой точки зрения и приводит в своей книге немало аргументов в ее пользу.

Скажем прежде всего, что в основе этой идеи лежит вполне серьезный довод. Представьте себе полководца, который отдает приказ о наступлении, зная заранее, что в результате погибнет как противник, так и его собственное войско. Мы с полным основанием сочтем его преступником или безумцем. А ведь именно такую

ситуацию создает наличие у каждой из основных военно-политических группировок ядерных арсеналов, способных уничтожить противника, а заодно весь остальной мир.

Рассуждения кажутся безукоризненными. И все-таки в них есть изъян. Как можно говорить о смерти войны, когда она остается реальностью нынешней эпохи! Только после 1945 г. в мире вспыхнуло несколько десятков войн. Не отдельных случайных стычек, а именно военных действий между государствами с применением практически всех видов обычного оружия, с убитыми, ранеными, пленными, перемириями, переговорами, аннексиями и контрибуциями — словом, всеми атрибутами этого явления. Следовательно, «обычные войны» далеко не умерли. Это если брать за критерий характер применяемого оружия. Если же исходить из политической типологии, то вооруженные конфликты последних десятилетий отражают почти весь спектр войн: империалистические, захватнические, карательные, национально-освободительные, территориальные, престижные и т. д.

Весь спектр, кроме одного вида — непосредственного столкновения ядерных держав. Ссылаясь на почти 40-летний «шаткий мир» между ними, который поддерживался после создания атомных бомб, Шелл утверждает, что «война ушла в небытие», изгнана из отношений ядерных держав, отсутствует в ассортименте имеющихся у них средств защиты своих интересов. Ведь выбор теперь сводится к одной из двух альтернатив: либо мир, либо всеобщее истребление. А последнее «так же далеко от войны, как мир»⁸.

Но если считать, что 40-летний мир *сам по себе* дает основание объявить войну изъятой из политического оборота, то с равным успехом можно было бы сделать подобный вывод в прошлом веке, когда после 1870 г. в Европе, за некоторыми исключениями, царил относительно стабильный, почти полувековой мир. Между тем война тогда не умерла и не устарела, напротив, она находилась в стадии накопления сил, методически пожирала мир, ибо едва ли не все крупные европейские державы лихорадочно вооружались, готовясь к будущей кровавой схватке.

Впрочем, всю оптимистическую софистику относительно «смерти войны» опровергает простой довод: если это действительно так, зачем же копы ломать и писать книги о ядерной опасности. Принимая желаемое за сущее, приверженцы концепции «смерти войны» утверж-

дают, будто ныне устарела и известная формула Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». К сожалению, это утверждение также является плодом теоретического недоразумения. В самом деле, следует прежде всего уточнить постановку вопроса: не есть или не должна быть? Ведь войны объявляют и ведут люди, в последнем счете все зависит от их отношения к проблеме войны и мира, от того, как они мыслят, оценивают ситуацию, принимают решения. Если политические деятели и военачальники вопреки всем предостережениям считают, что у них есть шанс выиграть ядерное сражение, то тут не помогут никакие заверения теоретиков о том, что формула Клаузевица отжила свой век.

Иначе говоря, чтобы действительно похоронить ядерную войну, не дав ей родиться, нужно поставить ее вне закона, объявить безумной и преступной, исключить всякую мысль о возможности достичь в ней победы. Причем такое отношение к ядерной опасности должно не только стать осознанным убеждением всех и каждого, но и быть возведено в принцип международной политики всех без исключения государств мира.

Именно такова позиция Советского Союза, на котором, как на одной из двух крупнейших ядерных держав, лежит особая ответственность за предотвращение всеобщего побоища. Во всех официальных заявлениях советского руководства, в нашей пропаганде уже в течение многих лет неизменно подчеркивается, что мировая термоядерная война означала бы гибель всего человечества. Такой подход нашел логичное выражение в добровольном обязательстве СССР никогда не применять первым ядерное оружие. Вынужденные создать достаточный ракетно-ядерный потенциал для защиты безопасности Родины и союзных с нею социалистических государств, КПСС и советский народ всегда рассматривали его как оружие предостережения и возмездия. На каждом этапе гонки вооружений СССР делал все от него зависящее, чтобы не только остановить наращивание ядерных арсеналов, но и начать на взаимной основе их уничтожение вплоть до полной ликвидации. К этому наша страна готова и сегодня.

Все, однако, упирается в позицию США. Ведь признать, что в ядерной войне не будет победителей, — значит для реакционных кругов американского империализма лишиться возможности использовать атомное оружие в качестве средства политического шантажа,

а именно в этом видели и видят его ценность в Вашингтоне.

Вот почему далеко не малозначно обращение Шелла к своим соотечественникам с призывом понять, что в ядерной войне не уцелеет никто. Чем больше эта мысль будет проникать в сознание рядовых американцев, тем больше шансов на то, что она в конечном счете найдет воплощение в государственной политике этой страны.

Для предотвращения ядерного апокалипсиса мало, однако, признания, что он приведет к гибели всего человечества. Не менее принципиальное значение имеет признание, что ядерная война, начавшись, неизбежно примет тотальный характер. Дело в том, что американские стратеги, вынужденные считаться с подсчетами ученых и растущей обеспокоенностью общественности, нашли своего рода лазейку в той, можно сказать, непробиваемой броне, какую представляет собой мысль о гибели цивилизации. Допустим, говорят некоторые из них, в тотальном ядерном конфликте не будет победителей и сгорят все без исключения. Но кто может утверждать, что применение ядерного оружия обязательно должно вылиться в тотальный конфликт? Почему нельзя предположить возможность использования тактического ядерного оружия в рамках обычных военных действий или же обмена атомными ударами без последующего их перерастания в мировую войну?

Примерно так рассуждали и рассуждают сторонники концепции так называемой ограниченной ядерной войны, первые версии которой стали входить в моду еще в конце 50-х годов — тогда в американских правящих кругах искали альтернативу стратегии массированного «возмездия», отцом которой был бывший государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. По сравнению с высказываниями генералов из Пентагона о возможности победы во всеобщем ядерном конфликте их аргументы выглядят чуть ли не голубиными. По существу же это еще более опасный «ястребизм», потому что он хитрее, коварнее.

В самом деле, речь ведь идет о ситуации, незнакомой человечеству по прежнему опыту и вдобавок не поддающейся точному предвидению. Когда дело касается вероятных результатов всеобщего ядерного конфликта, свое веское слово говорит математика. Основываясь на результатах взрывов в Хиросиме и Нагасаки, на под-

счетах разрушительной силы накопленного ядерного оружия, специалисты могут уверенно прогнозировать последствия более или менее одновременного применения всех ядерных средств. Что касается «ограниченной ядерной войны», то здесь мы вступаем уже в сферу догадок. Почему в самом деле нельзя предположить, что одна сторона в порядке предупреждения нанесет единственный атомный удар по другой, а та ограничится таким же единственным ответным ударом и на этом все кончится?

Чтобы придать вес своим гипотезам, теоретики «ограниченной ядерной войны» приводят конкретные примеры. Предположим, Советский Союз захватил Западный Берлин... Допустим, СССР вторгся на Ближний Восток, чтобы взять под свой контроль нефтепромыслы... Представим, Москва двинула свои танки, чтобы распространить власть Советов на Западную Европу... Соединенным Штатам во всех этих случаях не обязательно обрушивать на СССР весь запас своих ядерных средств, достаточно ударить ракетой «Першинг-2» по военному аэродрому под Москвой, чтобы нагнать страх на «агрессора» и заставить его отступить. В добавление к тому, что будет достигнута основная цель — защищены интересы США и их союзников, это им никак не отзовется: не станет же советское руководство наносить ответный ядерный удар, зная, что его постигнет сокрушительное возмездие.

Цель подобного рода аргументов, как видим, двоякая. С одной стороны, заверить население Западной Европы, что ограниченное, или «выборочное», применение ядерного оружия ничем ему не угрожает. А с другой — исподволь внушить ему, будто угроза нападения исходит от стран социализма. Шеллу, как вполне правоверному американскому патриоту, не приходит в голову оспаривать подобные домыслы. Он тоже исходит из того, что Советский Союз — всегда нападающая сторона, а Соединенные Штаты — обороняющаяся и к тому же защищающая «рубежи свободы». Здесь, как говорится, можно только развести руками и пожалеть, что ему не хватило объективности и мужества выйти за пределы трафаретов официальной американской пропаганды.

Зато в отличие от многих своих коллег-журналистов он убедительно показывает несостоятельность концепции «ограниченной ядерной войны» независимо от того, какая сторона может начать ее. Приводя несколько сценариев того, как может развернуться обмен ядерными ударами,

Шелл замечает, что стратегия приобретает в них свою собственную, непонятную, фантастическую жизнь, в которой ядерное оружие должно «сводить свои счета» безотносительно к целям, преследуемым людьми. «Вообще те, кто живет в теоретически изошренном, но зачастую лишенном человеческих критериев мире ядерной стратегии, имеют склонность упускать из виду, что развязывание ядерной войны само по себе знаменует крах всех сдерживающих начал, подвластных разуму и чувству гуманности. Массовое убийство людей в ядерном побоище смело бы все нормы, диктуемые совестью и даже эгоистическими расчетами, которые в обычных условиях заставляют государства действовать в определенных рамках. Все эти сдерживающие начала мало помогут защите кого-либо. В невообразимой интеллектуальной и духовной атмосфере, которая воцарится в мире, достигшем такой точки, едва ли что-нибудь спасет его от тотального уничтожения»⁹.

Никто, конечно, не может ручаться, продолжает Шелл, что если один ядерный боезаряд будет пущен в ход, то за ним неизбежно последуют и все остальные. Случиться может всякое. Но вот что можно сказать наверняка: после того как будет взорван один боеснаряд, мир вступит, по выражению бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, в «ситуацию колоссальной неизвестности». А за этим скрывается высокая, если не стопроцентная вероятность того, что «ограниченная ядерная война» стала бы всего лишь запалом к войне тотальной.

Впрочем, если какие-то различия между двумя вариантами американской стратегии и давали в прошлом повод для дискуссий между ястребами и полужастребами, это занятие потеряло всякий смысл с приходом в Белый дом теперешней администрации. При ней, как пишет западногерманский публицист В. Битторф в журнале «Шпигель», сторонники ведения войны одержали верх над теми, кто хотел ее избежать. Пентагон Уайнбергера подстегнул гонку вооружений с целью обеспечить для Америки возможность не только сдерживать войну любого рода, но и развязать ее, а также выиграть: обычную войну, ограниченную ядерную, ограниченную и затяжную до 6 месяцев, неограниченную вплоть до мировой.

Автор цитирует текст из пентагоновских директив на 1984 — 1988 гг. по программе вооружений, которая была одобрена правительством США. Там записано, что если разразится стратегическая ядерная война с Советским

Союзом, то Соединенные Штаты «должны одержать верх и быть в состоянии вынудить СССР как можно скорее стремиться к завершению враждебных действий на благоприятных для США условиях»¹⁰. Американский специалист по проблемам контроля над вооружениями А. М. Кукс назвал директивы по «удовлетворительному» и «благоприятному» исходу ядерной войны «фантазиями, основанными на чистом безумии». Почти немыслимо, считает он, чтобы подобный образ мышления мог стать основой внутренних дебатов и планирования в Вашингтоне. И тем не менее это так¹¹.

Взаимное устрашение

Таким образом, война не умерла, она только при-таилась, прикинулась мертвой. Ну а как же с теми, кто пытается успокоить мировую общественность ссылками на инстинкт самосохранения? Стоит ли тревожиться, говорят они, если уже многие годы, несмотря на постоянное наращивание запасов ядерного оружия и расширение «клуба» владеющих им держав, удается избежать катастрофы. Были, конечно, драматические моменты, когда, казалось, оставался шаг до пропасти (западно-берлинский кризис 1953 г., карибский кризис 1962 г.), но благодаря сдержанности и благоразумию, проявленным с обеих сторон этот роковой шаг не был сделан. Больше того, кризисы послужили своего рода испытанием прочности существующего молчаливого соглашения не начинать ядерной войны. Почему же надо предполагать, что так не может быть и дальше?

Подобные оптимистические рассуждения основаны на том, что самой надежной основой предотвращения ядерной войны в современных условиях служит взаимное устрашение. Однако анализ международной обстановки со всей определенностью показывает, что если даже эта доктрина и соответствующая ей политика оказали услугу миру в течение последних десятилетий, то он никак не может покоиться на такой шаткой основе вечно.

Во-первых, и в том случае, если обе стороны будут соблюдать скрупулезно правила и нормы, сложившиеся вокруг концепции взаимного устрашения (как правовые, записанные в различных соглашениях, так и моральные или джентльменские), опасность все равно будет возрастать вследствие наращивания и особенно качественного совершенствования средств массового уничтожения.

Чем больше создается оружия, напичканного электро-
никой, тем выше шанс, что где-то и когда-то автоматика
может отказаться, война начнется случайно. В нашей
печати приводилось много фактов, свидетельствующих,
что это не досужая выдумка журналистов, а вполне
реальная угроза¹². Продолжается и расширение «ядер-
ного клуба»¹³, что, без сомнения, увеличивает неопре-
деленность обстановки: возрастает не только число по-
тенциальных источников всемирного конфликта, но и круг
проблемных ситуаций, способных послужить для него
поводом. Иначе говоря, просто стоять на позиции взаим-
ного устрашения, не добиваясь снижения уровня воен-
ного противостояния,— значит мириться с увеличением
ядерной опасности.

Во-вторых, концепция взаимного устрашения подры-
вается воинственными ястребами в правящем американ-
ском классе, которые не могут смириться с установив-
шимся примерным паритетом военных сил между Совет-
ским Союзом и Соединенными Штатами, спят и видят
те времена, когда США принадлежало осязаемое воен-
ное превосходство. Если в 70-х годах Пентагон, верхушка
военно-промышленного комплекса вынуждены были
умерять свои аппетиты, то сейчас они получили полную
свободу действий. Не приходится говорить что угроза
сломать равновесие военных сил (в частности, путем
размещения в Западной Европе сотен дополнительных
американских ракет средней дальности, запуска в произ-
водство ракет «МХ» и нейтронной бомбы, форсирован-
ного роста военных расходов и т. д.) подрывает основы
концепции взаимного устрашения.

Наконец, третий, не менее существенный момент —
внутренняя противоречивость самой концепции, возмож-
ность различного ее толкования. В своих рассуждениях
на этот счет Шелл начинает с конца. Предположим,
говорит он, что одна из сторон нанесла первый удар
всеми имеющимися в ее распоряжении силами. В каком
положении окажутся руководители противной стороны?
Их территория уже превращена в радиоактивную пусты-
ню, но средства нанесения ответного ядерного удара
сохранены в шахтах, на бомбардировщиках и подводных
лодках. В чем для них будет заключаться цель нанесе-
ния ответного удара? Поскольку нации уже не суще-
ствует, такой целью не может быть обеспечение на-
циональной безопасности. Не может быть ею и защита
других народов, так как ответный удар окончательно
погубит экосферу и положит конец существованию че-

ловечества. Каким будет их решение в подобных условиях, невозможно предугадать.

А отсутствие уверенности в реакции пострадавшей стороны подрывает идею устрашения, ибо появляется шанс (пусть незначительный и рискованный) нанести удар без возмездия. Поэтому теоретики начинают ломать головы над тем, как исключить подобную ситуацию. У каждой стороны должно существовать абсолютное убеждение, что противник не поколеблется нанести ответный удар. Г. Кан в этой связи утверждает, что наилучшим средством предотвращения нападения будет «видимость иррационально непоколебимой решимости». Поскольку же притворство ненадежно, надо «в действительности намереваться сделать это». Таким образом, комментирует Шелл, предлагаемая Каном политика, которую он называет «рациональностью иррационального», заключается в том, чтобы хладнокровно лишиться себя рассудка.

Другой вариант, предлагаемый американскими теоретиками, — создать впечатление неконтролируемости своих действий либо действительно сделать их такими. Неконтролируемость, как и безумие, устраняет надобность в разумных мотивах для ответного удара; создается положение, когда он наносится «как бы случайно». В этой связи Шелл отмечает, что в мемуарах Холедамана, бывшего в свое время начальником канцелярии Никсона, есть запись, что последний верил в теорию «президента-безумца», согласно которой враги склонятся перед волей президента, если сочтут, что он лишился рассудка и ради достижения некоторых ограниченных национальных целей готов пойти на риск ядерного побоища.

Шелл описывает еще одну идею Кана, призванную устранить недостатки доктрины ядерного устрашения. Это — создание «машины судного дня», которая взорвет мир, как только враг предпримет действия, неприемлемые с точки зрения ее обладателя. Механизм, стоимость которого, по подсчетам Кана, должна обойтись в 10 млрд. долл., не станет, понятно, испытывать никаких сомнений в отношении ответного удара. Люди в этом случае будут лишены возможности принимать решения, целиком вручив свою судьбу автоматике.

Ну а если в результате ошибки компьютера «машина судного дня» примет фатальное решение без всякого на то основания? Разыгрывая запутанные сценарии «ответного удара», американские теоретики ядерной стратегии увлекаются этим занятием, как шахматной задач-

кой. Их расpalенное воображение легко предает атомному пожару Ленинград и Чикаго, сносит с карты пол-Европы, организует тотальные сражения в океане и в космосе. При этом они всерьез уверяют публику, а может, и сами верят, что подобные упражнения имеют целью сделать безупречной логическую схему взаимного устрашения и, следовательно, упрочить мир.

«Сон разума рождает чудовищ», — говорил Гойя. Можно сказать и наоборот: «Рождение чудовищ свидетельствует о сне разума». Вместо того чтобы мудрствовать лукаво над вторым ударом, американским теоретикам стоило бы прежде всего задаться вопросом: как исключить возможность первого удара и почему в отличие от Советского Союза Соединенные Штаты никак не хотят брать на себя соответствующие обязательства? Что же касается их нынешних теоретических изысканий, ограничимся точной оценкой Шелла: «Несостоятельность доктрины ядерного устрашения является следствием еще большей коренной несостоятельности — упора на удар, влекущий за собой всеобщее уничтожение, чтобы предотвратить такое уничтожение».

Здесь уместно сделать отступление. Шелл не всегда блещет безукоризненной логикой. Одну мысль он доказывает, другую предлагает читателю на веру. Есть у него суждения глубокие и оригинальные, а есть банальные и наивные. Но пожалуй, самое характерное для него, как, впрочем, и для многих других западных интеллектуалов, — это причудливое сплетение общечеловеческого и классового, планетарного и американского начал. Кое-где он приводит их к общему знаменателю, как и должно быть, когда ведешь речь о ядерной угрозе, в других же случаях они вступают у него в коллизию, американский обыватель берет в нем верх над «гражданином мира». Словом, Шелл дает предостаточно поводов для полемики, да иначе и быть не может, коль скоро имеешь дело с автором, стоящим на иных идейных позициях.

Однако при этом надо не упускать из виду одно важное обстоятельство. Борьба идей может и должна быть бескомпромиссной, когда речь идет о принципах общественного устройства, о том, что лучше — общественная собственность или частная, какая система надежней гарантирует права человека и т. д. Участники таких идейных схваток не обязаны искать соглашений, да это было бы и бесполезным занятием, поскольку невозможно примирить противоположные мировоззрения. Вопрос о том, какое из них в большей мере отвечает нуждам челове-

чества, за каким будущее, решается в конечном счете народами, историей.

Иное дело — международные проблемы, и прежде всего ядерная опасность. Единственный способ если не устранить ее совсем, то по крайней мере ослабить — соглашение, основанное на приемлемом для всех компромиссе. Это не значит, что полемика вокруг самой насущной и актуальной проблемы современности должна вестись на полутонах, в елейной или келейной (т. е. в обстановке секретности) форме: речь идет о вопросе, затрагивающем жизненные судьбы всего человечества, и оно имеет полное право знать, кто чего хочет, какой смысл содержится в той или иной программе. Это значит лишь, что, высказав прямо и нелицеприятно все, что они думают по существу дела и поведения друг друга, стороны должны тем не менее искать точки соприкосновения, проявлять максимум терпения, пока не найдено совместное решение.

Именно в понимании специфики, правильное даже сказать — *уникальности*, ядерной проблемы проявляются и профессиональное чутье, и человеческие качества всех, кто имеет к ней отношение: политических деятелей и военных стратегов, ученых и публицистов, специализирующихся в области международных отношений. Взгляд на ядерную опасность из Москвы и Вашингтона сейчас во многом полярен, но если одних западных теоретиков такое положение вполне устраивает и они в лучшем случае позволяют себе высказывать надменное сожаление, что «та сторона не желает идти на уступки», то другие серьезно озабочены ситуацией и настойчиво призывают к поискам разумной альтернативы.

К лагерю обеспокоенных принадлежит и наш автор. Он страстно призывает человечество «выйти из коматозного состояния», очнуться, прийти в себя, осознать, что дальше так продолжаться не может, начать действовать без промедления. Но вот беда: этот его замечательный призыв может остаться не услышанным из-за крайне неточной расстановки политических акцентов по двум кардинальным вопросам, непосредственно прилегающим к проблеме ядерной опасности, по существу составляющим с ней одно целое. В первую очередь это проблема соотношения мира и развития.

Подойдем к ней вот откуда. Буквально взрыв негодования в мировом общественном мнении вызвала фраза бывшего государственного секретаря США А. Хейга: «Есть вещи поважнее мира». Не цитируя этой фразы, Шелл по существу вступает в полемику со своим воинственным соотечественником, убедительно доказывая, что в современную эпоху задача предотвращения ядерной войны занимает абсолютно приоритетное место по сравнению со всеми другими целями человеческой деятельности. И дело не только в том, что право на жизнь всегда было и остается самым важным из всех прав человека. Дело в том, что сегодня речь идет о *выживании человеческого рода*, а это служит предпосылкой, *sine qua non*, удовлетворения всех других чаяний. «Пока мы удерживаемся от самоуничтожения, история продолжает развиваться полным ходом, и потребности, желания, опасения, интересы и идеалы, которые всегда были свойственны людям, в полной мере продолжают давать о себе знать, даже несмотря на то, что всем им грозит гибель... Каждому правительству и каждому гражданину во всех странах, особенно правительствам и гражданам Соединенных Штатов и Советского Союза, предстоит решить вопрос, какое значение придавать выживанию всего мира по сравнению с потребностями деловой активности в этом мире»¹⁴.

Но вот загвоздка: справедливо ставя превыше всего задачу выживания человечества, Шелл лишь мимоходом упоминает, что «люди желают также быть свободными и процветающими», «хотят справедливого к себе отношения». Он как бы отделяет все прочие интересы от важнейшего, выключает их из сферы своего внимания. Между тем проблема мира неразрешима вне связи с другими насущными потребностями. Причем и в субъективном, и в объективном плане.

В субъективном, потому что она смотрится иначе из разных точек планеты и даже с позиций различных социальных слоев в пределах одних и тех же буржуазных государств. Если, например, опросить миллионы американских безработных, то выяснится, что они не хотят ядерной войны по крайней мере так же сильно, как их благополучные соотечественники. Но угроза ядерного уничтожения заботит их меньше, они наверняка отодвигают ее на второй план, потому что самое для них важное — прокормиться, найти источник средств существо-

вания. Примерно то же можно сказать о десятках миллионов американских негров и «цветных», у которых на первом плане стоит потребность вырваться из унижительной атмосферы расовой дискриминации. О чем, кроме куска хлеба, могут думать почти 800 млн. людей, проживающих в зоне голода? Задумываются ли вообще над проблемами ядерного апокалипсиса сотни миллионов неграмотных, подавляющее большинство которых отрезано от политической информации и не представляет, что творится за пределами их жилищ и поселений? О чем, кроме свободы, может мечтать коренное население ЮАР, должен ли ужас всеобщего уничтожения сильно заботить униженного и растоптанного человека, который, подобно герою романа южноафриканского писателя Дж. Гордона, говорит о себе: «Да сгинет день, в который я родился!»?

В объективном плане, потому что закономерности общественного развития не действуют изолированно друг от друга, а прорубают себе путь, опрокидывая тенденции противоположного свойства, менее устойчивые и динамичные, нейтрализуя полунедругов и находя себе близких по духу союзников. Разумеется, мы пользуемся этим языком условно. Искусственное «одушевление» объективного мира, где властвуют не страсти, а «большие числа», лишь помогает понять, что никакой обнаруженный наукой закон не гарантирует того или иного хода событий, не следует упускать из виду его взаимоотношений с другими законами, и что наиболее достоверное предвидение может быть лишь итогом учета как можно более широкого круга взаимосвязей, существующих в природе и обществе.

С этой точки зрения нельзя сколько-нибудь объективно взвесить шансы мира, не приняв во внимание, как влияют на решение этой проблемы социалистическая, национально-освободительная, научно-техническая революции, как они соотносятся с другими глобальными проблемами, во весь рост вставшими перед человечеством на исходе второго тысячелетия. Между тем Шелла все это столь мало заботит, что он даже не пытается протянуть связь между задачей предотвращения войны и задачей строительства справедливого мира, используя хотя бы расхожий аргумент о том, что сокращение военных расходов и направление части высвободившихся средств на нужды развития позволили бы в короткие сроки сократить географию голода, массовых эпидемических заболеваний, неграмотности.

Или другой момент. Как мы уже говорили, американский публицист обращает внимание на то, что ядерная война означала бы уничтожение всей экосферы. Но с горячими призывами спасти среду обитания человека от полного уничтожения странным образом сочетается равнодушие к нынешнему медленному ее увяданию. А ведь и здесь можно и нужно было усмотреть прямую связь: чем меньше средств будет тратиться на гонку вооружений, тем больше их останется для того, чтобы своевременно «лечить» природную среду, восстанавливать ее жизненные силы. Это не говоря уж о том, как благоприятно скажется на ней полное прекращение ядерных испытаний.

Вообще создается впечатление, что Шелл как бы заморожен ядерной опасностью. Подобно человеку, оказавшемуся лицом к лицу с гремучей змеей, он не в состоянии отвести взгляда, а такая сосредоточенность при всех ее очевидных позитивных моментах имеет немало и теневых сторон, мешает рассмотреть проблему во всех ее опосредованиях.

Это особенно наглядно проявляется в неспособности американского автора принять во внимание реальную экономическую и социальную ситуацию в мире. Ведь для того, чтобы спасти его от ядерной опасности, надо прежде всего постараться понять, куда, в каком направлении толкают его закономерности экономического и социального развития, каково содержание переживаемой нами эпохи. Конечно, не будучи марксистом, Шелл может и не признавать, что это эпоха перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе и что победы нового общественного строя ведут к утверждению отношений мира и дружбы между свободными и равноправными народами, к интернационализации всей жизни человечества. Но он должен бы, подобно многим своим западным коллегам, понимать, что повсюду в мире уже произошла, происходит или назревает ломка старых отношений между людьми и народами, основанных на угнетении и эксплуатации. Ведь не учитывать этого фактора при исследовании возможности предотвращения ядерной войны — все равно что строить здание в сейсмической зоне, не потрудившись придать ему необходимых запасов прочности.

Поскольку Шелл тем не менее начисто обошел эту сторону дела, постараемся в предельно сжатой форме возместить пробел. Чтобы нагляднее представить себе связь между миром и развитием, следует прежде всего

отрешиться от привычного, но одностороннего представления о мире как простом отсутствии военных действий. С философской точки зрения понятие мира никогда не было всего лишь формой, в которую может быть вложено любое экономическое, социальное или политическое содержание. Подобно тому как война между Римом и Карфагеном отличалась от столетней войны между Англией и Францией, столетняя от тридцатилетней, в которой приняла участие едва ли не половина европейских государств, тридцатилетняя от наполеоновских войн, наполеоновские от первой и второй мировых войн, отличаются, притом существенно, и состояния мира. Он может быть прочным или хрупким, опираться на равновесие сил потенциальных противников или на устойчивое превосходство одного из них, быть полнокровным (с точки зрения условий для развития экономических связей и культурного обмена) или анемичным.

Возьмем хотя бы известное каждому со школьных времен историческое понятие «версальский мир». За этими двумя словами скрывается целая бездна общественных явлений, характеризующих состояние Европы между первой и второй мировыми войнами. Это и экономическая разруха, истощение главных воюющих сторон, и величайшая социалистическая революция в России, и новая система отношений между Европой и Соединенными Штатами Америки, и очередной раунд борьбы империалистических держав за передел мира, и нацистская диктатура в Германии, и формирование новых этнических обществ в рамках вновь созданных или перекроенных государств. Это был мир, структура которого повлияла на самый широкий круг условий человеческой жизни, привела к существенным изменениям в образе мыслей, быту, обычаях и даже в языке ряда народов.

Словом, мир — не просто отсутствие войны, но *определенное общественное состояние*, и эта истина, верная всегда, приобрела новое значение в нашу эру, ибо никогда еще война или угроза войны не оказывала столь сильное и разностороннее влияние на все стороны общественной и личной жизни. А с другой стороны, как прямая реакция на это приобрело невиданный ранее размах сопротивление кровавому молоху со стороны его потенциальных жертв.

Великий революционный процесс, начатый Октябрьской революцией и принявший по существу глобальный характер, вывел на арену истории и сделал активными непосредственными участниками исторического действия

многомиллионные народные массы. Мы часто упоминаем этот факт, но не всегда делаем из него должные выводы. Между тем именно благодаря этой новой роли народных масс антивоенная идея впервые соединилась с идеей антиугнетательской, идеей социального и национального освобождения. Здесь, между прочим, и кроется принципиальное различие между буржуазным пацифизмом и широким антивоенным движением. Буржуазный пацифист (да и не только буржуазный, ведь пацифизм не изобретение нового времени, были его проповедники и в древние времена) отрицает войну, с которой связаны ужас, мрак, хаос, разорение, кровь и угроза смерти. Он не хочет ничего, кроме сохранения *сущего состояния мира*, в котором так удобно и вольготно жить, обладая определенным достатком. Иное дело — воля к миру простого люда. Отвергая войну, он в то же время гроша ломаного не даст за сохранение чуждого себе мира, мир-то ему нужен совсем другой, преображенный, в котором он сумеет найти достойные для себя условия существования.

Теперь постараемся слить в своем сознании два различных понятия, обозначаемых словом «мир». Мир как отсутствие войны и мир как мировое сообщество. Каким мы хотим его видеть? Ответ очевиден каждому — справедливым и процветающим. В этом суть проблемы: огромное большинство человечества видит будущее в двух измерениях, оно не согласно со старым миром, требует нового мира и нового мирового порядка. Любая попытка обойти это требование, ограничиться предотвращением войны (т. е. по сути дела сохранением старого мира) иллюзорна. Спасти старый мир не удастся никакими заклинаниями, никаким нагнетанием страха перед ядерной опасностью, никакой самой изощренной политической стратегией и пропагандой. Это неразрешимая задача. Есть только единственный путь работать на предотвращение ядерной войны — сознательно и целеустремленно способствовать действию объективного исторического процесса, удовлетворению чаяний подавляющего большинства человечества. Вся суть нашей эпохи сводится в конечном счете к решению сложной, но разрешимой задачи — *перейти от старого состояния мира к новому без войны*.

Четко и лаконично выражена эта мысль в Делийском послании VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран: «Центральными проблемами нашего времени являются мир и мирное со-

существование, разоружение и развитие. Однако мир должен базироваться на справедливости и равенстве, потому что установленные колониализмом и империализмом невыносимое неравенство и эксплуатация остаются главными источниками напряженности, конфликтов и насилия в мире».

О суверенитете и мировом правительстве

Какие же политические условия могут обеспечить подобное развитие? Здесь мы имеем дело уже с другой кардинальной проблемой нашего времени — *соотношением национального и интернационального*. В этом вопросе Шелл примыкает к распространенному в западной политической мысли течению, сторонники которого видят источник всех бед в национальном суверенитете, а якорь спасения — в мировом правительстве.

Ядерные державы, говорит он, сохраняют и наращивают свои вооруженные силы не для того, чтобы гарантировать мир, а для того, чтобы обеспечить свои национальные интересы и устремления, в последнем же счете — увековечить саму систему суверенных государств. Официальным мотивом ассигнований на военные цели является защита национальной безопасности, а в это понятие вкладывается на деле что угодно. Так, США объявили зоной своей национальной безопасности район Персидского залива, и президент Картер в свое время объявил: «Любая попытка со стороны внешних сил установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как удар по жизненным интересам США. Такой удар будет отражен всеми необходимыми средствами, включая военную силу». Таким образом, резюмирует Шелл, Соединенные Штаты готовы были пойти на применение ядерного оружия под предлогом защиты национальной безопасности, в то время как в действительности речь шла об американской заинтересованности в получении ближневосточной нефти. К этому мы могли бы добавить, что американское руководство объявило зоной национальных интересов США Латинскую Америку и Ближний Восток, Западную Европу, Океанию, Японию, Юго-Восточную Азию и т. д.

Проводя параллель между отдельным обществом и системой международных отношений, Шелл пишет, что некогда, при переходе от природного состояния к гражданскому, индивиды уступили свое право на насилие центральной власти, которая в соответствии с опре-

деленными правилами использует совокупные ресурсы на общее благо. К сожалению, такого «общественного договора» не было заключено в мировом масштабе. Поскольку здесь нет никакой центральной власти, процесс принятия решений остался децентрализованным, и по существу каждый член этого сообщества, каждое государство могут наложить вето на дальнейшее существование человеческого рода. И мы, восклицает он, считаем такую систему верхом государственной мудрости!

Не знаю, как думают американские теоретики, а мы не считаем эту систему верхом мудрости. Она конечно же нуждается в радикальном усовершенствовании. Но, сколь ни выражай возмущения и ни махай руками, дело от этого не изменится. Система суверенных национальных государств есть не злокозненная выдумка каких-то негодяев, задумавших таким путем извести человечество, а объективный результат действия законов общественного развития, которые предопределили возникновение наций и организацию общественной жизни в рамках национально-территориальных общин. Безусловно, это не венец развития, а всего лишь один из его этапов. Установившаяся ныне система должна будет уступить место более совершенному миропорядку, но это возможно лишь на стадии победы социализма во всем мире.

Однако Шелл, как и другие теоретики буржуазного клана, хочет мирового правительства, отнюдь не желая социализма. Возможно ли мировое правительство без социализма? Давайте и здесь прибегнем к мысленному эксперименту. Предположим, все страны, независимо от их общественной системы, согласились отдать свою судьбу в руки мирового правительства, чтобы устранить опасность всеобщего уничтожения в ядерном пожаре и решить другие насущные проблемы, вставшие перед человечеством. Взявшись за дело, мировое правительство неизбежно должно будет заняться плановым учетом, распределением и перераспределением ресурсов, чтобы обеспечить в более или менее короткий срок ликвидацию голода, болезней, нищеты, разрыва между экономически развитыми и слаборазвитыми странами¹⁵. Как отнесутся к этому те же США? Их реакцию нетрудно предвидеть.

В США господствует, как известно, крупный капитал, прочную опору которого составляет так называемый средний класс. Речь идет о довольно значительной части населения, которая в большей или меньшей мере приобщена к потреблению американского богатства. Не бу-

дем касаться сейчас вопроса, каким путем оно нажито, чего в нем больше — созданной трудом стоимости или спекулятивных прибылей от продажи оружия, технического гения или доходов, выкачиваемых корпорациями из слаборазвитых стран, американской деловитости или даровых преимуществ, проистекающих из бреттон-вудской системы (т. е. принятия доллара за основу валютной системы всего капиталистического мира, фактического возведения этой бумажки в ранг чистого золота). Как бы то ни было, не только хозяева Уолл-стрита, но и миллионы зажиточных американцев находятся в привилегированном положении по сравнению с миллиардами других жителей планеты. Достаточно сказать, что один американец потребляет столько же энергии, сколько 500 индийцев. Согласятся ли люди, пользующиеся такими привилегиями при существующей в США частной предпринимательской системе, на более справедливое распределение мирового богатства?

Неужели американские теоретики из буржуазного лагеря не задаются этими вопросами, ратуя за мировое правительство? Полагать так было бы полной наивностью. Все дело в том, что, ополчаясь на суверенитет, они видят в нем не столько препятствие для разоружения, сколько рогатку на пути распространения тотального американского влияния. В их представлении Америка именно потому может рискнуть пойти на ликвидацию суверенитета, что на ее стороне экономическое и научно-техническое могущество, которое должно обеспечить господствующее положение американскому бизнесу, корпорациям, науке, технике, политической системе, массовой культуре, вкусам. Иначе говоря, под ликвидацией суверенитета и мировым правительством понимают все то же американское руководство миром, о котором назойливо твердят едва ли не все политические деятели и идеологи этой страны.

Причем идеология американского империализма представляет собой вершину буржуазного эгоизма. Ей абсолютно не свойственны какие-либо отступления от железных законов коммерции, она чужда христианского милосердия, которое изредка дает о себе знать в идеологии буржуазии Старого Света. Это наглядно выражается в том, что, претендуя на руководящую роль, американские идеологи в массе своей не считают США обязанными в обмен взять на себя ответственность за участь отстающих народов пойти на какие-то жертвы. Ничуть не бывало. «Мы имеем право на руководство,

потому что это право вручено нам самим господом богом».

Трумэн, выступая по радио перед своими соотечественниками 9 августа 1945 г., заявил: «Мы благодарим бога за то, что бомба появилась у нас, а не у наших противников, и мы молим о том, чтобы он указал нам, как использовать ее по его воле и для достижения его цели». Что это, как не откровенное богохульство: ссылаться на всевышнего, намереваясь вступить на путь ядерного шантажа. И спустя 40 лет святоши из Белого дома, поминутно поминая все имя господа, твердят, что одна Америка достойна руководить миром, провозглашают программу открытого вмешательства в дела других государств, насаждения американских интересов, порядков и нравов. Вот вам и реальное наступление на суверенитет, с той лишь разницей, что в отличие от расчетов Шелла оно не может привести ни к чему иному, как к усилению опасности войны ¹⁶.

Нельзя не отметить такой любопытный факт. На протяжении многих десятилетий буржуазная пропаганда обвиняла Советский Союз в мессианстве, в намерении навязать всем советскую модель, использовать идею социализма для насаждения «русского империализма» и «русского духа». Что же мы видим на практике: многообразие экономических и политических форм в странах реального социализма, богатую палитру методов развития по социалистическому пути в группе развивающихся стран, широкий спектр теоретических представлений о будущем у партий рабочего класса, борющихся за социализм в капиталистических странах. А с другой стороны, именно США с их имперской идеологией пытаются подогнать мир под свой ранжир, подчинить своей воле.

Американский конгресс и президент уже сейчас часто ведут себя так, как если бы они были провозглашены мировым правительством: выражают недовольство законом о профсоюзах, принятом в Польше, или разражаются бранью по адресу сальвадорских партизан; рекомендуют западногерманскому избирателю остановить свой выбор на христианских демократах или требуют, чтобы румынское правительство облегчило выезд из своей страны эмигрантам. Наглости этой публике не занимать. Вполне вероятно, что лично Шелл не имел в виду подобное мировое правительство. Но так уж получается: даже хороший лозунг, выдвинутый не вовремя, становится не только утопическим, но и реакционным.

Ядерная опасность — это опасность сегодняшнего дня, и следует не гадать о том, как она могла бы быть предотвращена в иных политических условиях, а искать реальные пути решения этой проблемы сейчас.

С любовью и страхом

Усмотрев в суверенитете главный источник ядерной угрозы и объявив ему священную войну, Шелл с сарказмом пишет о «реалистах», которые «советуют нам признать суверенитет за нечто неизбежное, называя любую другую альтернативу нереалистичной и утопичной». По его словам, как раз «реалисты с их искаженным образом мышления не способны признать основную реальность нашего века — яму, в которую рискует угодить человеческий род; утопическим они именуют любой план, дающий человечеству шанс избежать самоуничтожения. Политические мероприятия, которые ставят нас на грань катастрофы, объявляются ими умеренными и приемлемыми, тогда как серьезные предложения, могущие отвести на несколько шагов от края пропасти, — экстремистскими или радикальными. Используя подобные устрашающие эпитеты, сторонники сохранения статус-кво поддерживают анахроничный образ мыслей, стремятся блокировать революцию в мышлении и действии, необходимую, чтобы человечество могло продолжать свое существование»¹⁷.

Здесь мы оказываемся в деликатном положении. С одной стороны, нельзя не сочувствовать Шеллу, ибо по сути дела его филиппики направлены и против тех в американском истеблишменте, кто упорно цепляется за догмы имперской политики, не желая осознать, что они в полном смысле играют с огнем. С другой стороны, как ни оскорбляется Шелл тем, что его идеи могут отнести к разряду утопии, но так ведь оно и есть, никуда от этого не денешься. Серьезная абберрация зрения допускается уже тогда, когда он обвиняет во всех смертных грехах защитников самой идеи суверенитета. Между тем эта идея играет чрезвычайно прогрессивную роль для народов развивающихся стран, которые вынуждены в упорной борьбе отстаивать право быть хозяевами своей судьбы, защищать свою независимость от американского империализма.

Если же говорить о «реалистах», к которым Шелл некорректно относит всех защитников суверенитета, то и здесь дело обстоит не так просто. Ему бы следовало

оставить в покое тех, кто резонно полагает, что идея мирового правительства на данном этапе неосуществима, и сосредоточивает внимание на поисках реальных путей урегулирования существующих конфликтов, ослабления военных угроз. А направить бы свои стрелы в тех теоретиков и политических деятелей, которые под предлогом защиты суверенитета и национальной безопасности пытаются навязать народам *raх-аmericапа*.

Расплывчатость, неопределенность буржуазного пацифизма, может быть, с особой силой обнаруживают себя в позитивной программе, формулируемой американским публицистом. По его мнению, чтобы избавиться от ядерной опасности, необходимо преобразовать отношения между людьми, приспособив их к жизни в «ядерном общем мире». Первым принципом этого мира должно стать «уважение к человеку, родившемуся и неродившемуся, основанное на общей любви к жизни и общем риске, связанном с нашими разрушительными силами и склонностями». Второй принцип — уважительное отношение к Земле, осознание экологического закона, согласно которому окружающая среда рассматривается не просто как стихия, в которой более или менее приятно жить, но как основа человеческой жизни. И наконец, третий принцип — «уважение к богу или к природе, мирозданию, к чему угодно другому, чем предпочтут называть космическую пыль, которая сотворила нас или стала нами. Нужно помнить, что ни как индивиды, ни как существа мы не создали самих себя и что наша возросшая мощь не созидательна, а лишь разрушительна»¹⁸.

Итак, программа рассчитана на всех. В ней есть место и для верующих, и для атеистов (по крайней мере пантеистов), она экономна, абстрактна и, увы, отличается отсутствием творческого воображения. В самом деле, вдумаясь, какую перспективу Шелл возводит в идеал — это всеобщая любовь, питаемая прежде всего общим страхом, как если бы группа путешественников оказалась неподалеку от жерла вулкана в канун извержения и проповедник сказал им: возлюбим друг друга, братья, ибо нам угрожает неминуемая гибель.

Впрочем, стоит процитировать пояснения самого Шелла. Рассуждая насчет того, какой именно закон имеет больше шансов утвердиться в ядерном мире — закон любви или закон страха, он приходит к выводу, что в конечном счете один вытекает из другого. Почему? Потому, что закон страха опирается на любовь к само-

му себе. «Любовь, эта духовная энергия, которую человеческое сердце противопоставляет физической энергии, высвобожденной из материи, может создать, взлелеять и спасти то, что может быть уничтожено и превращено в мертвую пустыню в результате всемирной катастрофы. И все же фактически сейчас нет необходимости (по крайней мере с практической точки зрения) выбирать между законом страха и законом любви, потому что в конечном счете они ведут к одному и тому же»¹⁹. После этого не остается сомнения, что в основе модели спасенного от катастрофы «общего ядерного мира» лежит не что иное, как классическая религиозная догма, согласно которой человек должен пребывать в постоянном страхе перед богом за содеянные им грехи. И именно в этом заключается единственная для него возможность спасти себя.

Нет, не стоило Шеллу выдвигать свою позитивную программу, если его воображения хватило лишь на то, чтобы воспроизвести евангельский миф. Ну а как он мыслит себе способ «переправы» по ту сторону ядерной опасности, в его идеальный мир всеобщей любви, основанной на всеобщем страхе? Да никак. И прямо заявляет об этом: «В этой книге я не пытался дать политическое решение проблемы ядерной опасности; в мою задачу не входили широкий пересмотр основ политического мышления, необходимый для того, чтобы мировые политические институты соответствовали глобальной реальности, в рамках которой они действуют, или разработка практических мер, при помощи которых человечество, впервые в истории действуя совместно, сможет реорганизовать свою политическую жизнь. Эти сложнейшие, не терпящие отлагательства задачи, которые возлагает на нас история, я оставляю другим»²⁰.

Не станем сетовать — автор честно очертил круг своих возможностей. И думается, при всех ее пробелах и слабостях его книга сыграет положительную роль, еще раз обратив внимание рядовых американцев на ядерную опасность, напомнив им об их ответственности за судьбу Земли.

Поскольку же Шелл предоставляет другим решать реальные политические проблемы противодействия ядерной угрозе, воспользуемся этим предложением и скажем, что сейчас задача первостепенная и неотложная — остановить гонку ядерных вооружений и сделать первые шаги к действительному разоружению. Конкретная программа действий в этом направлении содержится

в Пражской декларации государств — участников Варшавского Договора, в целом ряде важных инициатив по вопросам ядерного разоружения, выдвинутых Советским Союзом, в том числе в последнее время. Опыт 70-х годов свидетельствует, что и по этим сложным вопросам могут быть при желании найдены взаимоприемлемые решения: ведь были же заключены договоры о запрещении испытаний ядерного оружия, ограничении стратегических вооружений СССР и США и т. д.

Очень хочется надеяться, что разум, забота о сохранении рода человеческого, простой инстинкт самосохранения возьмут верх над мракобесием, самонадеянностью и эгоизмом. Ширящееся движение в США за замораживание ядерных арсеналов — признак того, что американский народ все сильнее осознает размеры грозящей миру беды. Книга Шелла — одно из многих тому свидетельств.

Начиная с 1947 г. американский журнал ученых-физиков («Bulletin Atomic Scientist») помещает в каждом номере изображение часов, показывающих приближение «страшного суда». Редакторы ставят стрелки на то или иное расстояние от цифры, указывающей полночь, в зависимости от того, куда, по их мнению, дуют ветры мировой политики. В последнее время стрелки часов приблизились к 12. Это — грозное предостережение. Но теперь уже можно уверенно сказать, что оно вызывает не страх и апатию, а решимость противостоять беде. Как организм борется с болезнью, так человечество мобилизует сейчас все свои мощные защитные средства, чтобы атомная полночь не наступила никогда.

Рассмотренные нами произведения ряда западных футурологов весьма различны по своей политической направленности, тематике, подходу к проблемам будущего. Их нелегко, да и не нужно подводить под общий знаменатель. Но одну присущую всем им черту отметить следует. Это отсутствие надежной теоретической базы, ясного представления о закономерностях общественного развития. А коль скоро у авторов нет научной концепции исторического прогресса, их предположения о том, куда и как пойдет ход событий, страдают субъективностью, в большинстве своем случайны и бездоказательны. Это, конечно, не значит, что все они ошибочны. Пристально наблюдая течение общественной жизни, подмечая свойственные ей тенденции, можно угадать те или иные детали ее дальнейшего развития. Но именно угадать, и только детали. Вот почему немарксистская общественная мысль не в состоянии дать сколько-нибудь достоверную, и тем более вдохновляющую, альтернативу марксистско-ленинскому учению о социализме и коммунизме.

В наше время империалистическая буржуазия не жалеет ни сил, ни средств, чтобы помешать распространению и победе социалистических идей. На службу этой цели поставлены весь имеющийся в ее распоряжении идеологический арсенал, накопленный за столетия господства капитализма опыт манипуляции общественным сознанием, мощная сеть современных средств массовой информации. Целенаправленно готовятся кадры теоретиков и пропагандистов, пускаются в ход изощренные методы обработки умов. Все это не остается без результатов, способствует сохранению среди части населения капиталистических стран антикоммунистических предубеждений.

Но сколь ни значительны еще ресурсы капитализма, как ни велико желание буржуазии добиться перелома в борьбе идей, ей приходится шаг за шагом отступать,

высвобождая «духовное пространство» для революционной идеологии рабочего класса. И не только потому, что буржуазные, как, впрочем, и мелкобуржуазные, концепции будущего не в состоянии соперничать с последовательно научной марксистско-ленинской теорией общественного развития. Прежде всего потому, что начиная с Октября 1917 г. сама история авторитетно засвидетельствовала правильность этой теории. А практика, как известно, высший критерий истины.

Построение в СССР развитого социалистического общества, формирование мировой системы социализма, возникновение группы стран социалистической ориентации, превращение коммунистического движения в самую влиятельную политическую силу современности, идущую в авангарде борьбы трудящихся за мир и социальный прогресс, подтверждают правильность учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, его полное соответствие объективной логике истории.

Нет ничего более чуждого духу марксизма-ленинизма, чем некий казенный оптимизм, согласно которому все, что совершается в мире, идет в нужном направлении. Исторический процесс всегда сложен и многообразен, ему присущи неожиданные повороты и зигзаги, на отдельных участках и в определенные отрезки времени могут иметь место и попятные движения. Научное предвидение требует учитывать все факторы, влияющие на формирование будущего, «исходить из сложившихся реальных, из того, что доказано практикой, общественной мыслью, коллективным опытом масс»¹. Строгое соблюдение этого требования марксистско-ленинской методологии обеспечивает высокую степень достоверности программ, прогнозов, планов, составляющих основу деятельности коммунистов.

Ни на йоту не отступая от основополагающих принципов теории научного социализма, марксисты анализируют новые явления в жизни общества, обогащают и уточняют научно обоснованное представление о наиболее вероятных маршрутах его развития. В этом непрерывном творческом развитии залог жизненности науки о социализме, служащей для человечества путеводной звездой в борьбе за лучшее будущее.

Цитируемая литература

Введение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 37.

Глава I

О. Хаксли и Д. Оруэлл: кошмары тоталитаризма

¹ В последнее время на Западе особенно расплодилось «романы ужасов», цель которых — запугать людей, внушить им отвращение к самой мысли о необходимости социальных перемен.

² У Хаксли это гарантировано физиологически. Поскольку «размножение» рода человеческого поставлено в «прекрасном новом мире» на индустриальную основу и производится искусственным путем, все новорожденные «особи» заранее распределяются по кастам, и посредством химии, гипнопедии, изощренной системы целенаправленного воспитания им задаются те или иные качества.

³ Любопытно, что в «прекрасном новом мире» введено летосчисление, берущее начало от рождения Г. Форда, — более чем прозрачный намек на происхождение этого мира от бездушного конвейера и потогонной системы организации позднего капиталистического общества.

⁴ Как отмечает В. Шестаков, Хаксли удалось убедительно показать уже в 30-е годы, что современная буржуазная цивилизация вырабатывает новый механизм управления обществом: чтобы подчинить волю и сознание масс воле господствующей касты, вовсе не обязательно прибегать к политике насилия, голода или террора. Есть другие, тоже достаточно эффективные средства — тем более эффективные, что, парализуя самостоятельность мысли и чувства, они оставляют человеку необходимую для него иллюзию свободы выбора, иллюзию, подкрепляемую всеми видами удовольствия и наслаждения (см.: Шестаков В. Социальная антиутопия Олдоса Хаксли — миф и реальность. — Новый мир, 1969, № 7, с. 241).

⁵ Цит. по: Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? М., 1974, с. 301—302.

⁶ Scheck F. R. Augenschein und Zukunft. — Science Fiction. Theorie und Geschichte. München, 1972, S. 270—271.

⁷ Антиутопии успешно используются и писателями марксистской ориентации, чтобы показать, к чему может привести развитие тех или иных негативных тенденций, если им не будет оказано должного противодействия.

⁸ Raines J. C. Attack on Privacy. Valley Forge, 1976, p. 11.

⁹ Ibid., p. 16—28, 49.

К злостным нарушениям «внутренней территории личности» Рейнз относит и близкий к тюремному контроль над подлинными и мнимыми душевнобольными, и навешивание ярлыков в результате практики определения так называемого коэффициента интеллектуальности, и унижение человеческого достоинства получателей государственных пособий, обязанных информировать власти о каждом своем шаге.

- ¹⁰ Цит. по: *Severn B. The right to privacy.* N. Y., 1973, p. 3.
- ¹¹ *Monde diplomatique*, 1978, VIII.
- ¹² Цит. по: *Severn B. The right to privacy*, p. 38.
- ¹³ *Civil rights and liberties in the 1970.* N. Y., 1973, p. 3.
- ¹⁴ *New York Times magazin*, 1976, 12/IX.
- ¹⁵ *Spiegel*, 1976, 19/VII.
- ¹⁶ *Stern*, 1978, 27/VII.
- ¹⁷ *Stern*, 1978, 13/VII.
- ¹⁸ *Spiegel*, 1978, 31/VII.
- ¹⁹ *Monde diplomatique*, 1976, IV.
- ²⁰ *Le Figaro*, 1978, 19/IV.
- ²¹ А. Дёблин — автор утопического романа «Горы, моря и гиганты», вышедшего в 1924 г. и близкого по проблематике к произведениям О. Хаксли и Д. Оруэлла. По существу это та же анти-утопия, но с сильными элементами мистицизма.
- ²² *Silvert K. The Reason for Democracy.* N. Y., 1977, p. 97—98.
- ²³ *Sinai J. The Decadence of Modern World.* Cambridge (Mass.), 1978, p. 114.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 215.
- ²⁵ *Flechtheim O. Futurologie. Der Kampf um die Zukunft.* Köln, 1971.
- ²⁶ *Tuccille J. Whós afraid of 1984? The case for optimism in looking ahead to the 1980's.* N. Y., 1975.

Глава II

Э. Берджес: анархо-синдикалистская угроза

- ¹ *Bergess A.* 1985. L., 1978.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 36.
- ³ Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал необходимость отделять здоровые требования, направленные на развитие демократии, от ошибочных и опасных политических лозунгов. «Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом, — говорил он, обращаясь на X съезде Коммунистической партии к участникам «рабочей оппозиции», — идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но если вы предлагаете «всероссийский съезд производителей», это — не марксистская, не коммунистическая точка зрения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 55). И в другом месте: «Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле большей связи с действительно рабочими массами — безусловно необходимы. Идти в этом отношении на «уступки» мы можем и должны... Это вовсе не уступки, это помощь рабочей партии. Этим мы все, что есть здорового и пролетарского в «рабочей оппозиции», мы все получим на сторону партийную, останутся «классово сознательные» авторы синдикалистских речей» (там же, с. 44—45).
- ⁴ *Правда*, 1982, 15 июня.
- ⁵ *Weicheld K. Anarchismus heute: Sein Platz im Klassenkampf der Gegenwart.* Berlin, 1980.
- ⁶ По данным Министерства внутренних дел ПНР, уже к июню 1981 г. в странах НАТО, главным образом в США, действовало свыше 400 центров по «поддержанию политической оппозиции в Польше», ставящих целью свержение народной власти (см.: *Известия*, 1982, 9 ноября).
- ⁷ Он, правда, оговаривается, что сознательно не брал в расчет «здоровый смысл и гуманность, присущие среднему рабочему»,

что имелись в виду главным образом воинственные профсоюзные лидеры, но этот никак не вяжется с основной концепцией «1985».

Глава III

Ж.-Ж. Серван-Шрайбер: гимн информатике

¹ *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial. Paris, 1980.

² *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi américain. Paris, 1967.

³ В частности, этому посвящена книга соотечественника Серван-Шрайбера, бывшего министра в правительстве Ширака М. Понятовского (*Poniatowski M.* L'Avenir n'est écrit nulle part. Paris, 1978). Он предпочел, правда, термину «информатика» термин «телематика».

⁴ См., например: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности. М., 1981; *Хозин Г. С.* Глобальные проблемы современности. М., 1982.

⁵ Кстати, согласно некоторым прогнозам, к 2000 г. в мире возникнет 25 мегаполисов с населением более 10 млн. человек каждый, из них 20 — в развивающихся странах.

⁶ *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial, p. 244.

⁷ *Ibid.*, p. 215.

⁸ А. Печчеи утверждает, что главными причинами и следствиями «мирового политического беспорядка» являются постоянная напряженность между Востоком и Западом и нарушение равновесия между Севером и Югом. «Человечество распало между этими двумя осями», — пишет он (*Peccei A.* 100 pages pour l'avenir. Paris, 1981, p. 110).

⁹ *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial, p. 28.

¹⁰ *Ibid.*, p. 68.

¹¹ *Ibid.*, p. 71.

¹² *Ibid.*, p. 198.

¹³ По прогнозам, с 1975 по 1990 г. среднегодовой доход на душу населения в промышленно развитых странах возрастет с 5865 до 9999 долл. (в долларах 1975 г.), в развивающихся странах со средним уровнем он увеличится с 1275 долл. в 1980 г. до 1719 долл. (в долларах 1977 г.), а в беднейших странах — со 168 до 201 долл.

¹⁴ *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial, p. 147.

¹⁵ *Ibid.*, p. 147. Английские специалисты также отмечают, что при баснословных доходах (например, в Объединенных Арабских Эмиратах доход на душу населения составил, по их данным, 14 тыс. долл.) положение миллионов людей в большинстве стран ОПЕК не улучшилось, а разрыв между городом и деревней даже возрос (*Hallwood P., Sinclair S.* Oil, Debt and Development. OPEC in the Third World. L., 1981).

¹⁶ *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial, p. 355.

¹⁷ *Ibid.*, p. 364. Для сравнения приведем следующую характеристику из упоминавшейся книги М. Понятовского: «По отношению к социал-марксистскому и капиталистическому обществам телематическое общество представляет собой более высокую стадию эволюции. У него своя логика и свои не имеющие прецедента возможности. Я даже осмелюсь сказать, что оно относится к другому миру». И еще: «Уже нынешнее состояние телематики дает основание говорить о «мутации цивилизаций», сравнимой с той, которая последовала за изобретением письменности, — увеличение объема памяти, умножение и модификация систем информации, возможное из-

менение моделей власти» (*Poniatowski M. L'Avenir n'est écrit nulle part*, p. 68, 54). Таким образом, при несущественной разнице в терминах здесь тот же пафос ожидания великих перемен, пришествия технизированного рая.

¹⁸ *Servan-Schreiber J.-J. Le défi mondial*, p. 369.

¹⁹ Вот как описывает ту же перспективу американский журнал: вообразите себе учителя, который с бесконечным терпением исправляет ваши ошибки; спортивного тренера, без усталости натаскивающего вас в вашей излюбленной игре; информатора, который поможет вам узнать, какая книга считается сейчас бестселлером, что надо в первую очередь приобрести в местном магазине одежды, каковы последние достижения в лечении почечных болезней. Соберите все это в маленький ящик — и вы получите персональный компьютер... Автор ликует по поводу того, что возрастающий спрос на домашнюю ЭВМ позволит оживить экономическую конъюнктуру (*Newsweek*, 1982, February 22).

²⁰ *Servan-Schreiber J.-J. Le défi mondial*, p. 370.

²¹ *Ibid.*, p. 371.

²² Об этом предупреждает в драматической форме А. Печчеи: современная наука ведет нас, пассивных субъектов, к фантастическому веку плутония, автоматизации и генетической алхимии, т. е. веку, созданному для суперменов. Однако люди по-прежнему остаются просто людьми, совсем не подготовленными к подобному будущему, и движение к этому веку может окончиться для них крахом (*Peccei A. 100 pages pour l'avenir*, p. 97).

²³ *Servan-Schreiber J.-J. Le défi mondial*, p. 377.

²⁴ *Ibid.*, p. 380.

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Ibid.*, p. 375.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Ibid.*, p. 405.

³⁰ *Ibid.*, p. 374.

³¹ *Ibid.*, p. 393.

³² *Ibid.*, p. 300.

³³ *Ibid.*, p. 312—314.

³⁴ *Ibid.*, p. 333—334.

³⁵ *Servan-Schreiber J.-J. Le défi américain*, p. 7.

³⁶ Подсчитано, что разведанные к настоящему времени запасы нефти истощились бы через 4 года, природного газа — через 5 лет, цинка — через 6 месяцев, свинца — через 4 года, меди — через 9 лет, бокситов — через 18 лет и т. д.

³⁷ См.: Известия, 1982, 27 февраля.

Глава IV

К. Жюльен и С. Ниринг: голоса тревоги

¹ *Julien C. Suicide of the Democracies*. L., 1975.

² *Ibid.*, p. 31.

³ *Ibid.*, p. 28.

⁴ *Ibid.*, p. 55—56.

⁵ *Ibid.*, p. 73.

⁶ За прошедшие годы положение не улучшилось. В статье «Америка приходит в упадок» (журнал «Ньюсунк») отмечалось, что раз-

бита и требует нового покрытия четвертая часть национальной системы автомобильных дорог, находится в негодном состоянии система водоснабжения половины всех населенных пунктов, грозит рухнуть пятая часть мостов, требуют капитального ремонта свыше половины школьных зданий в одном Нью-Йорке и т. д. (Newsweek, 1982, 2/VIII).

⁷ *Julien C.* Suicide of the Democracies, p. 78.

⁸ *Ibid.*, p. 77—78.

⁹ *Ibid.*, p. 111.

¹⁰ *Ibid.*, p. 115—116.

¹¹ *Ibid.*, p. 122.

¹² *Ibid.*, p. 128.

¹³ *Ibid.*, p. 124.

¹⁴ *Ibid.*, p. 135.

¹⁵ *Ibid.*, p. 182.

¹⁶ *Ibid.*, p. 9.

¹⁷ *Ibid.*, p. 154.

¹⁸ *Ibid.*, p. 7.

¹⁹ *Ibid.*, p. 19.

²⁰ *Ibid.*, p. 167.

²¹ *Ibid.*, p. 8.

²² *Ibid.*, p. 21.

²³ *Ibid.*, p. 103.

²⁴ *Ibid.*, p. 263.

²⁵ *Ibid.*, p. 241.

²⁶ *Ibid.*, p. 187.

²⁷ *Ibid.*, p. 12.

²⁸ См.: *Нуринг С.* Свобода: обещание и угроза. Критика культуры свободы. М., 1966.

²⁹ Там же, с. 67—68.

³⁰ Там же, с. 109.

³¹ Там же, с. 145.

³² Там же, с. 65—66.

³³ Там же, с. 188.

Глава V

Г. Кан: мир по-американски в XXII в.

¹ *Kahn H., Brown W., Martell L.* The next 200 years. A scenario for America and the World. N. Y., 1976.

² *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. L., 1967.

³ *Kahn H. a. o.* The next 200 years, p. 91.

⁴ *Ibid.*, p. 8.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Bzezinski Z.* The international system: crisis and change. — Polish revue (N. Y.), 1975, vol. 20, N 4, p. 7.

⁸ *Kahn H. a. o.* The next 200 years, p. 27.

⁹ *Ibid.*, p. 196.

¹⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 623.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 428.

¹² *Kahn H. a. o.* The next 200 years, p. 35.

¹³ *Ibid.*, p. 36, 37.

¹⁴ *Ibid.*, p. 39.

¹⁵ *Ibid.*, p. 43.

¹⁶ Кстати, пока Кан прогнозировал, американские концерны времени не теряли: по сообщениям прессы, они уже «пристроили» около миллиона тонн радиоактивных отходов, которые должны быть захоронены в некоторых африканских странах.

¹⁷ *La crise de l'imperialisme*. Paris, 1975, p. 27.

¹⁸ *Kahn H. a. o. The next 200 years*, p. 208.

¹⁹ *Ibid.*, p. 200.

²⁰ *Ibid.*, p. 23.

²¹ *Ibid.*, p. 197.

²² *Ibid.*, p. 24.

²³ *Ibid.*, p. 199.

²⁴ *Ibid.*, p. 16.

²⁵ *Ibid.*, p. 205.

²⁶ *Ibid.*, p. 206.

²⁷ *Ibid.*, p. 22.

²⁸ *Ibid.*, p. 196.

²⁹ *Europe 2000. L.*, 1977, p. 272.

³⁰ К тому же Мерсье в меру своего разумения пытался угадать, как будут решаться во Франции XXV в. и более существенные вопросы, например управление: «При тех успехах, коих достигли у нас наука и просвещение, разумеется, было бы просто позором для рода человеческого, если бы мы, сумевшие измерить расстояние меж землей и солнцем и определить вес планет, оказались бы неспособными обнаружить простые и действенные законы, с помощью которых надобно управлять разумными существами!» (*Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой. Л.*, 1977, с. 136).

³¹ *Boulding E. Futurology and the imaging capacity of the West. — The Teilhard Review (L.)*, 1972, vol. 7, Febr., N 1.

³² В упоминавшейся статье Боулдинг выделяет наряду с технократическим и гуманистическим еще одно направление — «футурологию участия». Сюда он относит И. Галтунга в Европе, А. Васкова в США и их единомышленников, которые объявляют себя сторонниками «творческого беспорядка» и рассчитывают построить «острова будущего» снизу, в результате стихийного порыва масс.

³³ Стоит напомнить, что в докладе Д. Медоуза подчеркивается необходимость утверждения прогрессивных общественных порядков как условия «глобального равновесия», предотвращения экологической катастрофы: «Общество, содействующее нововведениям и техническому развитию и основанное на равенстве и справедливости, является намного более подходящим для перехода в состояние равновесия, чем находящееся в состоянии роста, с которым мы связаны сегодня» (*Meadows D. H. a. o. The Limits to Growth. N. Y.*, 1972, p. 175). Таким образом, ошибочная посылка первого доклада Римскому клубу состоит в отрыве понятия «рост» (развитие) от его социальных последствий.

³⁴ См.: *Общественные науки*, 1979, № 1, с. 136.

³⁵ *U. S. News and World Report*, 1974, 2/XII, p. 53—54.

Глава VI

П. Хаукен, Д. Оугилви, П. Шварц:
будущее на ощупь

¹ *Hawken P., Ogilvy J., Schwartz P. Seven Tomorrows. Toward a Voluntary History. Toronto — New York — London*, 1982.

² *Ibid.*, p. 12.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 13.

⁵ Ibid., p. 34.

⁶ Ibid., p. 59.

⁷ Ibid., p. 55.

⁸ Там и сям американские авторы высказывают свои догадки и в отношении бытовых подробностей будущего. Вот одна из них — введение некой печатки, которая дает возможность избавиться от ношения ключей или наличных денег. Освободившись от этих тяжестей, люди смогут носить костюмы без карманов, что придаст им более опрятный и стройный вид, а главное преимущество — нечего будет опасаться грабежа.

⁹ Ibid., p. 63.

¹⁰ Ibid., p. 85.

¹¹ Следует отметить, что в данном случае речь идет не об отвлеченной фантазии. Рейган выступил 23 марта 1983 г. с речью, из которой следует, что США вынашивают планы разместить в космосе на специальной цепи спутников лучевое оружие. Как всегда, это намерение обосновывается «оборонительными целями». В действительности же так называемые лазерные системы ПРО (противоракетной обороны) — это оружие первого удара. Как свидетельствует М. Каку, директор Института мирной и безопасной техники в Нью-Йорке, американские теоретики ядерной войны исходят из того, что, каким бы «успешным» ни был первый удар США, с его помощью не удастся уничтожить весь советский потенциал для нанесения ответного удара. Средствами космической войны пентагоновские ястребы и рассчитывают «довершить» дело (Progressive, 1983, N 9).

¹² Hawken P. a. o. Seven Tomorrows, p. 113.

¹³ Ibid., p. 154.

¹⁴ Herald Tribune International, 1974, 16/IX.

¹⁵ Hawken P. a. o. Seven Tomorrows, p. 30.

¹⁶ Ibid., p. 178, 187.

¹⁷ Ibid., p. 182.

¹⁸ Представляет интерес трактовка свободы. Воздавая ей всяческую хвалу, авторы подчеркивают, что это не вседозволенность и произвол индивидов, что социальные группы вправе налагать ограничения на поведение своих членов. «Свобода не означает, что все возможно, и не предполагает следование единственной модели поведения. Свобода допускает расцвет только некоторых форм: не одной, не всех, а именно некоторых» (Ibid., p. 210). Нельзя не провести здесь параллель с отношением к свободе С. Нирина. Принципиальная разница заключается в том, что если философ-гуманист Ниринг требует ограничения свободы во имя справедливости, то футурологи домогаются того же во имя укрепления «национальной безопасности».

Глава VII

Д. Шелл: спасти будущее!

¹ Schell J. The Fate of the Earth. N. Y., 1982.

² Ibid., p. 121.

³ Ibid., p. 17.

⁴ О том, что ядерная война означала бы «смерть смерти», писал известный японский философ, профессор Хиросимского университета Сиго Сибата (Shibata Sh. The Philosophy of History in the Nuclear age. Hiroshima Place science, 1982).

⁵ Schell J. The Fate of the Earth, p. 105.

⁶ Ibid., p. 106.

⁷ Ibid., p. 220.

⁸ Ibid., p. 191.

⁹ Ibid., p. 91.

¹⁰ А вот как сформулировал суть этой доктрины консультант государственного департамента К. Грей: «Соединенным Штатам следует разработать план разгрома Советского Союза, причем такой ценой, чтобы это не исключило возможности восстановления самих США. Вашингтону следует указать такие цели в войне, которые в конечном счете предусматривали бы уничтожение советского политического руководства и создание послевоенного порядка в мире, совместимого с ценностями Запада... Использование потенциала уничтожения наступательных вооружений противника в сочетании со средствами гражданской обороны, систем ПРО и ПВО должно позволить Соединенным Штатам ограничить свои потери приблизительно 20 млн. человек; соответственно стратегические угрозы США становятся еще более реальными и серьезными» (Progressive (N. Y.), 1983, N 6).

¹¹ Der Spiegel, 1983, 5/III.

¹² По данным ЮНЕСКО, за последние 30 лет имело место по крайней мере 125 таких аварийных срывов, причем большинство их (96) произошло на США (Armaments, arms control and disarmament. Paris, UNESCO press, 1981).

¹³ По оценкам американских специалистов, к концу столетия возможно превращение в ядерные державы таких стран: Пакистана, Ирака, Ливии, Южной Кореи, ФРГ, Японии, Израиля, ЮАР, Бразилии и Аргентины.

¹⁴ Schell J. The Fate of the Earth, p. 127.

¹⁵ Кстати, именно с этого начало свою работу мировое правительство, сформированное уже после атомной катастрофы... в романе Г. Уэллса «Освобожденный мир».

¹⁶ Вот что писал патриарх Московский и Всея Руси Пимен в открытом послании президенту Рейгану: «Разве можно оправдывать словом божьим безумную гонку орудий массового истребления? Разве можно быть верным заповеди «Не убивай!» и одновременно говорить о допустимости «ограниченной ядерной войны», о «всеобщей ядерной войне», о «первом ядерном ударе», о «победе в ядерной войне» и прочих преступных и греховных помыслах?» (Известия, 1983, 5 апреля).

¹⁷ Schell J. The Fate of the Earth, p. 162.

¹⁸ Ibid., p. 176—177.

¹⁹ Ibid., p. 221.

²⁰ Ibid., p. 216.

Заключение

¹ Черненко К. У. Выступление на заседании Комиссии ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС 25 апреля 1984 г. М., 1984, с. 5.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. О. ХАКСЛИ И Д. ОРУЭЛЛ: КОШМАРЫ ТО- ТАЛИТАРИЗМА	10
Глава II. Э. БЕРДЖЕС: АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКАЯ УГРОЗА	33
Глава III. Ж.-Ж. СЕРВАН-ШРАЙБЕР: ГИМН ИНФОР- МАТИКЕ	56
Глава IV. К. ЖЮЛЬЕН И С. НИРИНГ: ГОЛОСА ТРЕВОГИ	84
Глава V. Г. КАН: МИР ПО-АМЕРИКАНСКИ В XXII в.	101
Глава VI. П. ХАУКЕН, Д. ОУГИЛВИ, П. ШВАРЦ: БУДУ- ЩЕЕ НА ОЩУПЬ	127
Глава VII. Д. ШЕЛЛ: СПАСИ БУДУЩЕЕ!	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	184

Георгий Хосроевич Шахназаров

**КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
(КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
НЕМАРКСИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
БУДУЩЕГО)**

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**

Редактор **И. Л. Щербина**

Младший редактор **Е. С. Дых**

Оформление художника **В. П. Григорьева**

Художественный редактор **А. М. Павлов**

Технический редактор **Н. Ф. Федорова**

Корректор **Г. С. Михеева**

ИБ № 2425

Сдано в набор 02.08.84. Подписано в печать 07.01.85. А 03302.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2 Литерат. гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. листов 10,08. Усл. кр.-отг. 10,3. Учетно-издат. листов 11,15.
Тираж 32 000 экз. Заказ № 1041. Цена 70 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

70 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА